

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Борисов С.В.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Монография

Москва
2010

ББК 67.99(2)

Б82

Б82 **Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики** : Монография. – М.: Международный юридический институт, 2010. – 256 с.

ISBN 978-5-902416-21-0

Рецензенты:

Костюк М.Ф., д. ю. н., профессор, начальник кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России;

Мордовец А.А., к. ю. н., старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России.

Монография отражает результаты исследования содержания и объема уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности, признаков составов последних, проблем их толкования в теории уголовного права и в правоприменительной деятельности.

В книге анализируется действующее законодательство, составляющее основу противодействия преступлениям экстремистской направленности, приводятся точки зрения ученых, а также позиция автора по дискуссионным, проблемным вопросам избранной темы.

Монография предназначена для работников правоохранительных органов, студентов, аспирантов и преподавателей юридических учебных заведений.

ISBN 978-5-902416-21-0

© Международный юридический институт, 2010

© Борисов С.В., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Понятие преступлений экстремистской направленности и проблемы его отражения в уголовном законе	7
§ 1. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности	7
§ 2. Преступления экстремистской направленности в общей структуре экстремизма	24
§ 3. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и иных стран – участниц Содружества Независимых Государств (СНГ) об ответственности за преступления экстремистской направленности	50
Глава II. Юридический анализ составов преступлений экстремистской направленности	84
§ 1. Общее понятие состава преступления экстремистской направленности	84
§ 2. Объект и объективная сторона преступлений экстремистской направленности	89
§ 3. Субъект и субъективная сторона преступлений экстремистской направленности	178
Глава III. Совершенствование законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности и практики его применения	212
§ 1. Разграничение преступлений экстремистской направленности	212
§ 2. Отграничение преступлений экстремистской направленности от смежных составов преступлений	222
§ 3. Направления совершенствования законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности	233
Заключение	237
Список использованной литературы	241

Введение

Преступления экстремистской направленности, занимая все более заметное место в общей структуре преступности¹, в последние годы стали привычным явлением в жизни российского общества, состоящего из множества социальных групп, разделяемых между собой как национальной либо расовой принадлежностью, так и религиозными, политическими и иными идеологическими предпочтениями.

Негативные тенденции в межгрупповых социальных отношениях присущи не только России, но и большинству других государств, ставших заложниками процессов глобализации.

Так, Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун в своем выступлении на международной конференции отметил, что «глобальный экономический кризис угрожает мировому сообществу распространением расизма. Миру необходимо бороться с угрозой распространения нетолерантности, в том числе антисемитизма и исламофобии.

Несмотря на убедительные и печальные доказательства опасности расизма и десятилетнюю борьбу с ним, сегодня с этим явлением по-прежнему сталкиваются все без исключения государства. Процветает ксенофобия. С помощью новейших технологий широко распространяются речи и заявления, сеющие ненависть»².

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. также отмечается, что на обеспечение национальных интересов негативное влияние будет оказывать дальнейшее развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма, национального экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма³.

При этом в данной Стратегии подчеркивается, что одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает

---

¹ Так, в 2008 г. было зарегистрировано 460 преступлений экстремистской направленности, что на 29,2 % больше, чем в 2007 г. (См.: Состояние преступности за 2008 г. – М.: ГИАЦ МВД России, 2009.)

² Из выступления Генсека ООН Пан Ги Муна на конференции по проблемам расизма в Женеве // Российская газета. 2009. 3 июля.

³ См.: Пункт 10 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

«экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране»¹. В этом же документе указываются и стратегические цели обеспечения национальной безопасности, в том числе защита основ конституционного строя Российской Федерации и сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе за счет постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма и других преступных посягательств².

Полагаем, что достижение обозначенных целей невозможно без комплексного изучения преступлений экстремистской направленности как негативного социально-правового явления, прежде всего в его уголовно-правовом и криминологическом аспектах.

Изучению вопросов противодействия экстремизму были посвящены работы таких ученых, как В.А. Бурковская, А.И. Долгова, О.Н. Коршунова, С.М. Кочои, Б.А. Мыльников, А.В. Павлинов, С.Н. Фридинский, А.Г. Хлебущкин и некоторых других авторов.

В работах, связанных с рассмотрением проблем уголовной ответственности за отдельные виды преступлений экстремистской направленности, высказывались различные точки зрения, касающиеся социальной природы этих деяний, их мотивации и уголовно-правовой оценки, а также подчеркивалась необходимость поступательной теоретической разработки данных проблем в связи с их актуальностью и повышающейся социальной значимостью.

Несмотря на несомненно позитивную роль всех проведенных в этом направлении исследований, отметим, что их содержание, во-первых, не охватывает всех видов экстремизма и его преступных проявлений, во-вторых, имеет преимущественно криминологическую направленность, не разрешая при этом большинства уголовно-правовых проблем, и, наконец, в-третьих, преступления экстремистской направленности не исследуются в качестве единой системы, обладающей общими для всех ее составляющих признаками.

---

¹ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, п. 37.

² Там же. П. 35, 36.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности, теоретической и практической значимости темы и, следовательно, необходимости проведения научного исследования вопросов уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

В монографии преступления экстремистской направленности рассматриваются с учетом проблем законодательства, теории и практики. При этом выделяются дискуссионные вопросы, касающиеся толкования признаков составов преступлений экстремистской направленности, а также юридической оценки данных уголовно наказуемых деяний.

Обоснование актуальности избранной темы исследования, структура и содержание последнего позволяют предположить, что монография может быть достаточно интересной и полезной для сотрудников органов следствия, дознания, прокуратуры, судей, адвокатов, а также для студентов, аспирантов и преподавателей юридических учебных заведений.

Глава I.

Понятие преступлений экстремистской направленности и проблемы его отражения в уголовном законе

§ 1. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности

Учеными в области логики понятие определяется как «логическая форма теоретического познания, позволяющая выделить изучаемый предмет из универсума мышления, уникально отличить его от других предметов»¹.

Следовательно, чтобы быть логически верным, понятие преступлений экстремистской направленности должно содержать в себе такие, только ему свойственные признаки, которые отличали бы его от всех других понятий уголовно наказуемых деяний и не позволяли смешивать с ними.

Понятие любого преступления имеет нормативно-правовой характер, так как основано на уголовном законе, и не должно ему противоречить, в том числе и в научных исследованиях. Однако многие из законодательных дефиниций содержат тот или иной оценочный признак (признаки) и являются настолько нечеткими, что требуется «научное вмешательство», чтобы вскрыть их суть и выявить некоторые особенности. Понятие же преступлений экстремистской направленности изначально вызывало и продолжает вызывать значительное число научных дискуссий, а также ошибок при квалификации соответствующих деяний в следственной и судебной практике.

Выделение различных групп и (или) видов преступлений в теории российского уголовного права традиционно производилось на основе анализа сходства и различий в признаках их объектов, объективной стороны, субъектов и субъективной стороны. Вместе с тем в последние годы наблюдается тенденция выделения на законодательном уровне новых видов (групп) уголовно наказуемых деяний, причем без указания на критерии данного выделения, за

---

¹ См.: *Солодухин С.А.* Логика : Методическое пособие для юридических факультетов. – М.: «Экспертное бюро-М», 1998. С. 33.

исключением таких нечетких и обобщенных терминов, как «характер» и «направленность» соответствующих преступлений.

Так, в 2002 г. УК РФ¹ был дополнен сначала ст. 205¹, а затем и ст. 282¹, признающими уголовно наказуемыми соответственно вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению и организацию экстремистского сообщества. В данных нормах были указаны принципиально новые для российского уголовного законодательства понятия: в названии ст. 205¹ УК РФ – «преступления террористического характера»; в ч. 1 ст. 282¹ этого УК – «преступления экстремистской направленности». При этом в частях первых ст. 205¹ и 282¹ УК РФ был приведен перечень статей об ответственности за отмеченные преступления, часть которых располагалась не только в различных главах, но даже и в разных разделах Особенной части УК РФ. В настоящее время ст. 205¹ УК РФ носит название «Содействие террористической деятельности»², причем понятие «террористическая деятельность» по своему содержанию и объему совпадает с ранее использованным понятием «преступления террористического характера».

Статья 282¹ УК РФ также претерпела значительные изменения: во-первых, из диспозиции ее части первой был исключен перечень уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности; во-вторых, данная статья УК РФ была дополнена примечанием 2, в котором дается понятие преступлений экстремистской направленности без выделения их конкретных видов.

Понятие преступлений экстремистской направленности ранее выводилось из содержания диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ в первоначальной редакции и определялось как уголовно наказуемые деяния, совершаемые по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды,

---

¹ Здесь и далее под УК РФ понимается Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г.

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3452.

а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные ст. 148, 149, частями первой и второй ст. 213, 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ. То есть в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ приводился исчерпывающий перечень следующих преступлений экстремистской направленности:

- воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ);
- воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ);
- хулиганство (ст. 213 УК РФ);
- вандализм (ст. 214 УК РФ);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ);
- надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

После отмеченных ранее законодательных изменений преступления экстремистской направленности стали определяться в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ как уголовно наказуемые деяния, «совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренными соответствующими статьи Особенной части настоящего Кодекса и п. «е» части первой ст. 63 настоящего Кодекса». Анализ приведенного определения позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Во-первых, слово «мотив» использовано законодателем во множественном числе, то есть преступления экстремистской направленности с субъективной стороны могут характеризоваться не одним, а несколькими побуждениями из числа указанных в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ.

Во-вторых, основу мотивации лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, составляют ненависть или вражда, имеющие политическую, идеологическую, расовую, на-

циональную, религиозную окраску либо направленные против представителей какой-либо социальной группы.

В-третьих, ненависть, вражда, а также их основания перечислены в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ в виде альтернативных, равнозначных в уголовно-правовом значении признаков, что дает возможность констатировать наличие в деянии экстремистской направленности при сочетании ненависти или вражды с каким-либо из оснований их возникновения.

В-четвертых, слова «ненависть» и «вражда» использованы в уголовном законе в качестве различающихся между собой понятий, что вызывает необходимость их сопоставления и проведения четкого разграничения.

В-пятых, большинством ученых считается, что признание экстремистской направленности за каким-либо преступлением допускается в следующих случаях: 1) указание на соответствующие мотивы непосредственно содержится в статье Особенной части УК РФ о данном преступлении; 2) деяние фактически совершено по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и совпадающим с ранее выделенными побуждениями, характеризующими такую направленность¹. Если следовать данной позиции, можно утверждать, что перечень преступлений экстремистской направленности является довольно объемным, так как под определение таких преступлений в настоящее время можно подвести практически любое уголовно наказуемое деяние, совершенное по соответствующим мотивам. Представляется, что такое понимание примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ, обусловленное неудачной редакцией последнего, еще более размывает уголовно-правовые рамки экстремизма, расплывает финансирование программ по противодействию данному явлению, а также усилия правоохранительных органов в этой области.

---

¹ См., например: *Павлинов А.В.* Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // *Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): Сборник научных трудов / Науч. ред. С.В. Максимов.* – М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 214; *Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : Методическое пособие / Под ред. А.И. Долговой.* – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 34.

Полагаем, что правильное отнесение деяния к преступлениям экстремистской направленности невозможно или, по крайней мере, затруднено без использования системы научно обоснованных критериев такого отнесения. Настоящее исследование одной из своих задач имеет именно выработку данных критериев.

Приведенные моменты позволяют утверждать, что сущность, основу экстремистской направленности составляют ненависть либо вражда виновных в отношении представителей социальных групп либо таких групп в целом, разделяемых между собой по признакам определенной политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной либо иной принадлежности.

В толковом словаре русского языка термины «ненависть» и «вражда» определяются за счет взаимного использования друг друга. Так, под ненавистью понимается «чувство сильной вражды, злобы»¹, а под враждой – «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью»².

Вместе с тем, по нашему мнению, в уголовно-правовом смысле содержание понятий «ненависть» и «вражда» не является идентичным. Объясним свою позицию.

Термин «вражда» в современном языке практически не используется, в научном же обороте, а именно в психологии, он трансформировался во «враждебность». Однако, если «враждебность» понимается, скорее, как интрапсихическое образование, то «вражда» наряду с внутренним психическим компонентом включает также и внешние практические (конфликтные, деструктивные) действия по отношению к своему объекту³.

Ненависть же определяется в психологии как «стойкое активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям», спо-

---

¹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. С. 408.

² Там же. С. 102.

³ См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. С. 50.

собное «вызвать не только соответствующую оценку своего предмета, но и активную деятельность, направленную против него»¹.

Приводя те же определения вражды и ненависти, авторы книги «Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика» приходят к выводу, что «ненависть является наиболее ярко выраженной, возможно, крайней формой проявления вражды»². Однако, по нашему мнению, ненависть может составлять основу вражды, а не наоборот, так как приведенные определения позволяют утверждать, что вражда всегда означает готовность лица к деструктивным действиям, а ненависть лишь предполагает такую возможность. Следовательно, когда лицо, ненавидя кого-либо, готово перейти к активным действиям против соответствующего объекта, можно вести речь о возникновении вражды по отношению к последнему. Кроме того, именно в такой последовательности термины «ненависть» и «вражда» употребляются в наименовании и в тексте диспозиции ст. 282 УК РФ, а также в примечании 2 к ст. 282¹ этого УК. Вместе с тем отметим, что для юридической оценки того или иного деяния как преступления экстремистской направленности разграничение понятий вражды и ненависти не имеет существенного значения – важно доказать одно либо другое, а равно их сочетание в качестве содержания направленности общественно опасных действий. Однако для целей назначения справедливого наказания следует установить и доказать, какое именно чувство испытывал виновный по отношению к соответствующей социальной группе и (или) ее представителям – ненависть либо вражду. Полагаем, что суд при постановлении обвинительного приговора должен учитывать, что лицо, испытывающее и проявляющее вражду, представляет большую опасность, нежели тот, кто ограничивается только ненавистью.

Для конкретизации уголовно-правового содержания терминов «ненависть» и «вражда» важно учитывать взаимное смысловое влияние, с одной стороны, понятия «экстремистская направленность» и указанных дефиниций, с другой. Остановимся на толковании словосочетания «экстремистская направленность».

---

¹ Краткий психологический словарь / Под ред. *А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского*. – М., 1985. С. 206.

² *Рашинов А.Р., Кроз М.В., Рашинова Н.А.* Указ. соч. С. 50.

Слово «экстремистский» является производным от термина «экстремизм» (от латинского слова «*extremus*»), определяемого как «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)»¹. Различным словам сходный смысл придает приставка «экстра...», образующая имена существительные и прилагательные со значением: 1) высший, например экстракласс; 2) выходящий за пределы обычного, например экстраординарный; 3) экстренный, например экстрапочта². Полагаем, что для правильного понимания прилагательного «экстремистский» целесообразно использовать приведенное толкование термина «экстремизм» и приставки «экстра...» отчасти в ее первом и преимущественно во втором значении.

Под направленностью филологами понимается целеустремленная сосредоточенность на чем-нибудь мыслей, интересов³. Причем в преступлениях экстремистской направленности мысли и интересы виновных сосредоточены на ненависти либо вражде в отношении представителей определенных социальных групп.

Исходя из приведенных определений, можно утверждать следующее.

Первое. Экстремистская направленность преступлений предполагает выходящее за рамки допустимого в обществе негативное отношение к определенным социальным группам и (или) их представителям, основанное на ненависти либо вражде к данным группам и соответствующим индивидам.

Второе. Такое отношение обусловлено конкретным отличительным признаком (признаками) этих социальных групп и (или) их представителей: приверженность определенной идеологии, направлению в политике, принадлежность к какой-либо ненавистной расе, национальности либо религии.

Третье. Содержание умысла виновного в том или ином преступлении экстремистской направленности включает в себя желание совершить общественно опасное деяние именно в отношении указанных групп и (или) их представителей, а равно в связи с существованием последних (например, сожжение вывески ресторана какой-либо национальной кухни). При этом виновный осознает, что в

---

¹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 908.

² Там же.

³ Там же. С. 389.

своем противоправном поведении он проявляет соответствующие ненависть либо вражду и желает их продемонстрировать.

На основе изложенного материала позволим себе сделать некоторые критические замечания по поводу законодательного определения преступлений экстремистской направленности.

Во-первых, слово «направленность» в обозначенном контексте должно означать стремление виновных достичь определенного преступного результата, а не совершение ими деяний на основе тех либо иных уже существующих в их психике мотивов, тогда как указанные преступления не имеют какой-либо определенной в законе цели, к достижению которой направлены усилия виновных. Поэтому данные преступления обладают не направленностью, а характером, так как никуда и ни к чему не направлены, а отличаются от других уголовно наказуемых деяний в основном присущими им специфическими мотивами. Исходя из этого, считаем, что в настоящее время в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ определяются не преступления экстремистской *направленности*, а преступления экстремистского *характера*. Данное утверждение основано на принятом в филологии понимании слова «характер» в его соотношении с приведенным ранее толкованием термина «направленность».

В используемом нами толковом словаре русского языка слово «характер» определяется в двух значениях: 1) совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении; 2) отличительное свойство, особенность, качество чего-нибудь¹. Полагаем, что относительно рассматриваемых преступлений следует исходить из второго значения слова «характер». Вместе с тем в настоящей работе будет использоваться словосочетание «преступления экстремистской направленности» с тем, чтобы не отступать от положений уголовного закона и не смешивать данную дефиницию с предлагаемым нами в дальнейшем изложении более широким по объему и содержанию понятием «преступления экстремистского характера».

Если же именовать определенные общественно опасные деяния преступлениями экстремистской направленности, то в определении последних необходимо указать то, на что направлены мысли виновных, что они желают достичь в результате совершения уголовно наказуемого деяния. По нашему мнению, таким результатом

---

¹ См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 860.

может быть возбуждение у других лиц ненависти либо вражды в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Считаем, что именно такой результат позволит обосновать необходимость выделения самостоятельной группы уголовно наказуемых деяний – преступлений экстремистской направленности.

По нашему мнению, повышенная степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности обусловлена, прежде всего, их способностью провоцировать и (либо) усиливать нетерпимость по отношению к тем или иным социальным группам в связи с явными отличительными признаками последних: раса, национальность, отношение к религии и т.д. Именно эта способность реализуется через направленность совершаемых экстремистских действий.

Социальные последствия преступлений экстремистской направленности можно сравнить с цепной реакцией. Так, на северо-западе Китая, в Синьцзян-Уйгурском районе, массовые беспорядки, продолжавшиеся несколько дней, начались вследствие, казалось бы, незначительного столкновения на национальной почве, произошедшего на одном из заводов в г. Шаогуань¹. «Местные рабочие напали на общежитие уйгуров (иная национальность Китая), которые якобы приставали к китайкам с сексуальными домогательствами. В завязавшейся драке погибли два уйгура.

Слухи об этом – проверенные или нет – дошли до Урумчи, где большинство населения – уйгуры. В городе начались волнения. Экстремисты из числа уйгуров начали избивать этнических китайцев, поджигали автомобили, громили магазины.

Кстати, умирять полицию пришлось не только уйгуров, но и этнических китайцев, которые провели в Урумчи контрвыступления»².

В ходе указанных беспорядков погибло около 160 человек, свыше 800 получили ранения. Данный пример демонстрирует как даже одно преступление экстремистской направленности, особенно в контексте межнациональной и прочей вражды, может привести к далеко идущим и весьма опасным для общества последствиям.

Во-вторых, следует признать недопустимым использование в законодательном определении преступлений экстремистской на-

---

¹ См.: *Шестаков Е.* Цепная реакция // Российская газета. 2009. 7 июля.

² Цит. по: *Еришов Ю.* Этнический бунт // Российская газета. 2009. 9 июля.

правленности излишне обобщенного словосочетания «какая-либо социальная группа» без указания определенных и существенных отличительных признаков такой группы. Буквальное толкование данного словосочетания позволяет подвести под соответствующее понятие любую из неисчислимого множества социальную группу, например группу болельщиков каждой из существующих спортивных команд, все преступные группы и т.д.¹, что может привести к неоправданно широкому применению уголовно-правовых норм о преступлениях экстремистской направленности.

Полагаем, что в законодательном определении преступлений экстремистской направленности следует привести исчерпывающий перечень отличительных признаков социальных групп и их представителей, вызывающих ненависть либо вражду виновных. Представляется, что такими признаками должны быть наиболее существенные из них, причем вызывающие ненависть либо вражду в самых крайних формах на протяжении всей истории человеческого общества: принадлежность к определенной расе либо национальности (этносу), обладание отличающимся цветом кожи, отношение к религии.

В развитие последнего замечания приведем диспозицию части первой ст. 187 Модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, изложенную в следующей редакции: «Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации»².

---

¹ См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. *В.Н. Кудрявцева.* – М.: Изд. Дом «Городец», 2007. С. 41.

² Цит. по: Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

Нетрудно заметить, что слово «ненависть» в названии и в диспозиции данной статьи отсутствует, а возбуждаемая вражда может иметь только национальную, расовую либо религиозную окраску. Сходную редакцию имела и диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ в ее первоначальной редакции до изменений, внесенных Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹. По нашему мнению, при формулировании законодательного понятия преступлений экстремистской направленности и положений, взаимосвязанных с ним уголовно-правовых норм, целесообразно исходить именно из приведенных более узких трактовок соответствующей преступной мотивации.

Наконец, в-третьих, буквальное толкование примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ приводит к выводу, что преступления экстремистской направленности должны быть предусмотрены соответствующими статьи Особенной части УК РФ и п. «е» части первой ст. 63 этого УК. Однако преступление не может быть предусмотрено никакой ст. (статьями) Общей части УК РФ, в том числе п. «е» ч. 1 ст. 63 этого УК, где приводится лишь перечень побуждений, свидетельствующих об экстремистской направленности деяния и отягчающих наказание за его совершение.

Последнее из приведенных критических замечаний указывает еще на одну довольно существенную проблему уголовного закона и правоприменения, обусловленную недочетом законодательной техники. Дело в том, что при буквальном толковании примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ можно и, пожалуй, даже нужно прийти к выводу, что перечень преступлений экстремистской направленности очерчен лишь теми статьи Особенной части УК РФ, которые непосредственно содержат указание на соответствующие побуждения деяния, так как в п. «е» ч. 1 ст. 63 данного нормативного правового акта не предусмотрено ни одного преступления, а лишь содержится указание на мотивы деяния, выступающие в роли обстоятельства, отягчающего наказание.

Отмеченная ситуация вынуждает ученых и правоприменителей прибегать к логическому толкованию уголовного закона и утверждать, а точнее – предполагать, что к преступлениям экстремист-

---

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 декабря.

ской направленности относятся и другие общественно опасные деяния, совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ¹. С нашей точки зрения, данное утверждение (предположение) не рассеивает сомнения относительно возможности единообразного толкования действующего законодательного определения преступлений экстремистской направленности и, как следствие, при рассмотрении конкретного уголовного дела оно должно «разбиваться» о принцип презумпции невиновности, гласящий, в частности, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого, а обвинительный приговор не может быть основан на предположениях².

Таким образом, считаем, что в настоящее время к преступлениям экстремистской направленности следует относить только те уголовно наказуемые деяния, совершение которых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы непосредственно предусмотрено соответствующими статьи Особенной части УК РФ. Следовательно, понятие преступлений экстремистской направленности является собирательным, включающим в себя, в первую очередь, следующие уголовно наказуемые деяния:

- 1) убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- 2) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
- 3) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ);
- 4) умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ);

---

¹ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова (автор комментария – С.В. Дьяков). – М.: Юриспруденция, 2008. С. 686.; Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): Сборник научных трудов / Науч. ред. С.В. Максимов. – М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 214–215.

² См.: Части 3 и 4 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

- 5) побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ);
- 6) истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ);
- 7) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ);
- 8) хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ);
- 9) вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ);
- 10) надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

Вместе с тем полагаем, что система преступлений экстремистской направленности будет неполной, если в нее не включить такие уголовно наказуемые деяния, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ). Последние уголовно наказуемые деяния следует, на наш взгляд, рассматривать в качестве умышленно создаваемых условий для последующего совершения преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, данные статьи УК РФ выступают в качестве общих уголовно-правовых норм по отношению к отмеченным ранее статьям этого УК, предусматривающим ответственность за отдельные (специальные) виды преступлений экстремистской направленности.

Помимо указанных посягательств, к деяниям, создающим условия для совершения преступлений экстремистской направленности, следует относить и вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ч. 4 ст. 150 УК РФ). Данное деяние приобретает экстремистскую направленность, если действиями виновного по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления присущи указанные мотивы ненависти либо вражды.

Мотивы ненависти либо вражды, хотя и не выступают в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ, а также ст. 280, 282, 282¹ и 282² этого УК, однако, с учетом особенностей объективной стороны и (или) цели деяния, могут присутствовать в психике виновных,

то есть являются факультативными признаками отмеченного элемента состава каждого из данных преступлений. Последнее утверждение не противоречит и нашим доводам относительно перечня рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, так как уголовный закон непосредственно предусматривает (подразумевает) возможность совершения таких преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Последний вывод можно распространить и на преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 111, а также ч. 2 ст. 213 УК РФ, так как каждая из данных уголовно-правовых норм как определенная система основана на взаимосвязи всех ее элементов. Так, «экстремистский» мотив составляет квалифицирующий признак умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ) и может входить в содержание соответствующих особо квалифицированных составов данного преступления (ч. 3, 4 ст. 111 УК РФ), а для квалифицированного состава хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) рассматриваемый мотив может быть характерен в силу его указания в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Таким образом, к преступлениям экстремистской направленности следует относить деяния, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2, 3 и 4 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, 280, 282, 282¹ и 282² УК РФ.

Как видим, понятие преступлений экстремистской направленности по своему объему отличается широким кругом входящих в него уголовно наказуемых деяний, нормы об ответственности за которые расположены в различных разделах и главах, например, статьи об ответственности за хулиганство (ст. 213 гл. 24 раздела IX УК РФ) и организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ гл. 29 раздела X УК РФ). При этом в теории уголовного права понятие и система преступлений экстремистской направленности изучены несколько поверхностно, в основном они подвергаются лишь резкой критике ученых¹ без взвешенных аргументов и конкретных

---

¹ См., например: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : Монография / Отв. ред. *Н.А. Лопашенко.* – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 67.

предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной деятельности в этой области.

Положения настоящего параграфа позволяют утверждать, что преступления экстремистской направленности, а также присущие им мотивы нельзя именовать обобщающими их терминами «расизм» либо «ксенофобия», как это делается в некоторых научных исследованиях и средствах массовой информации. Объясним свою позицию.

Как было рассмотрено ранее, преступления экстремистской направленности представляют собой определенную совокупность (систему) уголовно наказуемых деяний, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды к каким-либо социальным группам не только в связи с расовой принадлежностью представителей последних, но и их национальностью, идеологией, отношением к религии и т. д. Расизм же понимается как «реакционная теория и политика, утверждающая превосходство одной расы над другой»¹. Следовательно, расизм касается только одной разновидности негативного отношения к каким-либо социальным группам – утверждения о превосходстве одной расы над другой, причем не обязательно связанного с ненавистью либо враждой по отношению к «низшей» расе, а также с совершением преступлений против представителей последних.

Ксенофобия понимается в двух значениях: 1) болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами; 2) ненависть, нетерпимость к чему-либо чужому, незнакомому, иностранному². Как видим, ксенофобия может характеризоваться ненавистью как отношением (чувством) к чему-либо или кому-либо, но не сочетанием ненависти и вражды, свойственным преступлениям экстремистской направленности. Кроме того, ненависть при ксенофобии основана на боязни, страхе перед чем-то или кем-то чужим, тогда как мотивы рассматриваемых преступлений побуждают к активным деструктивным действиям в отношении ненавистных и не обязательно «чужих, незнакомых либо иностранных» социальных групп и (или) их представителей. Причем, как показывает проведенное изучение уголовных дел, виновным в данных деяниях, как правило, не свойственны боязнь либо страх перед теми, на кого они напада-

---

¹ См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 657.

² Там же. С. 311.

ют либо (и) в отношении кого ими возбуждается ненависть или вражда в других людях. Вместе с тем виновные в возбуждении ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) нередко распространяют, поддерживают и используют идеи расизма и ксенофобские настроения для достижения своей преступной цели.

Исходя из приведенных положений, можно утверждать, что ксенофобия, как, впрочем, и расизм, могут предшествовать и способствовать возникновению и укреплению мотивов преступлений экстремистской направленности, но не подменять данные побуждения.

Таким образом, понятие преступлений экстремистской направленности является, во-первых, относительно новым; во-вторых, содержащимся непосредственно в уголовном законе; в-третьих, основанным, прежде всего, на специфических побуждениях (мотивах) соответствующих преступлений; в-четвертых, собирательным и, наконец, в-пятых, недостаточно исследованным и, как следствие, еще однозначно не определенным в науке российского уголовного права и нуждающимся в совершенствовании на законодательном уровне.

Значение правильного установления мотивов преступлений экстремистской направленности подчеркивает следующий пример из судебной практики.

По приговору Ставропольского краевого суда Батчаев осужден по пп. «а», «е», «ж», «з», «п» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 205 УК РФ.

«Судебная коллегия, исключив из приговора осуждение Батчаева по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, обратила внимание на следующее.

Как установлено совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, на территории Карачаево-Черкесской Республики было создано и существовало преступное сообщество, состоявшее из религиозно-военизированных объединений – ваххабитских «джамматов», т. е. из автономных устойчивых групп как структурных подразделений. Данная преступная организация имела своей целью совершение тяжких и особо тяжких преступлений и совершала эти преступления. Она отличалась большим и стабильным составом членов, высокой степенью организации и сплоченности, четким распределением ролей, имела ярко выраженных лидеров – «духовных наставников», авторитет которых был непререкаем, чьи приказы выполнялись фактически беспрекословно, достаточно высоко и стабильно финансировалась.

Батчаев принимал непосредственное и активное участие в преступной организации, исполняя роль, отведенную ему руководителями сообщества.

В результате террористических актов в городах Минеральные Воды и Адыгее-Хабль, совершенных преступным сообществом, активным членом которого являлся Батчаев, погибло 27 человек.

В связи с тем, что основным мотивом преступных действий, как это установлено судом, была религиозная ненависть, осуждение Батчаева за убийство из корыстных побуждений Судебная коллегия сочла излишним и подлежащим исключению из приговора»¹.

Данное судебное решение еще раз подтверждает сделанный автором в дальнейшем изложении вывод о том, что деяние следует квалифицировать с учетом именно основного, главного мотива, выступившего внутренней движущей силой, сформировавшей стремление виновного совершить преступление.

Установление уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в сегодняшнем их понимании социально обусловлено неуклонным ростом межнациональных и межрасовых конфликтов, подпитываемых проявлениями ненависти и вражды между различными социальными группами; общественной опасностью таких проявлений, состоящей в существенном нарушении основ толерантности в обществе, необходимой для безопасности, стабильности и развития последнего. Несмотря на то, что рассматриваемые преступления, как правило, непосредственно затрагивают интересы личности (жизнь, здоровье, достоинство и т.д.), считаем, что характер их общественной опасности предопределяет, в первую очередь, нарушение социальных отношений «надличностного» уровня, обеспечивающих межгрупповые терпимость и взаимодействие в социуме.

Изложенные в настоящем параграфе выводы и замечания нацеливают на проведение научного исследования уголовно-правового аспекта преступлений экстремистской направленности, одним из результатов которого должно стать непротиворечивое определение таких уголовно наказуемых деяний, пригодное для использования в законодательстве и правоприменительной дея-

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 7. 2006. С. 31.

тельности. Именно решению данной задачи посвящено основное внимание автора монографии.

§ 2. Преступления экстремистской направленности в общей структуре экстремизма

Наряду с другими странами – участницами Шанхайской Конвенции от 15 июня 2001 г.¹ Россия признала экстремизм одной из угроз международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека. Как подчеркивается в данной Конвенции, экстремизм, терроризм и сепаратизм серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности государств, а также их политической, экономической и социальной стабильности.

5 июля 2005 г. в Астане была принята Концепция, посвященная взаимодействию государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой, в частности, были обозначены такие задачи, как выработка общих подходов государств – членов ШОС к борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и совершенствование правовых основ сотрудничества, а также развитие и гармонизация законодательств соответствующих стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Декларативные положения отмеченных международных актов находят свое отражение в национальном законодательстве России в виде определенных норм, указывающих на конкретные проявления экстремизма. Введение в российскую систему права понятия экстремистской деятельности (экстремизма), уголовно-правовых норм об ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ), а также последующие изменения и дополнения уголовного законодательства, направленные на противо-

---

¹ См.: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

действие экстремизму¹, вызвали научные дискуссии и сложности в правоприменительной деятельности. Споры ученых, трудности и ошибки в следственной и судебной практике во многом обусловлены сложностью законодательных формулировок, содержащих бланкетные и оценочные признаки.

Как уже указывалось ранее, понятия «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» в российской правовой системе появились относительно недавно, а точнее в 2002 г. Впервые в России понятие «экстремистская деятельность» и его синоним «экстремизм» на законодательном уровне были приведены и раскрыты в Федеральном законе от 27 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»², в п. 1 ст. 1 которого первоначально указывалось следующее: «экстремистская деятельность (экстремизм):

а) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

подрыв безопасности Российской Федерации;

захват или присвоение властных полномочий;

создание незаконных вооруженных формирований;

осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма;

возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

унижение национального достоинства;

осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а рав-

---

¹ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

но по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения;

публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;

посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность;

нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением;

создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей;

б) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

в) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждаю-

щие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье;

- г) финансирование указанной деятельности либо иное содействие в планировании, организации, подготовке и совершении указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств».

Понятие же преступлений экстремистской направленности впервые было закреплено в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, введенной в данный нормативный правовой акт Федеральным законом от 25 июля 2002 г.¹, первоначально изложенной в следующей редакции: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных ст. 148, 149, частями первой и второй ст. 213, 214, 243, 244, 280 и 282 настоящего Кодекса (преступления экстремистской направленности), а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности».

Понятие преступлений экстремистской направленности первоначально выводилось при анализе диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ и, по сути, содержало указание на мотивы соответствующих преступлений и перечень статей УК РФ об ответственности за совершение последних. К таким преступлениям относились следующие

---

¹ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

деяния: воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ); вандализм (ст. 214 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Сопоставление диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ и п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в их первоначальной редакции позволяло утверждать, что положения данных нормативных правовых актов не были достаточно согласованными. Так, отмеченный Федеральный закон указывал на мотивы, присущие преступлениям экстремистской направленности, только применительно к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма, тогда как в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ о массовых беспорядках вовсе не говорилось, но указывались еще и другие уголовно наказуемые деяния, помимо хулиганства и вандализма, точнее, статьи УК РФ о соответствующих преступлениях.

Кроме того, в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» возбуждение расовой, национальной, а также социальной или религиозной розни относилось к экстремизму только при совершении данного деяния с применением насилия или призывов к насилию, тогда как согласно ч. 1 ст. 282¹ УК РФ соответствующее преступление приобретало экстремистскую направленность и без его взаимосвязи с насилием. Следовательно, законодателем заведомо создавалась ситуация, при которой одно и то же деяние могло быть преступлением экстремистской направленности, но тем не менее не относиться к экстремизму, и наоборот.

В настоящее время в п. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» приводятся следующие виды экстремизма:

«насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической

кой базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг»¹.

Сопоставление первоначального и действующего понятий экстремистской деятельности приводит к выводу, что законодательный перечень деяний, относящихся к экстремизму, является достаточно динамичным, что не может не сказываться на эффективности правоприменительной деятельности, причем не лучшим образом. Так, Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ в данный перечень внесены существенные коррективы: из него исключены такие формулировки, как «подрыв безопасности Российской Федерации»; «захват или присвоение властных полномочий»; «создание незаконных вооруженных формирований»; «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность»².

В качестве недостатка законодательного определения объема понятия «экстремистская деятельность (экстремизм)» можно указать и уравнивание в характере и степени общественной опасности, во-первых, преступлений, относящихся к различным категориям, и, во-вторых, уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений. Так, к проявлениям экстремизма *de jure* относятся такие административные деликты, как пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (ст. 20.3 КоАП РФ), либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (ст. 20.29 КоАП РФ). Полагаем, что законодателю следовало более тщательно подойти к нормативному понятию экстремизма и, в пер-

---

¹ Пункт 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» приведен в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

² Данное посягательство в соответствии с ч. 1 ст. 205¹ УК РФ является одним из проявлений террористической деятельности, а последняя, в свою очередь, соотносится с экстремизмом как часть и целое.

вую очередь, разделить между собой преступления экстремистской направленности и указанные административные правонарушения, отнеся последние к созданию условий для осуществления экстремистской деятельности.

Понятие преступлений экстремистской направленности, как уже указывалось ранее, также подверглось изменениям и стало содержаться в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ, изложенном в следующей редакции: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьи Особенной части настоящего Кодекса и п. «е» части первой ст. 63 настоящего Кодекса».

Нетрудно заметить, что словосочетание «преступления экстремистской направленности» в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» отсутствует, однако в ней содержится указание на такое проявление экстремизма как «совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» части первой ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ приводится одно из обстоятельств, отягчающих наказание, а именно «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», то есть мотивы, присущие преступлениям экстремистской направленности, совпадающие с побуждениями, содержащимися в законодательном определении таких уголовно наказуемых деяний.

Если бы в примечании 2 к ст. 282¹ УК РФ была бы воспроизведена указанная формулировка ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», то сомнения относительно объема понятия «преступления экстремистской направленности» рассеялись и к последним можно было бы относить те посягательства, которые фактически были совершены по мотивам ненависти либо вражды в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Но, как уже отмечалось нами ранее, при разработке уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности была допущена неточность, существенно за-

трудняющая толкование последнего и, по нашему мнению, значительно сужающая объем рассматриваемого понятия.

Большинство из приведенных видов экстремистской деятельности (экстремизма) корреспондирует с соответствующими уголовно наказуемыми деяниями. Полагаем, что самостоятельное значение понятия экстремистской деятельности (экстремизма), подтверждаемое указанным Федеральным законом, должно распространяться и на присущие ей преступные проявления, которые, кроме того, также обозначены в этом нормативном правовом акте.

В связи с выделенными обстоятельствами считаем важным и необходимым частичное дополнение теоретической классификации уголовно наказуемых деяний такими их видами, как преступления террористического и экстремистского характера. Преступления же экстремистской направленности составляют часть всех уголовно наказуемых проявлений экстремизма – преступлений экстремистского характера.

Необходимо отметить, что в российском законодательстве, как, впрочем, и в науке, до настоящего времени не сформулировано понятие экстремизма (экстремистской деятельности), отражающее его существенные отличительные признаки. Приведенный ранее перечень деяний, относящихся к экстремистской деятельности, не отвечает на вопрос о содержании последнего о том, что же такое экстремизм, так как не содержит ни одного признака, позволяющего отличить данное понятие от всех прочих, например, от терроризма. Отмеченное обстоятельство дает повод для критики введения терминов «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в отечественное законодательство, особенно в УК РФ¹. Так, В. Третьяков отмечает, что «как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, превращаясь то в brutальное инакомыслие, то в собственно уголовное преступление – чаще всего либо в терроризм, либо в обычное насилие над личностью, или в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголов-

---

¹ См., например: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. *В.Н. Кудрявцева*. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 315–330; *Выжutowич В.* Понятие растяжимое // *Российская газета*. 2006. 24 ноября; *Дульман П.* Толкование экстремизма // *Российская газета*. 2006. 7 июля.

ном кодексе) деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»¹.

В теории уголовного права в последние семь лет довольно активно исследуется так называемый криминальный (преступный) экстремизм, понятие которого, конечно же, основывается на дефинициях, выработанных в других отраслях знания, например политологии. Полагаем, что для формулирования авторского понятия экстремизма целесообразно выделить соответствующие определения, уже сформулированные другими учеными, что позволит, с одной стороны, сохранить преемственность и избежать излишних повторов, и с другой – учесть допущенные ранее неточности с тем, чтобы новое определение соответствовало требованиям, предъявляемым к положениям законодательства. Последнее утверждение, по нашему мнению, согласуется с основным предназначением научных исследований в сфере юриспруденции – быть индикатором проблем законодательства, теории и практики и одновременно ориентиром для их совершенствования.

Анализ уголовно-правовой и криминологической литературы приводит к выводу, что в качестве общего понятия экстремистской деятельности (экстремизма) обычно используется следующая дефиниция: «Экстремизм – это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений»².

На основе приведенного понятия А.Г. Хлебушкин формулирует понятие преступного экстремизма как вида экстремизма, представляющего собой комплекс деяний, из числа альтернативно указанных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», за осуществление которых установлена уголовная ответственность³. Данный автор подчеркивает, что преступный экстремизм представляет собой собирательное понятие, признак противоправности которого носит двойственный характер

---

¹ Третьяков В. Загадка экстремизма // Российская газета. 2002. 15 июня.

² Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : Монография / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 27.

³ Там же. С. 30.

– содержание преступной экстремистской деятельности предусмотрено нормами УК РФ и указанного Федерального закона¹.

Кроме вида противоправности, в качестве классификационных критериев применительно к экстремизму используются и такие его особенности, как направленность умысла и содержание мотивации соответствующих правонарушений. При этом выделяют религиозный², этнорелигиозный³, политический⁴, социально-политический⁵ и этнополитический⁶ виды экстремизма.

Б. Мартыненко и Р. Тамаев выделяют три основные формы экстремизма: политический, национальный и религиозный⁷. Н.В. Волков дополняет эти же формы этническим⁸, а Б.А. Мыльников – еще и международным, государственным, идеологическим, обще-

---

¹ См.: *Хлебушкин А.Г.* Указ. соч.

² См.: *Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: Дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2004.

³ См.: *Новиков Д.В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект): Дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2002.

⁴ См.: *Педан С.А., Пиджаков А.Ю.* Политический экстремизм и терроризм в России: (историографический обзор) // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: Межвузовский сборник научных проблем. СПб.: СПГУВК, 2005. Вып. 10. С. 208–211.

⁵ См.: *Воронов И.В.* Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Дисс. ... к. полит. н. – М, 2003.

⁶ См.: *Киреев А.С.* Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в Российской Федерации: Дисс. ... к. полит. н. – М, 2003.

⁷ См.: *Мартыненко Б.К.* Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северокавказский юридический вестник. 1999. № 7. С. 66–74; *Тамаев Р.* Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Законность. 2006. № 6. С. 57.

⁸ См.: *Волков Н.В.* Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. 2006. № 9. С. 5.

уголовным, криминальным и экономическим проявлениями экстремизма¹.

Л.С. Рубан отмечает, что «наиболее тревожной тенденцией является процесс сращивания национального и религиозного экстремизма»². Данный автор определяет «национал-экстремизм» как «приверженность к крайним политическим взглядам и крайним формам социально-политической практики. Это попытки применения силы для утверждения превосходства своей национальной идеи, своей национальной исключительности, своего национального превосходства за счет оскорбления, выдавливания или физического уничтожения представителей других национальностей»³.

В криминологии предпринята попытка разделения экстремизма на две разновидности: 1) рациональный (политический, идеологический, националистический, религиозный, экологический) и 2) иррациональный (психопатический, спортивный, культурный; хиппи, панки, общины наркоманов, вандалы и другие молодежные движения протеста)⁴. Представляется, что такое понимание экстремизма оторвано от законодательного определения объема последнего, свидетельствующего об умышленном, то есть рациональном характере соответствующей деятельности и ограниченности форм ее внешнего проявления.

Чрезмерно широкое толкование термина «экстремизм» в научных и учебных работах добавляет ему неопределенности и «универсальности». Такая тенденция находит свое продолжение в средствах массовой информации⁵ и общественном мнении, что не лучшим образом сказывается на адекватности оценки социальной опасности экстремистских проявлений. Чем чаще люди слышат слова «экстремизм», «экстремист», «экстремистский» и чем более

---

¹ См.: Мьльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты. – М., 2005. С. 11–12.

² См.: Рубан Л.С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность. – М.: Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007. С. 10–11.

³ Там же. С. 11.

⁴ См.: Криминология : Учебник для студентов вузов / Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 247–259.

⁵ См., например: Грицюк М. Профсоюзный «экстремизм» // Российская газета. 2008. 30 апреля.

широкий контекст последних при этом употребляется, тем более привычными и даже обыденными, а потому и не такими уж опасными кажутся обозначаемые ими явления. Так, по данным фонда «Общественное мнение», только 60 % респондентов, знающих, кто такие скинхеды, считают, что данное движение необходимо запретить. Остальные либо затрудняются ответить однозначно, либо полагают, что это молодежное движение имеет право на существование¹. При этом 50 % россиян считают нормальным лозунг: «Россия для русских!»²

Отметим, что другими крайностями при определении экстремизма является неоправданное сужение последнего и (либо) привнесение в него инородных, не присущих экстремистской деятельности признаков. Проявлением сказанного является определение экстремизма, сформулированное В.А. Пономаренковым и М.А. Яворским, которые понимают под ним «насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к такому деяниям»³.

В приведенном определении между словами «насильственные» и «противоправные» бесосновательно употребляются союзы «и» и «или», тогда как экстремистские проявления обязательно противоправны, но не всегда связаны с насилием. Кроме того, нами не поддерживается используемое В.А. Пономаренковым и М.А. Яворским указание на половую неприязнь как на возможный мотив экстремистского правонарушения. Тем самым данные авторы выделяют две, пожалуй, самые большие социальные группы после общества в целом – мужчин и женщин, неприязнь между которыми, по нашему мнению, не может образовывать мотив рассматриваемых преступлений.

К проявлениям излишнего сужения понятия экстремизма относится и позиция Р.А. Амироковой, отмечающей, что экстремизм как социально-политическое явление может найти свое проявление

---

¹ См.: Федосенко В. Нашествие бритоголовых в суд // Российская газета. 2008. 22 июля.

² См.: Графова Л. Не сотвори себе врага // Российская газета. 2009. 4 июня.

³ См.: Пономаренков В.А., Яворский М.А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. № 2. С. 42.

в терроризме, являющемся методом достижения целей экстремистов и выступающем как совокупность специфических противоправных насильственных приемов и способов воздействия на охраняемые законом общественные отношения¹. Еще раз подчеркнем, что экстремизм и терроризм, как одно из проявлений первого, нельзя сводить только к насильственным действиям. Кроме того, экстремизм не имеет каких-либо целей, которые бы были ему присущи и отмечены в законодательстве о противодействии данному явлению, тогда как террористический акт и терроризм в целом такой целью обладают. Поэтому виновные в террористических преступлениях направляют свои усилия на достижение тех результатов, что присущи каждому из таких уголовно наказуемых деяний, но не экстремизму как более широкому явлению и понятию.

По нашему мнению, научные исследования в области уголовного права и криминологии должны формировать непротиворечивую основу для единообразного понимания соответствующих правовых терминов, в том числе обозначающих виды преступлений и структурные элементы преступности в целом. Примерами таких терминов являются «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности».

Считаем, что понятие экстремизма (экстремистской деятельности) имеет право на существование и должно обозначать совокупность противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие государственность, безопасность, а также толерантность между различными элементами социума. Иными словами, это совокупность тех правонарушений, которые способны дестабилизировать структуру и состояние общества и государства (государств) за счет особенностей их внешнего проявления, широкого резонанса и разветвленного комплекса дальнейших негативных последствий. При этом наиболее опасными проявлениями экстремизма являются относящиеся к нему преступления (преступления экстремистского характера). При рассмотрении вопроса о соотношении понятий экстремистской деятельности и преступлений экстремистской направленности наиболее значимым представляется именно правильное выделение последних из всех уголовно нака-

---

¹ См.: *Амирокова Р.А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: Автореф. ...дисс. к. полит. н. – Черкесск, 2006. С. 18–19.

зуемых проявлений экстремизма (преступлений экстремистского характера).

Перед тем, как перейти к выделению видов преступлений экстремистского характера, приведем еще один аргумент в пользу нашей позиции относительно необходимости четкого определения круга таких деяний, а именно международно-правовое определение экстремизма. Данное понятие дается в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, где указано следующее: «экстремизм» – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»¹.

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что понятие экстремизма в национальном законодательстве должно включать либо существенные и уникальные признаки, позволяющие выделить соответствующие им уголовно наказуемые деяния, либо (и) содержать указание на конкретные наименования преступлений и (или) статей Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом подчеркивается, что «настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье». То есть в российском законодательстве понятие экстремизма (экстремистской деятельности) может быть более широким по содержанию и объему.

Преступления экстремистского характера как самостоятельное понятие призвано обозначать общественно опасные деяния, указанные в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», ответственность за которые преду-

---

¹ См.: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

смотрена в различных статьях Особенной части УК РФ, выделяющих уголовно наказуемую часть экстремизма. Очертить точный круг таких деяний необходимо для разработки соответствующих мер противодействия, в том числе рекомендаций по их квалификации.

Виды преступлений экстремистского характера следует определять на основе сопоставления указанных нормативных правовых актов. При этом можно выделить определенные виды данных уголовно наказуемых деяний. Предваряя приводимый далее перечень преступлений экстремистского характера, отметим, что применительно к каждому из таких уголовно наказуемых деяний нами выделяются цель (цели) и мотив (мотивы) последних. Выделение целей и мотивов позволит, на наш взгляд, изначально выявить некоторые сходства и различия в преступных проявлениях экстремизма.

Итак, к преступлениям экстремистского характера следует относить следующие уголовно наказуемые деяния:

1) убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), мотивы – политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы (мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления);

2) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

3) умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

4) умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

5) побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

6) истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

7) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

8) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний,

указанных в настоящей статье и являющихся преступлением (ч. 2, 3 ст. 129 УК РФ)¹ – цель и мотив в законе не указаны;

9) нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (ст. 136 УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны;

10) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, соединенные с насилием или угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны;

11) воспрепятствование законной деятельности религиозных объединений, соединенное с насилием либо угрозой его применения (ст. 148) – цель и мотив в законе не указаны;

12) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ) – мотивы указаны только применительно к преступлению экстремистской направленности, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний, то есть само вовлечение может осуществляться из самых различных побуждений;

13) террористический акт (ст. 205 УК РФ) – цель – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями;

14) содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ) – цель деяния указана только применительно к подготовке и вооружению лица – совершение им хотя бы одного преступления, относящегося к террористической деятельности;

15) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны;

16) захват заложника (ст. 206 УК РФ) – цель – понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия;

---

¹ Название преступления приведено в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». В ч. 2 ст. 129 УК РФ говорится о клевете, содержащейся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации; а в ч. 3 ст. 129 УК РФ – о клевете, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

17) организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны;

18) угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) – цель (при захвате судна или указанного подвижного состава) – угон такого судна или подвижного состава;

19) хулиганство (п. «б» ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

20) вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

21) надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

22) надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) – мотивы, определяющие экстремистскую направленность преступления;

23) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК) – цели – прекращение государственной или иной политической деятельности потерпевшего либо месть за такую деятельность;

24) насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ) – цели (направленность действий) – насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации;

25) вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ) – цели – свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

26) публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны;

27) возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) – цели (направленность действий) – возбуждение ненависти либо вражды либо унижение человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;

28) организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) – мотивы указаны только применительно к преступлениям экстремистской направленности, для совершения которых создается и действует экстремистское сообщество, однако, по нашему мнению, создание такого сообщества, руководство им, а также участие в его деятельности могут осуществляться по самым различным мотивам; цели организации такого сообщества – подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности либо разработка планов и (или) условий для совершения данных уголовно наказуемых деяний;

29) организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) – цель и мотив в законе не указаны.

30) нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ) – цели указаны в ч. 2 ст. 360 УК РФ – провокация войны или осложнение международных отношений;

31) иные преступления, фактически совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Выделенные нормы УК РФ охватывают большой круг уголовно наказуемых деяний, хотя и отличающихся друг от друга одним либо несколькими существенными признаками, но составляющих определенную систему, распознавание свойств, значения и взаимосвязей которой требует самостоятельного исследования. Подчеркнем, что приведенный перечень преступлений экстремистского характера является результатом нашего сравнительного анализа Особенной части УК РФ и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и может быть подвергнут критике и некоторым изменениям и (или) дополнениям.

Последнее обстоятельство во многом обусловлено тем, что законодатель при формулировании положений ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» для обозначения проявлений экстремизма использовал термины, не совпадающие с признаками соответствующих преступлений, описанных в статьях Особенной части УК РФ, применив излишне обобщенные понятия (например, «воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления»).

Повышенная бланкетность норм о преступлениях экстремистского характера позволяет относить их к области так называемого смешанного уголовного права¹, применение которого невозможно без обращения к иным, не уголовным законам и (или) подзаконным нормативным правовым актам. При этом все большую роль начинают играть международные правовые акты в сфере противодействия терроризму и иным проявлениям экстремистской деятельности.

Уголовно-правовое значение мотивов и целей преступлений экстремистского характера состоит в конститутивной либо квалифицирующей природе данных субъективных признаков рассматриваемых групп и видов преступлений. Так, С.Н. Поминов подчеркивает, что «именно мотивы и цели превращают любое деяние в экстремистское»². В связи с выделенным обстоятельством отметим некоторые аспекты исследуемой проблемы.

Подавляющее большинство отмеченных ранее деяний, не относящихся к преступлениям экстремистской направленности, характеризуется присущими только им целями, отсутствие либо недоказанность которых в каждом конкретном случае исключает квалификацию по соответствующей статье УК РФ. Так, если при совершении взрыва какого-либо здания не было заявлено требование о принятии решения органами власти или международными организациями либо не доказана такая цель, то совершенное деяние независимо от существенности его последствий не может быть квалифицировано как террористический акт (ст. 205 УК РФ). Юридическая оценка такого деяния должна производиться по ст. 105 и

---

¹ Понятие «смешанное уголовное право» впервые использовал Л.Д. Гаухман, подразделяющий уголовное право на две разновидности: «1) чистое, то есть не содержащее бланкетных норм, и 2) смешанное, или комплексное, то есть содержащее бланкетные нормы, вследствие чего реализуемое лишь с применением других, помимо уголовного, законов и (или) иных нормативных правовых актов». *Гаухман Л.Д.* Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью. Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. – М.: Московский университет МВД России, 2007. С. 10.

² См.: *Поминов С.Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма. Автореф. дисс. ...к. ю. н. – М., 2007. С. 22.

(или) ч. 2 ст. 167 УК РФ. Следовательно, отсутствие либо недоказанность цели, являющейся конститутивным признаком основного состава многих преступлений экстремистского характера, исключает юридическую оценку деяния по статьям УК РФ данной группы и его отнесение к проявлениям экстремизма.

Различие же в целях преступлений экстремистского характера позволяет проводить их разграничение между собой. Например, преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ, имеющее в качестве целей (направленности действий) насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции России, а равно насильственное изменение конституционного строя нашего государства отличается от вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ), который может быть направлен на свержение или насильственное изменение конституционного строя России либо нарушение ее территориальной целостности. Частичное совпадение целей (насильственное изменение конституционного строя России) компенсируется различием признаков объективной стороны данных преступлений.

Отметим, что в отдельных случаях отсутствие либо недоказанность цели, являющейся обязательным признаком состава преступления экстремистского характера, может приводить к выводу об отсутствии основания уголовной ответственности за совершенное деяние в целом. Так, если отсутствует либо не доказана цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями: угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, сама по себе не содержит признаков состава какого-либо преступления, то есть виновные в ее совершении не подлежат уголовной ответственности.

Остановимся еще на двух моментах, свидетельствующих о том, что законодатель не всегда уделяет должное внимание уголовно-правовому значению мотивов и целей преступлений, а также системности уголовного права.

Во-первых, применительно к хулиганству отметим, что ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» первоначально относила данное деяние к одному из возможных видов экстремизма без указания каких-либо частей ст. 213 УК РФ об ответственности за данное преступление. В дис-

позиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ хулиганство было отнесено к преступлениям экстремистской направленности с указанием на ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ. Такое указание определялось наличием трех частей в ст. 213 УК РФ в первоначальной редакции. В 2003 г. данная статья была изменена: в ч. 1 ст. 213 УК РФ был «перенесен» особо квалифицирующий признак этого преступления (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия) и одновременно исключена ее часть третья, которая, по сути, воспроизвела себя в признаках основного состава хулиганства¹. Следовательно, ч. 1 ст. 282¹ УК РФ должна была также подвергнуться изменению, а именно из нее необходимо было исключить указание на ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ и хулиганство в целом. Кроме того, полагаем, что хулиганство, обладая специфическими побуждениями деяния, вообще не может быть отнесено к преступлениям экстремистского характера. Обратная ситуация, а именно допущение сочетания в преступлении хулиганских и иных мотивов, приведет к необоснованному привлечению виновного к ответственности с учетом совокупности преступлений². Отметим, что данные аргументы полностью проигнорированы законодателем, изменившим диспозицию ч. 1 ст. 213 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

- а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы...³»

---

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 декабря.

² См.: *Борисов С.В.* Хулиганство – одно из преступлений экстремистской направленности?.. // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России за 2005 г.: Выпуск 9. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. С. 49–51.

³ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

Нетрудно заметить, что указание на хулиганский мотив рассматриваемого преступления дано в первом абзаце его законодательного определения, являющимся общим для приводимых далее видов хулиганства. То есть законодательные изменения еще более усложнили применение ст. 213 УК РФ на практике, так как отсутствие в деянии хулиганских побуждений исключает его квалификацию как хулиганства, сочетание же в деянии данных побуждений и экстремистских мотивов вызывает необходимость юридической оценки содеянного в зависимости от его основного мотива либо с учетом совокупности преступлений.

Вместе с тем в судебной практике создаются прецеденты осуждения за хулиганство, совершенное по мотивам ненависти либо вражды. Так, 8 октября 2009 г. Дорогомиловским судом Москвы вынесен приговор в отношении группы молодых людей, выходцев из Азербайджана, напавших в вагоне московского метро на первых попавшихся им пассажиров со «славянской внешностью». Нападение было совершено с применением травматического оружия и ножа, виновные при этом «выкрикивали ксенофобские лозунги, обзывали свои жертвы «русскими свиньями»¹. Указанный суд посчитал, что в нападении содержатся не только признаки составов преступлений против жизни и здоровья, но и хулиганства, совершенного по «экстремистским» мотивам.

Считаем, что такую квалификацию в части применения ст. 213 УК РФ следует признать неправильной, так как виновные действовали не из хулиганских побуждений, а на основе национальной ненависти или вражды, которые предполагают избирательность поведения и исключают совершение деяния без внешнего повода либо с явно незначительным поводом, свойственное хулиганству. Как нами уже отмечалось и еще будет подробно рассмотрено далее, деяние необходимо квалифицировать с учетом его основного, главного и ведущего мотива, а не на основе всего, подчас весьма обширного, комплекса внутренних побуждений виновного.

Кроме того, деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, по мысли законодателя может совершаться и без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, что, по нашему мнению, делает практически невозможным провести его

---

¹ См.: Федосенко В. Кто ответит за «свиней» // Российская газета. 2009. 30 июня.

отграничение от преступлений, предусмотренных в ч. 2 ст. 115, 116 УК РФ, так как применение указанных предметов, по сути, ранее являлось единственным признаком, позволяющим провести такое отграничение.

Исходя из приведенных обстоятельств, в настоящей работе хулиганство рассматривается в основном с позиции отграничения от него смежных составов преступлений экстремистской направленности.

Во-вторых, что сходно с первым обстоятельством, в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ среди перечня преступлений экстремистской направленности называлось и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), с указанием на возможность совершения данного деяния, в частности, по мотивам идеологической или политической ненависти или вражды, тогда как в ст. 282 УК РФ такие мотивы не были предусмотрены. Представляется, что данная ошибка законодателя могла быть исправлена путем дополнения диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ указанием на такие мотивы либо за счет их исключения из перечня побуждений, изложенных в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ. С позиций принципа системности права первый вариант устранения законодательной ошибки представлялся более правильным, так как в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» упоминается именно такой перечень мотивов, свидетельствующий об экстремистской направленности соответствующих преступлений.

Однако законодатель вновь пошел другим путем, исключив из ч. 1 ст. 282¹ УК РФ перечень статей этого УК о преступлениях экстремистской направленности и сформулировав рассмотренное ранее определение таких деяний в примечании 2 к указанной уголовно-правовой норме.

В данном примечании можно выделить два наиболее существенных упущения. Во-первых, в нем не приводится перечень статей УК РФ о преступлениях экстремистской направленности. Во-вторых, как указывалось ранее, преступление не может быть предусмотрено никакой статьи Общей части УК РФ, в том числе п. «е» ч. 1 ст. 63 этого УК, где приводится лишь перечень побуждений, свидетельствующих об экстремистской направленности деяния и отягчающих наказание за его совершение. Как уже отмечалось, последнее обстоятельство позволяет многим ученым утверждать, что к преступлениям экстремистской направленности можно отнести практически любое уголовно наказуемое деяние, совершенное по

соответствующим мотивам¹. Представляется, что приведенное примечание к ст. 282¹ УК РФ еще более размывает уголовно-правовые рамки экстремизма, расплывает финансирование программ по противодействию последнему, а также усилия правоохранительных органов в этой области.

В дальнейшем изложении материала работы нами проводится подробный анализ мотивов всех преступлений экстремистской направленности. В настоящем же параграфе отметим, что мотивы и цели преступлений экстремистского характера в целом могут выступать в роли конститутивных либо квалифицирующих признаков последних, предопределять направление и результаты их юридической оценки, в том числе способствовать разграничению рассматриваемых уголовно наказуемых деяний. Учитывая данное обстоятельство, уголовное законодательство должно строиться с соблюдением принципа системности и с учетом взаимосвязей с нормативными актами других отраслей права² с тем, чтобы не создавать искусственных противоречий в сфере противодействия преступности, в частности, ее экстремистской составляющей.

В названии настоящего параграфа не случайно указано на уголовно-правовое понятие экстремистской деятельности, которое используется только в названии ст. 280 УК РФ и диспозиции ее части первой, предусматривающей уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению такой деятельности. Казалось бы, ничего сложного в толковании данной уголовно-правовой нормы нет, и достаточно лишь учесть ее бланкетный характер, обратившись к понятию экстремизма, содержащемуся в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», но это лишь кажущаяся простота.

---

¹ См., например: *Иногамова-Хегай Л.В.* Современные проблемы уголовного законодательства // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. С. 234; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. *С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова.* – М.: Юриспруденция, 2008. С. 686 (Автор комментария – *С.В. Дьяков*).

² См.: *Бурковская В.* Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики // Уголовное право. 2005. № 1. С. 104–106.

Как уже отмечалось нами ранее, указанный Федеральный закон включает в объем понятия экстремистской деятельности не только преступления, но и административные правонарушения. Следовательно, простое привнесение данного понятия экстремизма в процесс квалификации публичных призывов к осуществлению последнего может привести к выводу, что законодатель криминализировал создание условий для совершения как преступлений, так и административных правонарушений. По нашему мнению, данный вывод необходимо сопоставить с неотъемлемым признаком (свойством) любого преступления – его общественной опасностью. В связи с этим считаем, что раз пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ) либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ) с позиции законодателя не обладают характером и степенью общественной опасности, свойственными преступлениям, то и призывы к ним не могут приобретать такие характер и степень. Более того, отмеченные административные деликты могут выступать способом либо элементом способа при совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, а равно возбуждения ненависти либо вражды в отношении каких-либо социальных групп и (или) их представителей, и лишь в таком качестве относиться к криминальным проявлениям экстремизма.

В связи с отмеченными обстоятельствами считаем, что уголовно-правовое понятие экстремистской деятельности по своим объему и содержанию должно совпадать с рассмотренным нами ранее понятием преступлений экстремистского характера. Данное утверждение свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства за счет внесения изменений в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в виде исключения из нее указания на административные правонарушения.

Итак, понятие экстремизма (экстремистской деятельности), по нашему мнению, призвано обозначать совокупность противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие государственность, безопасность, а также толерантность между различными элементами социума. В структуру экстремизма включены уголовно и административно наказуемые деяния. Полагаем, что первые из них целесообразно именовать преступлениями экстремистского характера, перечень которых устанавливается путем сравнительного анализа ст. 1 Федерального закона «О проти-

в действии экстремистской деятельности и статей Особенной части УК РФ. По нашему мнению, именно преступления экстремистского характера составляют объем уголовно-правового понятия экстремистской деятельности. При этом понятия экстремистской деятельности (экстремизма), преступлений экстремистского характера и преступлений экстремистской направленности целесообразно рассматривать через призму соотношения общего, частного и единичного.

§ 3. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и иных стран – участниц Содружества Независимых Государств (СНГ) об ответственности за преступления экстремистской направленности

Интересы предупреждения преступности, а также борьбы с ней требуют осуществления международного сотрудничества в данных сферах правоохранительной деятельности. Наиболее тесно и с большей необходимостью такое сотрудничество должно осуществляться между близлежащими государствами, в данном случае – между бывшими республиками СССР, имеющими сходные исторические и правовые предпосылки для создания единой системы взаимодействия в борьбе с преступностью. Необходимость такого взаимодействия диктуется и современными криминологическими реалиями: рост организованности преступности, приобретение последней транснационального характера, проникновение криминалитета практически во все властные государственные и муниципальные структуры, увеличение числа насильственных и иных противоправных проявлений ксенофобии.

Выделенные обстоятельства подчеркивают актуальность и важность сравнительно-правового анализа действующего на территории стран – участниц Содружества Независимых Государств уголовного законодательства об ответственности за различные виды преступлений. В настоящем параграфе такой анализ проводится через призму уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Сразу же оговоримся, что словосочетание «преступления экстремистской направленности» имеется только в российской системе права, однако ни в одной из стран, участ-

вующих в СНГ, не оставлена без внимания необходимость законодательной регламентации противодействия общественно опасным деяниям, совершаемым на почве ненависти либо вражды, а равно в целях возбуждения последних. Поэтому в ходе сравнительного правового анализа уголовного законодательства государств – участников СНГ за отправные точки сопоставления были выбраны нормы, предусматривающие, во-первых, отягчающие обстоятельства в виде мотивов ненависти либо вражды; во-вторых, ответственность за конкретные деяния, совершаемые по таким мотивам и, наконец, в-третьих, преступления, связанные с реализацией направленности на возбуждение ненависти либо вражды в других людях, а равно унижение человеческого достоинства по признакам, вызывающим данные ненависть либо вражду¹.

Считаем, что сравнительно-правовой анализ целесообразно начать с рассмотрения положений Модельного уголовного кодекса, то есть рекомендательного законодательного акта для Содружества Независимых Государств².

В п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного уголовного кодекса³ в качестве одного из отягчающих обстоятельств (сочетания отягчающих обстоятельств) указывается: «Совершение преступления по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды, религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью облегчить или скрыть другое преступление».

Ранее уже отмечалось, что п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ изначально имел следующую редакцию: «Совершение преступления по мотиву

---

¹ В основу сравнительного анализа уголовного законодательства России и стран – участниц СНГ положен следующий источник: *Лозовицкая Г.П.* Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы уголовных кодексов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ): В 2 ч. / Под ред. П.Г. Пономарева. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2002. – Ч. 2. При этом учтены последующие изменения уголовных кодексов соответствующих государств.

² См.: Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

³ Далее – Модельный кодекс.

национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

Если сопоставить положения п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, можно заметить, что вплоть до изменений, внесенных в российское уголовное законодательство Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, они во многом совпадали, кроме словосочетания «религиозный фанатизм», отсутствующего в УК РФ, и некоторого расширения мотива за счет указания в последнем нормативном правовом акте не только вражды, но и ненависти.

Отметим, что в статьях Особенной части Модельного кодекса при описании квалифицирующих признаков словосочетание «религиозный фанатизм» используется лишь один раз (п. «д» ч. 2 ст. 252). Однако данный признак содержится в общем перечне отягчающих обстоятельств и подлежит учету при назначении наказания за различные преступления. Например, если убийство совершено лицом, одновременно проявляющим религиозные вражду и фанатизм, то при назначении ему наказания учитывается не только соответствующий квалифицирующий признак, но и отягчающее обстоятельство. Кроме того, с рассматриваемым отягчающим обстоятельством в статьях Особенной части Модельного кодекса происходят еще две метаморфозы: во-первых, в самостоятельные квалифицирующие признаки выделяются мотив мести за правомерные действия других лиц и намерение облегчить или скрыть другое преступление; во-вторых, при описании мотива наряду с враждой указывается еще и ненависть. Именно такая формулировка воспроизводилась и в статьях Особенной части УК РФ до изменений и дополнений, внесенных в него Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ.

В Модельном кодексе мотив национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды указывается в качестве квалифицирующего признака таких преступлений, как убийство (п. «м» ч. 2 ст. 111); причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 119); причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 120); истязание (п. «ж» ч. 2 ст. 126); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ч. 2 ст. 239). В п. «д» ч. 2 ст. 252 Модельного кодекса указывается на совершение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества по мотивам национальной или расовой вражды либо религиозного фанатизма. По

нашему мнению, последнее положение являет собой нарушение принципа системности права, так как выбивается из общей формулировки данного квалифицирующего признака: в нем указывается не на сочетание ненависти и вражды, а только на последний из этих мотивов, выступающий, кроме того, альтернативой религиозному фанатизму, не учитываемому в других статьях Особенной части Модельного кодекса.

Как и в Модельном кодексе, первоначальное содержание п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ относительно мотивов ненависти либо вражды воспроизводилось при изложении квалифицирующих признаков составов определенных преступлений: убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244).

По нашему мнению, российский законодатель справедливо отказался от введения в УК РФ такого ультраоценочного признака, как «религиозный фанатизм». Вместе с тем нами не поддерживается позиция, когда в каком-либо из пунктов в перечне отягчающих обстоятельств искусственно объединяют (а значит, и уравнивают) абсолютно не сходные и неравнозначные, по сути, самостоятельные и никак не взаимосвязанные между собой обстоятельства, примером чему служили п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса, оставшийся неизменным, и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, изменивший свою редакцию.

Рассмотренные ранее законодательные изменения существенно затронули редакцию п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ: помимо расширения содержания «экстремистских» мотивов, в самостоятельное отягчающее обстоятельство было выделено совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е¹» указанной уголовно-правовой нормы). Кроме того, мотивы ненависти либо вражды дополнительно были введены в ряд статей Особенной части УК РФ: п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213 и ч. 2 ст. 214.

Модельный кодекс содержит раздел XIII «Преступления против государственной власти», включающий гл. 31 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», однако ст. 187 «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» размещена в гл. 23 «Преступления против об-

шественной безопасности» раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» данного рекомендательного акта. Учитывая место данной нормы в структуре Модельного кодекса, можно заключить, что типовым объектом предусмотренного в ней преступления выступают общественная безопасность и здоровье населения, а родовым объектом – общественная безопасность.

В УК РФ ст. 282 о возбуждении ненависти либо вражды изначально расположена в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти», то есть типовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы государственной власти, а родовым объектом – основы конституционного строя и безопасность государства.

Статья 187 Модельного кодекса изложена в следующей редакции:

«Статья 187. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»

(1) Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации, – преступление средней тяжести.

(2) Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

- а) с применением насилия или угрозы его применения;
- б) с использованием служебного положения;
- в) организованной группой, – тяжкое преступление».

Сравнительный анализ ст. 282 УК РФ и ст. 187 Модельного кодекса позволяет выделить следующие их основные отличия:

1) название ст. 282 УК РФ говорит о возбуждении ненависти либо вражды, а также об унижении человеческого достоинства, тогда как название ст. 187 Модельного кодекса – только о возбуждении вражды, причем имеющей национальную, расовую либо религиозную окраску;

2) сопоставление диспозиций ч. 1 ст. 282 УК РФ и ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса приводит к следующим результатам:

- в обоих случаях речь идет об общественно опасных действиях, имеющих определенную направленность, при этом согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ такие действия направлены «на» что-либо, а в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса – «к» чему-либо;
- в ч. 1 ст. 282 УК РФ направленность действий связана с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением достоинства человека либо группы лиц, тогда как в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса – с возбуждением вражды, унижением достоинства, а равно пропагандой исключительности граждан;
- согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ соответствующие действия осуществляются на основе таких признаков, как пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, а равно принадлежность к какой-либо социальной группе, а в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса говорится о возбуждении трех разновидностей вражды – национальной, расовой или религиозной; унижении одного вида достоинства – национального, и пропаганде исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности;
- как в ч. 1 ст. 282 УК РФ, так и в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса в качестве обязательного признака деяния предусмотрено его совершение публично либо с использованием средств массовой информации;

3) с учетом санкции ч. 1 ст. 282 УК РФ предусмотренное в ней преступление относится к категории небольшой тяжести (максимальное наказание – лишение свободы на срок до двух лет), а в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса рекомендуется относить подобное деяние к категории преступлений средней тяжести, то есть российский законодатель несколько отступает от провозглашаемого в последнее время усиления противодействия всем проявлениям экстремизма;

4) квалифицирующие признаки описаны в ч. 2 ст. 282 УК РФ и ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса практически полностью идентично, различаются лишь оттенки такого описания, например в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ указывается на совершение деяния с применением насилия или *с угрозой его применения*, а в п. «а» ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса – на осуществление действий с применением насилия или *угрозы его применения*; кроме того, ч. 2 ст. 282 УК РФ начинается с фразы «Те же деяния, совершенные:...», а ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса – со словосочетания «Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:...»;

5) санкция ч. 2 ст. 282 УК РФ, предусматривающая в качестве максимального наказания лишение свободы на срок до пяти лет, также не соответствует рекомендации, содержащейся в ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса, относящей соответствующие действия к категории тяжких преступлений.

Полагаем, что положения ст. 282 УК РФ с течением времени все больше отходят от рекомендаций, содержащихся в ст. 187 Модельного кодекса, причем данную эволюцию нельзя назвать прогрессивной, подтверждением чему служат следующие три обстоятельства.

Во-первых, в ст. 282 УК РФ искусственно объединены два самостоятельных деяния (возбуждение ненависти либо вражды и унижение достоинства), причем последнее из них не может иметь своим основным непосредственным объектом заявленные в названии гл. 29 УК РФ основы конституционного строя и безопасность государства.

Во-вторых, в названии ст. 282 УК РФ и в тексте диспозиции ее части первой безосновательно расширен перечень признаков, в связи с которыми возбуждается ненависть либо вражда, ставя под сомнение характер и степень общественной опасности предусмотренных в данной уголовно-правовой норме действий. На наш взгляд, пол, происхождение, язык человека и особенно его принадлежность к какой-либо социальной группе без указания конкретных отличительных признаков последней не могут служить предпосылками для возбуждения в отношении соответствующих индивидов и групп ненависти и, прежде всего, вражды, приводящих к нарушению основ конституционного строя и (или) безопасности государства.

В-третьих, при разработке российского уголовного законодательства необоснованно занизили степень общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, что не изменилось и в ходе последующей модернизации данного нормативного правового акта.

В дальнейшем изложении параграфа остановимся на особенностях законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления, совершаемые на почве ненависти и (или) вражды, в странах – участницах СНГ.

В ст. 61.1.6 УК Азербайджанской Республики предусмотрено следующее сочетание отягчающих обстоятельств: «Совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной не-

ненависти или фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц, с корыстной целью или другими низменными побуждениями, а также скрыть другое преступление или облегчить его совершение». При сравнении данной формулировки со сходным сочетанием отягчающих обстоятельств в Модельном кодексе и УК РФ можно выделить некоторые особенности, имеющиеся в УК Азербайджанской Республики:

1) в п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса упоминается только религиозный фанатизм, тогда как согласно ст. 61.1.6 УК Азербайджанской Республики фанатизм может иметь не только религиозный, но и национальный либо расовый характер;

2) ст. 61.1.6 УК Азербайджанской Республики дополняет рекомендуемое Модельным кодексом сочетание отягчающих обстоятельств, допустимых в одном пункте статьи, еще и корыстной целью и иными низменными побуждениями, причем, как видно из текста данной уголовно-правовой нормы, азербайджанский законодатель считает термины «цель» и «мотив» синонимами;

3) в отличие от п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ соответствующие положения азербайджанского УК более близки рекомендациям Модельного кодекса, однако, как показано ранее, интерпретация последних носит здесь несколько противоречивый характер.

Рассмотренное отягчающее обстоятельство в УК Азербайджанской Республики используется в качестве квалифицирующего признака только применительно к составу убийства (ст. 120.2.12). Как и в Модельном кодексе, редакция данного квалифицирующего признака сводится к совершению деяния «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды».

Ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды предусмотрена в ст. 283 УК Азербайджанской Республики. Данная статья расположена в гл. 31 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела XI «Преступления против государственной власти» и имеет две части, при этом диспозиция первой из них изложена в следующей редакции: «Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно действия, направленные на ограничение прав граждан, либо установление превосходства граждан по признаку их национальной или расовой принадлежности, отноше-

ния к религии, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации».

По сравнению со ст. 187 Модельного кодекса и ст. 282 УК РФ, положения ст. 283 УК Азербайджанской Республики предусматривают более обширное число признаков основного состава рассматриваемого преступления. Вместе с тем азербайджанский законодатель отказался от введения в текст данной нормы указания на пропаганду исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, как это сделано в ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса. Судя по всему, в диспозиции ч. 1 ст. 283 УК Азербайджанской Республики в качестве альтернативы пропаганды предусмотрены действия, направленные на установление превосходства граждан по тем же признакам.

Кроме того, в диспозиции ч. 1 ст. 283 УК Азербайджанской Республики содержится указание на действия, направленные на ограничение прав граждан по признаку их национальной или расовой принадлежности, отношения к религии, что отсутствует в ст. 187 Модельного кодекса и в ст. 282 УК РФ. По своей сути данная формулировка более всего совпадает с определением дискриминации граждан, предусмотренным в ч. 1 ст. 136 УК РФ, устанавливающим ответственность за «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам». Вместе с тем в УК Азербайджанской Республики содержится ст. 154, диспозиция части первой практически полностью совпадает с отмеченной ранее формулировкой ч. 1 ст. 136 УК РФ, за исключением материальной конструкции соответствующего состава преступления (последствия в виде причинения вреда правам и законным интересам граждан) и отсутствия термина «дискриминация». Полагаем, что отмеченные положения ст. 154 и ст. 283 УК Азербайджанской Республики предполагают ответственность за сходные преступные деяния, причем такая конкуренция вызвана исключительно недочетом законодательной техники.

Применительно к ст. 283 УК Азербайджанской Республики отметим также, что санкция ее части первой соответствует рекомендации Модельного кодекса, предусматривая лишение свободы на срок от двух до четырех лет, чего не скажешь о ее второй части,

где максимальный срок лишения свободы увеличивается всего на один год, что, на наш взгляд, не учитывает повышение степени общественной опасности соответствующих действий.

В п. 6 ст. 63 УК Республики Армения¹ содержится следующее отягчающее обстоятельство (сочетание отягчающих обстоятельств): «Совершение преступления по мотивам национальной, расовой или религиозной ненависти, религиозного фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц». В своей основе данная формулировка во многом совпадает с текстом п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса, за исключением того, что в п. 6 ст. 63 УК Республики Армения слово «мотив» используется во множественном числе, причем одним из таких мотивов здесь является не вражда, а ненависть и не отмечается цель облегчения либо сокрытия другого преступления.

В статьях Особенной части УК Республики Армения данное обстоятельство преобразуется в сходный с ним квалифицирующий признак, указывающий на совершение преступления «по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти либо религиозного фанатизма». В анализируемом уголовном кодексе такой признак содержится в п. 13 ч. 2 ст. 104 об убийстве; п. 12 ч. 2 ст. 112 об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью; п. 7 ч. 2 ст. 113 об умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью; п. 7 ч. 2 ст. 109 о пытке; п. 4 ч. 2 ст. 185 об умышленных уничтожении или повреждении имущества; п. 2 ч. 2 ст. 265 о надругательстве над телами умерших или местами захоронения.

В ст. 226 УК Республики Армения предусмотрена ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Эта статья расположена в гл. 23 «Преступления против общественной безопасности» раздела 9 «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной нравственности и здоровья населения» данного нормативного правового акта. Следовательно, в качестве родового объекта рассматриваемого преступления здесь обозначаются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Диспозиция ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения изложена в следующей редакции: «Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, пропаганда расо-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Армения. – Ереван, 2008.

вого превосходства или унижение национального достоинства». Сравнение приведенной формулировки с диспозицией ч. 1 ст. 282 УК РФ позволяет выделить некоторые их различия.

Во-первых, в ч. 1 ст. 282 УК РФ указывается на возбуждение не только вражды, как в ч. 1 ст. 226 Республики Армения, но и ненависти.

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ ненависть либо вражда возбуждаются с учетом определенных признаков одного человека либо группы людей, а в ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения говорится о том, что сама по себе вражда носит национальный, расовый либо религиозный характер. Кроме того, в ч. 1 ст. 282 УК РФ перечисляется большее число признаков, в связи с которыми возбуждаются ненависть либо вражда, чем это вытекает из толкования диспозиции ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения.

В-третьих, в ч. 1 ст. 282 УК РФ достоинство унижается с учетом тех же признаков, что и при возбуждении ненависти либо вражды, причем отмечается, что такое унижение может относиться как к одному человеку, так и к группе лиц, тогда как в ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения указывается на унижение только национального достоинства без выделения количественного признака возможных потерпевших.

В-четвертых, в отличие от ч. 1 ст. 282 УК РФ, для объективной стороны основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения, не является обязательным признак совершения деяния публично либо с использованием средств массовой информации.

В качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 226 УК Республики Армения предусмотрены следующие обстоятельства совершения деяния: 1) гласно или с использованием средств информации; 2) с применением насилия или с угрозой его применения; 3) с использованием должностного положения; 4) организованной группой. Отметим, что первое из указанных обстоятельств по своей сути совпадает с признаком основного состава преступления, содержащимся в ч. 1 ст. 282 УК РФ, только вместо слова «публичное» здесь используется указание на гласный способ совершения деяния. Остальные признаки практически полностью идентичны с обстоятельствами, перечисленными в ч. 2 ст. 282 УК РФ, за исключением п. 3 ч. 2 ст. 226 УК Республики Армения, где говорится о совершении деяния с использованием должностного положения.

Буквальное толкование последнего признака приводит к выводу, что он касается поведения только должностных лиц, но при этом не выводится однозначный ответ на вопрос о возможности квалификации по п. 3 ч. 2 ст. 226 УК Республики Армения случаев совершения деяния человеком, не обладающим статусом должностного лица, но использующим последнего в целях осуществления задуманных преступных действий.

Санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 226 УК Республики Армения следуют рекомендациям ст. 187 Модельного кодекса и несколько превышают высший предел наказания, предусмотренный соответственно ч. 1 и ч. 2 ст. 282 УК РФ. Так, в санкции ч. 1 ст. 226 УК Республики Армения максимальный срок лишения свободы составляет четыре года, а в ч. 2 данной статьи – шесть лет.

В п. 9 ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь в качестве одного из отягчающих обстоятельств предусмотрено «совершение преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы»¹. Полагаем, что белорусский законодатель совершенно обоснованно отошел от рекомендованного Модельным кодексом сочетания отягчающих обстоятельств, изложив последние дифференцированно, не прибегая к искусственному их смешиванию. Кроме того, указанная формулировка, как и в УК РФ, оправданно не содержит термина «фанатизм», но использует указание на возбуждение вражды или розни, а не только вражды, как в Модельном кодексе, и не на сочетание ненависти либо вражды, как в УК РФ. Считаем, что рознь может включать в себя как ненависть, так и вражду, а равно их сочетание, то есть данный термин («рознь») не может быть использован в качестве самостоятельного наряду со словом «вражда». Данное утверждение согласуется и с позицией филологов, понимающих под рознью, во-первых, вражду либо ссору, например религиозно-общинная рознь, и, во-вторых, противопоставление кого-либо или чего-либо, различие одного от другого в высказывании, например, работник работнику рознь².

Как и в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в белорусском уголовном законодательстве в рассматриваемом отягчающем обстоятельстве с

---

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск, 2009.

² См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 683.

течением времени расширилось число признаков, в связи с которыми виновные испытывают резко негативное отношение к другим людям. Если первоначально в п. 9 ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь указывалось только на расовую, национальную и религиозную вражду или рознь, то в дальнейшем данные мотивы дополнились еще и политической или идеологической враждой, а также враждой или рознью в отношении какой-либо социальной группы. Как видим, негативное отношение по политическим или идеологическим соображениям здесь характеризуется только враждой без указания на возможность сочетания последней с рознью, что еще более затрудняет восприятие и разграничение этих двух мотивов.

Формулировка данногоотягчающего обстоятельства полностью воспроизводится в качестве квалифицирующего признака ряда составов преступлений: убийства (п. 14 ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь); умышленного причинения тяжкого телесного повреждения (п. 8 ч. 2 ст. 147 данного УК); нарушения уставных правил взаимоотношений между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, при отсутствии отношений подчиненности (ч. 2 ст. 443).

Статья 130 УК Республики Беларусь с названием «Разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни» расположена в гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления» данного нормативного правового акта. Эти раздел и глава открывают собой Особенную часть УК Республики Беларусь, что символизирует повышенную значимость правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества в целом. Считаем, что белорусский законодатель более правильно и реально расставил приоритеты уголовно-правовой охраны, вынеся на передний план защиту всего человеческого общества. При этом за разжиганием расовой, национальной или религиозной вражды или розни признаются характер и степень общественной опасности, присущие деянию, способному нарушить мир и безопасность человечества. Чтобы подчеркнуть значимость такой законодательной оценки, отметим, что в этой же главе УК Республики Беларусь находятся статьи об ответственности за подготовку либо ведение агрессивной войны (ст. 122), пропаганду войны (ст. 123), международный терроризм (ст. 126), геноцид (ст. 127) и т.д.

В ст. 130 УК Республики Беларусь предусмотрены три части, при этом диспозиция первой из них изложена в следующей редакции: «Умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства». Данная формулировка в целом воспроизводит суть, основное содержание диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ, однако имеет и некоторые особенности.

Во-первых, если в названии ст. 282 УК РФ и в тексте ее ч. 1 используется один и тот же термин «возбуждение», то в наименовании ст. 130 УК Республики Беларусь говорится о *разжигании* ненависти или розни, а в ч. 1 данной уголовно-правовой нормы – о *возбуждении* таких мотивов. Несмотря на почти полную синонимичность слов «разжигание» и «возбуждение», полагаем, что белорусский законодатель здесь допустил неоправданное отступление от принципа системности права.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 130 УК Республики Беларусь приводится излишнее указание на умышленный характер соответствующих действий, что и так вытекает из формальной конструкции данного состава преступления.

В-третьих, диспозиция ч. 1 ст. 130 УК Республики Беларусь по сравнению с ч. 1 ст. 282 УК РФ содержит меньше признаков, в связи с которыми возбуждаются указанные побуждения: здесь отсутствует указание на пол, язык, происхождение, идеологию, политику или принадлежность к какой-либо социальной группе.

В-четвертых, если в ч. 1 ст. 282 УК РФ говорится о возбуждении *ненависти* либо *вражды*, то в ч. 1 ст. 130 Республики Беларусь – о возбуждении *вражды* или *розни*.

В-пятых, в ч. 1 ст. 282 УК РФ указывается на то, что действия могут быть направлены на унижение только достоинства одного человека или группы лиц с учетом самых различных признаков последних, а по смыслу ч. 1 ст. 130 УК Республики Беларусь унижение может затронуть не только достоинство, но и честь безотносительно к количеству потерпевших и, кроме того, данное действие здесь имеет исключительно национальный подтекст.

Наконец, в-шестых, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 130 УК Республики Беларусь, не предполагает таких обязательных для ст. 282 УК РФ признаков, как публичность соответствующих действий либо их совершение с использованием средств массовой информации.

При этом санкция ч. 1 ст. 130 УК Республики Беларусь следует рекомендации Модельного кодекса, относя соответствующее деяние к категории преступлений средней тяжести (максимальное наказание – до пяти лет лишения свободы).

В отличие от ст. 187 Модельного кодекса и ст. 282 УК РФ, в ст. 130 УК Республики Беларусь предусмотрено не две, а три части. При этом во второй части рассматриваемой уголовно-правовой статьи содержится всего два квалифицирующих признака: 1) сопряженность деяния с насилием и 2) совершение преступления должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Таким образом, белорусский законодатель не придал отягчающего значения угрозе насилием как способу возбуждения вражды либо розни, а также совершению данного деяния кем-либо, хотя и использующим служебные полномочия, но не относящимся к категории должностных лиц. Санкция ч. 2 ст. 130 УК Республики Беларусь также следует рекомендации Модельного кодекса, предусматривая в качестве максимального наказания лишение свободы на срок от трех до десяти лет (тяжкое преступление).

Особо квалифицирующими признаками возбуждения вражды либо розни, предусмотренными в ч. 3 ст. 130 УК Республики Беларусь, являются совершение данного преступления группой лиц либо с неосторожным причинением смерти, либо иных тяжких последствий. Белорусский законодатель посчитал, что совершение деяния даже в простейшей форме соучастия по характеру и степени общественной опасности не уступает неосторожному причинению смерти или других тяжких последствий, что отразилось в санкции, максимальное наказание в которой достигает двенадцати лет лишения свободы.

В отличие от УК РФ и уголовных кодексов других стран – участниц СНГ, УК Грузии не содержит самостоятельной нормы (норм), включающей (включающих) перечень отягчающих и смягчающих обстоятельств. В ст. 53 УК Грузии, посвященной общим началам назначения наказания, приводятся лишь некоторые виды таких обстоятельств, расширение числа и конкретизация которых производится, в частности, в ст. 109 этого УК об ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В числе названных в ч. 3 ст. 53 УК Грузии обстоятельств не значится совершение преступления на почве ненависти либо вражды, а равно сходных с ними побуждений, в ней говорится лишь о необходимо-

сти учета судом мотивов и целей деяния, выявленной противоправной воли и т.д., то есть законодатель ограничивается общими формулировками, одновременно относящимися к смягчающим и отягчающим обстоятельствам и способными вместить в себя и так называемые экстремистские побуждения виновных.

В п. «м» ст. 109 УК Грузии предусмотрено одно из отягчающих обстоятельств убийства: совершение деяния «вследствие расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости». В данной норме, на наш взгляд, необоснованно использовано слово «нетерпимость», судя по всему, призванное заменить собой термины «ненависть» и (или) «вражда».

В филологии под словом «нетерпимость» принято понимать, во-первых, производное от прилагательного «нетерпимый» и, во-вторых, нежелание или невозможность терпеть кого-нибудь либо что-нибудь (например, нетерпимость к недостаткам)¹. При этом прилагательное «нетерпимый» толкуется в двух значениях: 1) недопустимый, такой, с которым нельзя мириться; 2) лишенный терпимости, не считающийся с чужими взглядами². В данном контексте следует учитывать и разъяснение слова «терпимый»: 1) такой, что можно терпеть, с которым можно мириться (например, терпимые условия); 2) умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению (например, терпимый характер, терпимое отношение к людям).

Полагаем, что нетерпимость обычно предшествует возникновению ненависти либо вражды, но, ни в коем случае не включает в себя хотя бы одно из последних видов негативного отношения к социальным группам и (или) их представителям, то есть являет собой более «безопасное» побуждение. Поэтому считаем, что в грузинском уголовном законодательстве сделано существенное отступление от рекомендаций Модельного кодекса, предлагающего использовать слово «вражда», обозначающее наиболее опасный мотив, побуждающий к насильственным и иным противоправным действиям в отношении других людей с учетом их отношения к религии, национальной либо расовой принадлежности.

В отличие от Модельного кодекса и УК РФ, в УК Грузии наряду с национальным признаком потенциальных потерпевших выде-

---

¹ См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 414.

² Там же.

ляется еще и их этническая принадлежность. По нашему мнению, эта отличительная черта лишь создает некоторую путаницу в терминах, так как слова «нация» и «этнос» большинством ученых и обычных граждан понимаются в качестве синонимов либо, по меньшей мере, сходных по своим объему и содержанию понятий. Более правильным, на наш взгляд, было бы указывать в законе оба термина вместе с подчеркиванием их почти полной синонимичности в виде взаимосвязанных существительных «национальность (этнос)» или прилагательных «национальный (этнический)».

Так, в используемом здесь толковом словаре русского языка слово «нация» раскрывается в двух значениях: 1) исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика; 2) в некоторых сочетаниях: страна, государство (Организация Объединенных Наций). Прилагательное «национальный» является производным от слова «нация», может обозначать что-либо характерное для той или иной нации, свойственное именно ей (национальная культура, национальный костюм и т.д.), а равно выступать синонимом прилагательного «государственный»¹.

Прилагательное же «этнический», по мнению филологов, может характеризовать что-либо, относящееся к происхождению определенного народа (народности, племени), исторически сложившейся общности людей². При этом слово «народ» понимается в четырех значениях: 1) население государства, жители страны; 2) нация, национальность, народность; 3) основная трудовая масса населения страны; 4) люди, группа людей³. На основе сопоставления приведенных в настоящем абзаце терминов можно утверждать, что слова «нация», «национальный» и «этнический» имеют равнозначное значение и не могут использоваться в законе в качестве различающихся между собой признаков составов преступлений.

Отметим, что в УК Грузии отсутствует норма, аналогичная ст. 282 УК РФ либо ст. 187 Модельного кодекса, то есть грузинский законодатель, судя по всему, решил рассредоточить уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды в

---

¹ См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 398.

² Там же. С. 913.

³ Там же. С. 391.

специальных нормах в качестве указанного квалифицирующего признака соответствующих составов преступлений. Отмеченный ранее квалифицирующий признак приводится не только в уголовно-правовой норме об убийстве, но еще и в п. «м» ч. 2 ст. 117 об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, в п. «ж» ч. 2 ст. 126 об истязании и п. «б» ч. 3 ст. 258 УК Грузии о «неуважительном отношении к умершему». Кроме того, в ч. 2 ст. 118 УК Грузии об ответственности за умышленное причинение менее тяжкого вреда здоровью указывается на «то же деяние, совершенное при наличии предусмотренных ст. 117 Настоящего кодекса отягчающих обстоятельств», то есть в том числе и вследствие расовой, религиозной, национальной или этнической нетерпимости. В качестве критического замечания отметим, что в приведенной формулировке слово «обстоятельство» употреблено во множественном числе, то есть при буквальном толковании ч. 2 ст. 118 УК Грузии можно прийти к выводу о необходимости совершения деяния при наличии как минимум двух таких обстоятельств.

В п. «е» ч. 1 ст. 54 УК Республики Казахстан в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено «совершение преступления по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». Данная формулировка практически полностью совпадает с п. «е» ч. 2 ст. 63 УК РФ в его первоначальной редакции, за исключением употребления отсутствующего в последней уголовно-правовой норме соединительного союза «и» между прилагательными «расовый» и «религиозный», что, по нашему мнению, является необоснованным, так как на практике может приводить к выводу, что такое отягчающее обстоятельство имеет место только при одновременном наличии в психике виновного расовой и религиозной ненависти либо вражды. Например, если виновный проявил в деянии только религиозную ненависть, то данное отягчающее обстоятельство отсутствует, чего не скажешь о национальном характере той же ненависти, судя по всему, признаваемой казахским законодателем более опасным мотивом.

В статьях Особенной части УК Республики Казахстан рассматриваемое отягчающее обстоятельство трансформируется в соответствующий квалифицирующий признак отдельных составов преступлений: убийства (п. «л» ч. 2 ст. 96); умышленного причинения

тяжкого вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 103); умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 104); истязания (п. «е» ч. 2 ст. 107) и надругательства над телами умерших и местами их захоронения (п. «в» ч. 2 ст. 275). При этом в большинстве из указанных уголовно-правовых норм данный признак приводится в следующей редакции: «... по мотиву социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды». Лишь в п. «л» ч. 2 ст. 96 УК Республики Казахстан дополнительно указывается еще и на кровную месть.

В гл. 4 «Преступления против мира и безопасности человечества» Особенной части УК Республики Казахстан, не имеющей деления на разделы, содержится ст. 164 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды». Данная статья состоит из трех частей, санкция каждой из которых следует рекомендациям Модельного кодекса: в ч. 1 максимальный срок лишения свободы составляет 5 лет, в ч. 2 – 6 лет и в ч. 3 – 10 лет.

В диспозиции ч. 1 ст. 164 УК Республики Казахстан содержатся признаки трех деяний: 1) умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни; 2) умышленные действия, направленные на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан; 3) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности. Каждое из данных действий должно быть совершено публично или с использованием средств массовой информации.

По сравнению со ст. 187 Модельного кодекса и ст. 282 УК РФ, в ст. 164 УК Республики Казахстан непосредственно указывается на умышленный характер соответствующих действий, хотя это и так следует из формальной конструкции данного состава преступления, а также несколько изменяется перечень признаков, в связи с которыми возбуждается негативное отношение к другим людям, и характер совершаемых при этом действий.

Сопоставление ст. 164 Республики Казахстан со ст. 282 УК РФ позволяет выявить следующие отличительные черты первой из них:

1) в названии ст. 164 УК Республики Казахстан указывается только одно деяние (возбуждение вражды, причем с исчерпывающим перечислением видов последней), а в наименовании ст. 282 УК РФ – два альтернативных деяния (возбуждение ненависти либо

вражды и унижение человеческого достоинства без перечисления признаков и видов таковых);

2) в диспозиции ч. 1 ст. 164 Республики Казахстан указываются три отмеченных ранее деяния, а в ч. 1 ст. 282 УК РФ – только два, совпадающие с названием данной статьи и не включающие в себя пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности, предусмотренную в первой из сопоставляемых статей;

3) ст. 164 УК Республики Казахстан предусматривает ответственность за возбуждение вражды либо *розни*, тогда как ст. 282 УК РФ – за возбуждение *ненависти* либо вражды;

4) в ст. 164 УК Республики Казахстан вражда либо рознь подразделены на определенные виды (социальная, национальная, родовая, расовая, религиозная), а в ст. 282 УК РФ ненависть либо вражда возбуждаются по определенным признакам (пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, а равно принадлежность к какой-либо социальной группе);

5) ст. 164 УК Республики Казахстан в качестве одного из деяний предусматривает действия, направленные на *оскорбление* национальной *чести* и достоинства либо *религиозных чувств* граждан, а в ст. 282 УК РФ – действия, направленные на *унижение достоинства человека либо группы лиц* по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;

6) в ч. 2 и ч. 3 ст. 164 УК Республики Казахстан содержатся такие, отсутствующие в ч. 2 ст. 282 УК РФ, квалифицирующие признаки, как совершения деяния группой лиц, неоднократно, руководителем общественного объединения, наступление тяжких последствий;

7) судя по месту расположения ст. 164 и строгости ее санкций, казахский законодатель признает за соответствующими деяниями большую общественную опасность, нежели разработчики УК РФ.

В ст. 55 Кыргызской Республики в перечне отягчающих обстоятельств отсутствует указание на осуществление деяния на основе ненависти либо вражды, однако в п. 3 ч. 1 данной уголовно-правовой нормы приводится общая формулировка, относящаяся ко всем мотивам, повышающим общественную опасность преступления, – «совершение преступления из корыстных или иных низмен-

ных побуждений». Как будет рассмотрено в дальнейшем изложении, мотивы ненависти либо вражды следует относить к разновидности низменных побуждений. Вместе с тем на наш взгляд, прилагательное «низменный» в контексте с существительным «мотив» образует чрезмерно оценочный признак, предполагающий самые различные его трактовки. Данное утверждение приводит еще к одному выводу – словосочетание «низменные побуждения» допустимо использовать в теории уголовного права либо криминологии для обозначения группы мотивов, явно противоречащих общепринятым нормам морали и нравственности, но только не в качестве положения уголовного закона.

Рассматриваемые нами мотивы упоминаются лишь в одной статье Особенной части УК Кыргызской Республики: в п. 9 ч. 2 ст. 97 данного нормативного правового акта предусмотрена ответственность за убийство, совершенное на почве межнациональной или расовой, либо религиозной ненависти или вражды. При этом самостоятельной статьи о возбуждении ненависти либо вражды в УК Кыргызской Республики не содержится.

В п. 3/1 ст. 38 ранее действовавшего УК Республики Молдова было предусмотрено отягчающее обстоятельство в виде совершения преступления «на почве национальной или расовой вражды или пренебрежения». Нетрудно заметить, что данный УК, пожалуй, в наибольшей степени отошел от рекомендаций Модельного кодекса, а точнее, не воспринял их. В приведенной формулировке отсутствует указание на религиозный характер вражды, но используется термин «пренебрежение», отсутствующий как в Модельном кодексе, так и в УК РФ. Вместе с тем полагаем, что совершение деяния на почве религиозной вражды можно отнести к отягчающему обстоятельству, указанному в п. 3 ст. 38 УК Республики Молдова, – низменным побуждениям преступления.

По нашему мнению, слово «пренебрежение» нельзя признать синонимом либо равнозначной альтернативой существительного «ненависть», так как пренебрежение может выражаться и в игнорировании какого-либо человека либо группы лиц, чего не скажешь о ненависти либо вражде.

В п. «d» ч. 1 ст. 77 УК Молдовы, принятого 18 апреля 2002 г.¹, в качестве одного из отягчающих обстоятельств названо «соверше-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Молдовы. – М., 2007.

ние преступления на почве социальной, национальной, расовой либо религиозной вражды или ненависти». По сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством Молдовы, в данный УК привнесены некоторые изменения и дополнения, коснувшиеся и рассматриваемого отягчающего обстоятельства: слово «пренебрежение» было заменено на «ненависть», причем соответствующее ему побуждение, как, впрочем, и вражда, стали характеризоваться не только национальным и расовым, но еще и социальным и религиозным признаками.

Следует отметить, что в анализируемом положении молдавского уголовного закона подчеркнуто, что к отягчающему обстоятельству относится осуществление деяния, изначально основанного на вражде либо ненависти («совершение преступления на почве...»).

Отмеченное отягчающее обстоятельство используется в качестве квалифицирующего признака составов «умышленного убийства» (п. «j» ч. 2 ст. 145 УК Молдовы), умышленного причинения тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью (п. «i» ч. 2 ст. 151 этого УК), умышленного причинения телесного повреждения средней тяжести или иного средней тяжести вреда здоровью (п. «j» ч. 2 ст. 152) и надругательства над могилой (п. «f» ч. 2 ст. 222).

В разделе X УК Молдовы «Преступления против публичной власти и безопасности государства» содержится ст. 346 об ответственности за «умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды или розни». Диспозиция данной уголовно-правовой нормы изложена в следующей редакции: «Умышленные действия, публичные призывы, в том числе через печатные и электронные средства массовой информации, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, а равно прямое или косвенное ограничение прав либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от национальной, расовой или религиозной принадлежности».

Если сравнивать формулировки диспозиции ст. 346 УК Молдовы и п. «d» ч. 1 ст. 77 этого УК, можно отметить отсутствие в первой из них указания на социальный характер вражды с одновременной заменой слова «ненависть» на «рознь». Считаем, что с позиции принципа системности права такие различия являются ничем иным, как недочетами законодательной техники.

В отличие от ст. 187 Модельного кодекса и ст. 282 УК РФ, в ст. 346 УК Молдовы подчеркивается умышленный характер данного преступления. При этом в диспозиции ст. 346 УК Молдовы указываются следующие альтернативные действия: 1) умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства; 2) публичные призывы, в том числе через печатные и электронные средства массовой информации, имеющие ту же направленность; 3) прямое или косвенное ограничение прав граждан в зависимости от национальной, расовой или религиозной принадлежности; 4) установление прямых или косвенных преимуществ граждан с учетом той же зависимости. В соответствии с санкцией данной статьи совершение таких действий наказывается штрафом в размере до 250 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет, то есть данное преступление относится к категории средней тяжести.

Отметим, что редакция ст. 346 УК Молдовы вызывает сомнения относительно последних двух указанных действий: можно ли ограничение прав и установление преимуществ рассматривать в качестве признаков объективной стороны данного преступления либо следует отнести их к возможному содержанию направленности умысла виновных, то есть признать альтернативой разжигания вражды или розни? Логическое толкование диспозиции данной уголовно-правовой нормы приводит к выводу, что более правильным является отнесение ограничения прав граждан и установления их преимуществ к видам альтернативных действий, за счет которых может совершаться рассматриваемое преступление. Кроме того, все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, что опять-таки подтверждает приведенный вывод.

В качестве отличительных черт ст. 346 УК Молдовы можно назвать и наличие в ее диспозиции указания на унижение не только национального достоинства, как это сделано в ч. 1 ст. 282 УК РФ, но и национальной чести, а также расширение понятия «средства массовой информации» за счет отнесения к таковым печатных и электронных ресурсов.

Применительно к последним двум действиям, указанным в ст. 346 УК Молдовы, отметим, что они имеют наибольшее сходство с действиями, направленными на ограничение прав граждан, либо установление превосходства граждан, содержащимися в ч. 1

ст. 283 УК Азербайджанской Республики об ответственности за сходное преступление. При этом в УК Молдовы, также как и в уголовных кодексах России и Азербайджана, содержится самостоятельная статья (ст. 176) о нарушении равноправия граждан. В ст. 176 УК Молдовы устанавливается ответственность за нарушение прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией и другими законами, в зависимости от пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного, сословного или иного положения, совершенное должностным лицом либо повлекшее тяжкие последствия. Как уже отмечалось ранее, установление уголовной ответственности за идентичные деяния в различных статьях УК лишь добавляет данному нормативному правовому акту неопределенности и противоречивости, свидетельствует о недочетах законодательной техники.

В п. «е» ч. 1 ст. 62 УК Республики Таджикистан в качестве одного из отягчающих обстоятельств (сочетания отягчающих обстоятельств) предусмотрено «совершение преступления по мотиву местной национальной или религиозной вражды, религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью облегчить или скрыть другое преступление». Данное положение таджикского уголовного законодательства практически полностью воспроизводит содержание п. «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса, за исключением замены слова «расовый» на отнюдь не синонимичное прилагательное «местный». По нашему мнению, толкование словосочетания «местная вражда» на практике сопряжено с трудностями, связанными, во-первых, с выяснением смыслового содержания прилагательного «местный», особенно в контексте с существительным «вражда», и, во-вторых, с разрешением вопросов об объеме данного понятия (например, можно ли относить к такой вражде явно негативное отношение к представителям какой-либо расы, должны ли данные лица проживать в определенной местности, и т.д.).

Рассматриваемое отягчающее обстоятельство в дальнейшем изложении УК Республики Таджикистан трансформируется в квалифицирующий признак ряда составов преступлений, приводимый в следующей редакции: «...на почве национальной, расовой, религиозной, местнической ненависти или вражды, либо кровной мести». Данный признак содержится в статьях УК Республики Таджикистан о следующих преступлениях: убийство (п. «н» ч. 2 ст. 104);

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «н» ч. 2 ст. 110); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 243).

Статья 189 УК Республики Таджикистан, предусматривающая ответственность за возбуждение национальной расовой, местнической или религиозной вражды, расположена в гл. 21 «Преступления против общественной безопасности» раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» данного нормативного правового акта. Следовательно, типовым объектом данного преступления в данном случае признаются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и здоровье населения, а родовым – общественная безопасность.

Диспозиция ч. 1 ст. 189 УК Республики Таджикистан изложена в следующей редакции: «Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной вражды или розни, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной, расовой или местнической принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации...».

В отличие от ч. 1 ст. 282 УК РФ, в рассматриваемой норме УК Республики Таджикистан вместо слова «ненависть» использован проанализированный ранее термин «рознь», а также указывается отсутствующее в первом нормативном правовом акте действие – «пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной, расовой или местнической принадлежности...». Интерес вызывает прилагательное «местнический», характеризующее вражду и рознь, а также принадлежность граждан, которых касается пропаганда. Содержание и объем данного понятия, на наш взгляд, не обладают достаточной для законодательных положений четкостью и однозначностью понимания, что не лучшим образом может сказаться на толковании и дальнейшем применении анализируемой уголовно-правовой нормы.

В ч. 2 ст. 189 УК Республики Таджикистан приводятся следующие квалифицирующие признаки возбуждения вражды или розни: а) повторность; б) применение насилия или угроза его применением; в) использование служебного положения; г) совершение деяния группой лиц или группой лиц по предварительному сгово-

ру. В ч. 3 ст. 189 УК Республики Таджикистан содержится указание на совершение деяния организованной группой, при опасном или особо опасно рецидиве; причинение по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий; насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства. Сравнение данных признаков с изложенными в ч. 2 ст. 282 УК РФ показывает, что в последней отсутствуют такие обстоятельства, как повторность; осуществление деяния группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, при наличии опасного или особо опасного рецидива, а также с причинением указанных последствий.

Приводимое в п. «е» ч. 1 ст. 58 УК Туркменистана отягчающее обстоятельство предусматривает «совершение преступления по мотиву национальной или религиозной вражды, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью облегчить или скрыть другое преступление». Данная формулировка наиболее сходна с описанием отягчающего обстоятельства, содержащимся в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в первоначальной редакции. Вместе с тем как показывает сравнительный анализ данных уголовно-правовых норм, в п. «е» ч. 1 ст. 58 УК Туркменистана, как и в таджикском уголовном законодательстве, отсутствует указание на расовый характер вражды, причем последнее не подменяется каким-либо альтернативным признаком. Вместе с тем применительно к отдельным преступлениям в УК Туркменистана предусмотрен следующий квалифицирующий признак: совершение преступления «на почве социальной, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды». Данный признак содержится в уголовно-правовых нормах об ответственности за «умышленное убийство» (п. «м» ч. 2 ст. 101 УК Туркменистана), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «ж» ч. 2 ст. 107), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «ж» ч. 2 ст. 108) и истязание (п. «е» ч. 2 ст. 113).

Статья 177 УК Туркменистана предусматривает ответственность за возбуждение социальной, национальной или религиозной вражды, причем расположена эта статья в гл. 22 «Преступления против государства» одноименного раздела IX. То есть под типовым и родовым объектами преступлений, предусмотренных в ст. 177 УК Туркменистана, здесь подразумеваются общественные отношения, обеспечивающие интересы государства. Диспозиция части первой данной статьи изложена в следующей редакции: «Умышленные действия, направленные на возбуждение социальной,

национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, розни, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, национальной, этнической или расовой принадлежности». При сравнении приведенной формулировки с диспозицией ч. 1 ст. 282 УК РФ можно выделить их различия.

Первое. В ч. 1 ст. 177 УК Туркменистана говорится о возбуждении только *вражды*, при этом перечисляются прилагательные, характеризующие последнюю, тогда как в ч. 1 ст. 282 УК РФ речь идет о *возбуждении ненависти* либо *вражды*, которые связаны с определенными признаками потенциальных потерпевших.

Второе. В ч. 1 ст. 177 УК Туркменистана, как и в ч. 1 ст. 282 УК РФ, указывается на унижение национального достоинства, однако в первой из данных статей не отмечается количество возможных потерпевших, тогда как российский законодатель подчеркнул, что пострадать от такого унижения может один человек либо группа лиц.

Третье. В отличие от ч. 1 ст. 282 УК РФ, в ч. 1 ст. 177 УК Туркменистана применительно к возбуждению вражды и унижению достоинства не выделяется такой признак объективной стороны, как совершение деяния публично либо с использованием средств массовой информации.

Четвертое. В ст. 282 УК РФ отсутствует указание на пропаганду исключительности либо неполноценности граждан, а в ч. 1 ст. 177 Туркменистана данное деяние выступает в качестве одного из альтернативных действий.

Статья 177 УК Туркменистана состоит из трех частей: во второй из них указывается на совершение деяний с использованием средств массовой информации, в третьей – с применением физического насилия либо угрозой его применения, а равно организованной группой. При этом максимальный срок лишения свободы в части первой достигает трех лет, в части второй – четырех лет, а в части третьей – восьми лет.

В п. «л» ст. 56 УК Республики Узбекистан предусмотрено одно из отягчающих обстоятельств в виде совершения преступления «по мотивам расовой или национальной вражды или розни». Данная формулировка наиболее сходна с содержанием рассмотренного ранее п. 9 ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь, за исключением отсутствия в узбекском уголовном законе указания на возможный религиозный характер вражды либо розни. Вместе с тем отмеченный

«пробел» восполняет п. «к» ст. 56 УК Республики Узбекистан, относящий к числу отягчающих обстоятельств все низменные побуждения преступления.

Отмеченное отягчающее обстоятельство в Особенной части УК Республики Узбекистан трансформируется в сходный квалифицирующий признак ряда составов преступлений: умышленного убийства (п. «к» ч. 2 ст. 97); умышленного тяжкого телесного повреждения (п. «ж» ч. 2 ст. 104); умышленного средней тяжести телесного повреждения (п. «ж» ч. 2 ст. 105) и умышленного уничтожения или повреждения имущества (п. «а» ч. 2 ст. 173). В первых трех уголовно-правовых нормах рассматриваемый признак приводится в следующей редакции: «... по мотивам межнациональной или расовой вражды». При этом наряду с данным признаком в отмеченных статьях УК Республики Узбекистан в качестве самостоятельного квалифицирующего обстоятельства указывается еще и совершение деяния по религиозным предрассудкам. В последней же уголовно-правовой норме данные отягчающие обстоятельства объединяются в один квалифицирующий признак – совершение деяния «по мотивам межнациональной или расовой вражды либо религиозных предрассудков».

Статья 156 УК Республики Узбекистан об ответственности за возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды расположена в гл. VIII «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела II «Преступления против мира и безопасности» данного нормативного правового акта. Следовательно, типовым объектом данного преступления в узбекском уголовном законодательстве признаются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность, а родовым объектом – общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Исходя из содержания отмеченных главы и раздела, возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды по характеру общественной опасности признается сходным с такими преступлениями, как пропаганда войны, геноцид, терроризм и другие деяния, посягающие на мир и безопасность человечества.

В ст. 156 УК Республики Узбекистан приведено два основных состава рассматриваемого преступления. Так, в ч. 1 данной статьи предусматривается ответственность за «изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов, пропагандирующих национальную, расовую, этническую или религиозную

вражду, совершенные после применения административного взыскания за такие же деяния». В данном случае имеет место указание на административную преюдицию, предполагающую возможность уголовной ответственности за деяние, основу которого составляет состав аналогичного административного правонарушения, совершенное после применения административного взыскания за осуществление последнего. При этом строгость санкции (наиболее строгое наказание – лишение свободы на срок до трех лет) относит соответствующее деяние к категории преступлений средней тяжести.

Признаки второго основного состава данного преступления приводятся в диспозиции ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан, изложенной в следующей редакции: «Умышленные действия, унижающие национальную честь и достоинство, оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением, совершенные с целью возбуждения вражды, нетерпимости или розни к группам населения по национальным, расовым, этническим или религиозным признакам, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ в зависимости от их национальной, расовой, этнической принадлежности или отношения к религии».

Если в ч. 1 ст. 282 УК РФ возбуждение ненависти либо вражды и унижение достоинства человека либо группы лиц указываются в качестве самостоятельных альтернативных целей совершаемых действий, то в ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан целью выступает только возбуждение вражды, нетерпимости или розни, а средством достижения данной цели – умышленные действия, унижающие национальную честь и достоинство, оскорбляющие чувства граждан в связи с их религиозным или атеистическим убеждением. Отметим, что буквальное и логическое толкование диспозиции ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан приводит к выводу о некотором несоответствии указанных цели и средства ее достижения, так как совершаемые действия унижают исключительно *национальную* честь и достоинство, а оскорбляют чувства граждан только в связи с их *религиозным* или *атеистическим* убеждением, тогда как направлены они (действия) на возбуждение вражды, нетерпимости или розни к группам населения по *национальным, расовым, этническим* или *религиозным* признакам. То есть, по мысли узбекского законодателя, за счет воздействия на человека с учетом его национальности либо религиозных убеждений можно возбудить не толь-

ко национальную или религиозную, но еще и расовую и этническую вражду, нетерпимость или рознь.

Представляется, что использование в диспозиции ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан в качестве альтернативы термину «вражда» слов «нетерпимость» и «рознь» лишь усложняет толкование и последующее применение данной уголовно-правовой нормы. Как уже отмечалось ранее, слова «нетерпимость» и «рознь» в рассматриваемом контексте несколько не конкретизируют слово «вражда» и не могут толковаться по аналогии со словом «ненависть», так как не содержат дополнительной характеристики степени негативного отношения к кому-либо, возбуждаемого виновными в других людях.

В отличие от сопоставляемой нормы российского уголовного законодательства, в ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан не указывается на обязательную сопряженность деяния с использованием средств массовой информации либо иного публичного способа возбуждения вражды, нетерпимости либо розни.

В диспозиции ч. 2 ст. 156 УК Республики Узбекистан содержится и второе альтернативное деяние – прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ в зависимости от их национальной, расовой, этнической принадлежности или отношения к религии, то есть используется формулировка, присущая понятию дискриминации с учетом определенных признаков (свойств) личности потерпевшего.

В ч. 3 ст. 156 УК Республики Узбекистан, установлена ответственность за действия, предусмотренные частью первой или второй данной статьи, совершенные: а) способом, опасным для жизни других лиц; б) с причинением тяжких телесных повреждений; в) с насильственным выселением граждан с мест их постоянного проживания; г) ответственным должностным лицом; д) по предварительному сговору группой лиц.

Систематическое толкование квалифицирующих признаков, изложенных в ч. 3 ст. 156 УК Республики Узбекистан, приводит к следующим критическим выводам.

Во-первых, по мнению автора, изготовление, хранение в целях распространения или распространение материалов, пропагандирующих национальную, расовую, этническую или религиозную вражду, не могут быть совершены ни способом, опасным для жизни других лиц, ни с причинением тяжких телесных повреждений

или с насильственным выселением граждан с мест их постоянного проживания.

Во-вторых, узбекский законодатель искусственно создал проблему толкования данных признаков в части определения количества людей, для которых способ совершения деяния представляет опасность, либо которые насильственно выселяются с мест их постоянного проживания.

В-третьих, формулировка «совершение действий ответственным должностным лицом» не отвечает на вопрос о необходимости в данном случае использования таким лицом своих должностных полномочий, то есть формально для применения п. «г» ч. 3 ст. 156 УК Республики Узбекистан достаточно установить, что деяние осуществлено кем-либо, имеющим статус ответственного должностного лица.

Также отметим, что в ч. 3 ст. 156 УК Республики Узбекистан отсутствуют некоторые квалифицирующие признаки, предусмотренные в ч. 2 ст. 282 УК РФ, – указание на совершение деяния с применением насилия либо с угрозой его применения, с использованием служебного положения либо организованной группой.

Санкции ст. 156 УК Республики Узбекистан в целом следуют рекомендациям Модельного кодекса, предусматривая в качестве наиболее строгого вида наказания лишение свободы: в ч. 1 – на срок до трех лет; в ч. 2 – до пяти лет; в ч. 3 – от пяти до десяти лет.

К указанному ранее положению белорусского уголовного законодательства более всего близка редакция п. 3 ч. 1 ст. 67 УК Украины, определяющего одно из отягчающих обстоятельств, – «совершение преступления на почве расовой, национальной либо религиозной вражды или раздора». Судя по контексту, слово «раздор» в данном случае призвано заменить слово «рознь» либо «ненависть», однако, по нашему мнению, не заменяет последние и лишь усложняет процесс квалификации на практике. Как и в молдавском уголовном законодательстве, здесь подчеркивается, что вражда и раздор составляют почву, мотивационную основу совершения преступления.

Отмеченные мотивы выступают в качестве квалифицирующего признака только одного преступления – посягательства на территориальную целостность и неприкосновенность Украины (ч. 2 ст. 110 УК Украины).

В статье 161, расположенной в разделе 5 УК Украины «Преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина», предусмотрена ответственность за нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии. Следовательно, по мнению украинского законодателя, типовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие избирательные, трудовые и другие личные права и свободы человека и гражданина. По своему названию и месту в системе уголовного законодательства ст. 161 УК Украины наиболее близка ст. 136 УК РФ об ответственности за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, а по своему содержанию – сочетает в себе как признаки последней, так и сопоставляемой с ней ст. 282 УК РФ.

Диспозиция ч. 1 ст. 161 УК Украины изложена в следующей редакции: «Умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой либо религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями, а также прямое либо косвенное ограничение прав или установление прямых либо косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или иным признакам». Сопоставление диспозиций ч. 1 ст. 161 УК Украины и ч. 1 ст. 282 УК РФ позволяет выделить следующие их различия.

Во-первых, в ч. 1 ст. 161 УК Украины подчеркивается умышленный характер соответствующих действий, тогда как в ч. 1 ст. 282 УК РФ форма вины не указывается, но определяется за счет формальной конструкции данного состава преступления.

Во-вторых, если в ч. 1 ст. 161 УК Украины указывается на *разжигание* вражды и ненависти, то в ч. 1 ст. 282 УК РФ – на *возбуждение* таких мотивов в других людях, причем в первой из данных уголовно-правовых норм названные побуждения изложены в обратном порядке – сначала отмечается *вражда*, а затем *ненависть*.

В-третьих, по сравнению с ч. 1 ст. 282 УК РФ в ч. 1 ст. 161 УК Украины приводится меньшее число признаков, в связи с которыми разжигаются вражда и ненависть, – национальность, раса и религия.

В-четвертых, в ч. 1 ст. 161 УК Украины отмечается *унижение национальной чести и достоинства* или *оскорбление чувств граждан* в связи с их религиозными убеждениями, а в ч. 1 ст. 282 УК РФ – только *унижение достоинства человека или группы лиц*, причем все перечисленные в последней уголовно-правовой норме действия должны быть совершены публично либо с использованием средств массовой информации, что не входит в число обязательных признаков состава преступления, предусмотренного в ст. 161 УК Украины.

Наконец, в-пятых, как уже отмечалось ранее, в ч. 1 ст. 161 УК Украины предусмотрено не только разжигание вражды или ненависти, унижение чести и достоинства или оскорбление чувств граждан, но еще и «прямое либо косвенное ограничение прав или установление прямых либо косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или иным признакам».

Применительно к последнему замечанию отметим, что наибольшую трудность в однозначном толковании представляют словосочетания «косвенные привилегии граждан», «иные убеждения» и «иные признаки». На наш взгляд, такие признаки формируют предпосылки для произвольного их понимания и, как следствие, – для использования аналогии в ходе применения уголовного закона.

В ч. 2 и ч. 3 ст. 161 УК Украины перечислены следующие квалифицирующие признаки: 1) соединенность деяния с насилием, обманом либо угрозами; 2) совершение преступления должностным лицом; 3) его осуществление организованной группой лиц; 4) альтернативное последствие в виде гибели людей либо иных тяжких последствий. Сопоставление данных признаков с квалифицирующими обстоятельствами, содержащимися в ч. 2 ст. 282 УК РФ, приводит к выводу об отсутствии в последней указания на обман и возможные последствия деяния.

Кроме того, к числу недостатков ст. 161 УК Украины следует, по нашему мнению, отнести то, что в ней не указывается характер применяемых угроз, а также использование должностным лицом своего служебного положения (полномочий), то есть угрозы могут быть самыми различными (от шантажа до устрашения применением насилия), а должностное лицо, даже действовавшее в частном порядке, может быть привлечено к ответственности с учетом отме-

ченного квалифицирующего обстоятельства. Также нельзя не заметить некорректное описание возможных последствий деяния, а именно указание на гибель людей, то есть причинение смерти неопределенному кругу лиц, как минимум двум (причем с любой формой вины), что никак не отражено в санкции ч. 3 ст. 161 УК Украины, предусматривающей лишение свободы на срок от двух до пяти лет. Кстати, санкции ст. 161 УК Украины не отличаются сбалансированностью и несколько отступают от рекомендаций Модельного кодекса. Так, в санкции ч. 1 ст. 161 УК Украины вовсе не предусматривается наказание в виде лишения свободы, а в ч. 2 и 3 данной статьи в качестве наиболее строгого наказания указывается лишение свободы на срок до пяти лет (в ч. 2 – в качестве альтернативного вида наказания и с выделением только верхнего предела срока, а в ч. 3 – в качестве единственного наказания с приведением нижнего и верхнего его пределов).

На основе изложенного сравнительного анализа уголовного законодательства России и других стран, входящих в состав СНГ, можно утверждать, что ответственность за преступления экстремистской направленности может быть усилена не только путем ужесточения санкций соответствующих статей уголовного законодательства, но и путем систематизации последнего в части противодействия экстремизму, а также совершенствования формулировок признаков составов соответствующих уголовно наказуемых деяний, исключая двусмысленность и казуистичность их описания. Считаем, что данное утверждение относится к уголовному законодательству не только России, но и других стран – участниц СНГ. Причем правовое пространство на территории СНГ, в частности, в области предупреждения преступлений экстремистской направленности и борьбы с ними, по нашему мнению, должно быть по возможности более унифицированным и согласованным.

Глава II.

Юридический анализ составов преступлений экстремистской направленности

§ 1. *Общее понятие состава преступления экстремистской направленности*

Проблема общего понятия состава преступления экстремистской направленности затронута нами в связи с теоретической и практической важностью выделения и систематизации в одном, едином понятии совокупности общих признаков, свойственных всем уголовно наказуемым деяниям данной группы. Правильное определение и анализ общего понятия состава преступления экстремистской направленности призваны сформировать исходные предпосылки для более глубокого изучения конкретных составов преступлений данной направленности. Отметим, что в теории уголовного права не всеми учеными поддерживается необходимость выделения общих понятий составов каких-либо групп преступлений¹, однако, с нашей точки зрения, такие понятия играют неосценимую роль в формировании единообразной правоприменительной практики, а также служат ориентирами для совершенствования уголовного законодательства.

Конечно же, общее понятие состава преступления экстремистской направленности основано на понятиях конкретного и родового составов преступлений, а также на общем понятии состава преступления. Подчеркнем, что отмеченные понятия взаимосвязаны между собой, причем с позиции логики общее понятие состава преступления экстремистской направленности выступает в качестве отдельного по отношению к общему составу преступления и одновременно в качестве общего – к понятиям конкретного состава преступления, родового состава преступления.

«В общем понятии состава преступления отражены закономерности построения любого конкретного состава преступления и его

---

¹ См., например: *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1951. С. 135–136; *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 7.

элементов и сконцентрированы понятия всех без исключения элементов и признаков, присущих всем конкретным составам преступлений, а также признаков, проявляющихся в отдельных составах преступлений. В общее понятие состава преступления указанные элементы и признаки вычлняются мысленно. Названное понятие является теоретической основой познания конкретных составов преступлений в их конкретизированном в мышлении, упорядоченном, системном виде»¹.

Общее понятие состава преступления включает в себя элементы и признаки, создающие, образно говоря, определенную матрицу, накладываемую в дальнейшем на любое понятие родового и конкретного составов преступлений. Такими системообразующими элементами выступают объект и объективная сторона преступления, субъект и субъективная сторона преступления, каждый из которых содержит свойственные только ему признаки, проявляющиеся в каждом, в большинстве либо в некоторых преступлениях.

«В рамках родового состава рассматриваются лишь те юридические признаки преступлений, которые характеризуют каждое из однородных преступлений»², например, уголовно наказуемых деяний, направленных против собственности, против порядка управления, и т.д.

Обоснование важности выделения и рассмотрения общего понятия состава преступления экстремистской направленности целесообразно строить на аргументах (моментах), сформулированных Л.Д. Гаухманом применительно к насильственным уголовно наказуемым деяниям³.

Во-первых, данное понятие аккумулирует признаки, являющиеся общими для конкретных составов этих преступлений, уголовно-правовые нормы о которых объединяются во взаимосвязанную систему.

Во-вторых, собирая в себе отмеченные общие признаки, оно является основой для решения наиболее общих вопросов, относящихся к раскрытию уголовно-правового содержания конкретных

---

¹ Цит. по: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 34–35.

² Цит. по: *Курс советского уголовного права (Часть Общая)*. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 255.

³ См.: *Гаухман Л.Д.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981. С. 70.

составов преступлений экстремистской направленности, позволяет дать общую характеристику последних.

В-третьих, данные общие признаки характеризуют различные составные части (элементы) каждого из конкретных составов преступлений экстремистской направленности: объект, объективную и субъективную стороны. Попад в категорию общих, эти признаки также распределяются по отмеченным элементам и, будучи органически взаимосвязанными, связывают данные элементы в рамках и на уровне общего понятия состава рассматриваемых преступлений. Следовательно, именно данное понятие служит основой для всестороннего исследования указанных общих признаков.

В-четвертых, общее понятие состава преступлений экстремистской направленности имеет значение для законодательного определения конкретных составов данных уголовно наказуемых деяний. Наличие общих признаков составов преступлений экстремистской направленности позволяет включить их в основу при определении в уголовном законе конкретных составов, что способствует единообразному пониманию данных признаков. Наличие же в определениях конкретных составов еще и других признаков, отличающих один состав от другого, дает возможность для индивидуализации каждого конкретного состава, а также для устранения пробелов в уголовно-правовой охране общественных отношений от преступлений экстремистской направленности.

Наконец, в-пятых, в теории уголовного права не исключается возможность рассмотрения состава преступления на различных уровнях обобщения, в том числе на уровне общего понятия состава преступления экстремистской направленности.

Отметим, что выделение общего понятия состава преступления экстремистской направленности осуществляется путем применения диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении. Данный метод был обоснован в философии¹ и нашел свое применение в теории уголовного права относительно понятия состава преступления². Суть этого метода состоит в том,

---

¹ См.: *Маркс К.* К критике политической экономии. Введение. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 213.

² См.: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 35–41.

что при восприятии определенных явлений в сознании человека формируются общие, отличительные признаки, характеризующие последние, а сформировавшиеся образы позволяют затем представить и описать ранее воспринятое даже в отсутствие вызвавших эти образы явлений.

На основе данного метода из всех конкретных составов преступлений выделяются присущие им элементы и признаки, формирующие содержание общего понятия состава преступления. Последнее, в свою очередь, служит базой для определения общего понятия типового, родового, подродового, специального составов преступлений, наполняя их конкретным содержанием и ограничивая такое наполнение элементами и признаками, являющимися общими для всех составов данного рода или типа.

Таким образом, основу в определении общего понятия состава преступления экстремистской направленности составляет общее понятие состава преступления в целом. Элементы и признаки последнего составляют, образно говоря, систему органов и клеток в организме каждого из конкретных составов преступлений, в том числе и уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности. Содержание же этих «органов и клеток» в составах преступлений экстремистской направленности позволяет выделить общие для них признаки, аккумулирующиеся в общем понятии состава данных преступлений.

Изложенные положения создают возможность для определения общего понятия состава преступления экстремистской направленности, под которым, по нашему мнению, следует понимать систему выделяемых на основе анализа и сопоставления всех конкретных составов преступлений экстремистской направленности объективных и субъективных признаков, характеризующих в общей форме общественно опасные деяния в качестве таких преступлений.

Ранее нами было проанализировано уголовно-правовое понятие преступлений экстремистской направленности, которое позволяет утверждать, что объективными признаками, присущими всем конкретным составам данных преступлений, выступают признаки, характеризующие их объект и объективную сторону, а субъективными – признаки, характеризующие субъективную сторону данных уголовно наказуемых деяний. Признаки же субъекта преступлений экстремистской направленности, как правило, не обладают какой-

либо спецификой, так как в своей совокупности характеризуют понятие, именуемое общим субъектом преступления.

В дальнейшем изложении автор подробно останавливается на признаках объекта, объективной и субъективной сторон каждого преступления экстремистской направленности, здесь же отметим сделанные в ходе исследования выводы, касающиеся данных элементов в структуре общего понятия состава рассматриваемых уголовно наказуемых деяний.

Неотъемлемым элементом непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности выступают общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо из групп в структуре общества.

Конечно же, каждое преступление экстремистской направленности посягает еще и на другие общественные отношения, которые, в зависимости от места соответствующей уголовно-правовой нормы в системе Особенной части УК РФ, следует признавать одним из обязательных (первым либо вторым) или дополнительным объектом такого деяния. Содержание данных общественных отношений, основанное на правовой природе каждого из рассматриваемых деяний, также зависит от описания признаков состава преступления экстремистской направленности в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. При этом большинство преступлений экстремистской направленности посягает на интересы личности (жизнь, здоровье, осуществление конституционных прав и свобод и т.д.); различные составляющие общественной безопасности и общественного порядка; государственную власть (основы конституционного строя и безопасность государства).

Объективная сторона преступлений экстремистской направленности, как правило, характеризуется активной формой поведения виновных, то есть совершением действий, в которых выражаются имеющиеся в психике данных лиц ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Данная особенность сказывается на выборе способов, места и обстановки совершения деяния, нередко ориентированных на публичное проявление и (или) разжигание ненависти либо вражды.

При этом ряд составов преступлений экстремистской направленности сконструирован по типу материальных, где последствиями выступают смерть потерпевшего либо причинение ему вреда здоровью различной степени тяжести, физических или психических страданий, повреждение либо уничтожение определенных предметов.

Признаки субъективной стороны преступлений экстремистской направленности наиболее ярко отражают специфику последних, накладывая отпечаток на объект и объективную сторону данных деяний. Все преступления экстремистской направленности характеризуются только умышленной формой вины и специфическими побуждениями – ненавистью либо враждой виновных в отношении представителей социальных групп либо таких групп в целом, разделяемых между собой по признакам определенной политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной либо иной принадлежности. В одном из рассматриваемых преступлений (ст. 282 УК РФ) данные мотивы трансформируются в цель, а точнее в направленность совершаемых действий – возбуждение таких ненависти или вражды в других людях.

Таким образом, выделение общего понятия состава преступления экстремистской направленности призвано обеспечивать системное восприятие и изучение элементов и признаков конкретных составов данных уголовно наказуемых деяний, составляет основу для исследования, отраженного в последующих двух параграфах монографии.

§ 2. Объект и объективная сторона преступлений экстремистской направленности

В системе состава преступления неотъемлемыми элементами являются объект и объективная сторона преступления. Для преступлений экстремистской направленности именно признаки данных элементов служат основой для разграничения соответствующих уголовно наказуемых деяний.

Нами поддерживается господствующая в теории уголовного права позиция, признающая объектом преступления охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает

преступление и которым причиняется или может быть причинен вред¹.

Как и любой другой элемент состава преступления, объект характеризуется наличием обязательных и факультативных признаков. К первым относятся общественные отношения, охраняемые уголовным законом, а ко вторым – предмет преступления² и потерпевший от преступления³.

В настоящее время существует мнение о четырехступенчатом делении объекта преступления на общий, родовой, видовой и непосредственный⁴. Однако наиболее обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения ряда ученых, которые предлагают так называемое вертикальное деление объекта преступления на общий, типовой (подобный, надродовой, сложный, составной), родовой и непосредственный⁵. Полагаем, что такая классификация сохраняет преемственность с теоретическим делением объекта преступления на виды, существовавшим до принятия УК РФ 1996 г., не противореча при этом логике построения действующего уголовного закона.

Непосредственный объект, как правило, подразделяют на основной, дополнительный и факультативный⁶. Вместе с тем по на-

---

¹ См.: *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. С. 124; *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. С. 4; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 17–27; *Гаухман Л.Д.* Объект преступления. Лекция. – М.: Академия МВД России, 1992. С. 5–19.

² См.: *Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : Учебное пособие. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 72–76.

³ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Учебник / Под общ. ред. *Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова.* – М.: Юриспруденция, 1999. С. 94–95.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / Под ред. *В.П. Ревина.* – М.: «Юридическая литература», 2000. С. 110–111.

⁵ См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. *Л.Д. Гаухмана и Л.М. Колодкина.* – М., 1999. С. 145.

⁶ См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 80–83; *Фролов Е.А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 10. – Свердловск, 1969. С. 213.

шему мнению, более обоснованной выступает позиция, согласно которой деление объекта осуществляется на обязательный и другой, который может быть 1) обязательным; 2) альтернативным или 3) дополнительным (факультативным)¹. Считаем, что с помощью последней классификации можно более четко определить соотношение различных объектов конкретного уголовно наказуемого деяния и провести его отграничение от смежных составов преступлений.

Факультативными признаками объекта преступления являются предмет преступления и потерпевший от преступления.

Под предметом преступления в теории уголовного права принято понимать «материальный субстрат, предмет материального мира, одушевленный или неодушевленный, в связи с которым или по поводу которого совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление»².

В качестве одушевленного «материального субстрата» следует рассматривать только животных, но не человека, который охватывается другим факультативным признаком объекта – потерпевшим от преступления. «Потерпевший как человек отличается от предмета преступления, в частности, тем, что его характеристика может быть связана с его деятельностью»³, как это имеет место, например, при посягательстве на государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Проанализировав указанные ранее виды преступлений экстремистской направленности, можно выделить объекты данных уголовно наказуемых деяний.

Общественные отношения, обеспечивающие различные интересы личности, выступают в качестве типового объекта для следующих преступлений: убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2, ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ); побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119

---

¹ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 80.

² Там же. С. 82.

³ Там же.

УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Для хулиганства (п. «б» ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ); вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ) и надругательства над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) типовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок.

Общественные отношения, обеспечивающие существование и нормальное функционирование государственной власти, являются типовым объектом для таких преступлений, как: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ).

Таким образом, большинство преступлений экстремистской направленности посягает на интересы личности (жизнь, здоровье, осуществление конституционных прав и свобод, и т.д.); различные составляющие общественной безопасности и общественного порядка, в том числе на общественную нравственность (ст. 244 УК РФ); государственную власть (основы конституционного строя и безопасность государства).

Остановимся на анализе непосредственных объектов приведенных групп и видов преступлений экстремистской направленности. Предваряя данный анализ, отметим, что неотъемлемым элементом в структуре непосредственного объекта каждого из данных уголовно наказуемых деяний выступают общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя в части реализации запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни¹. Отметим, что в соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации² данный запрет касается создания и деятельности общественных объединений, однако последующие положения Основного закона несколько расширяют и конкретизируют эту норму, распространяя ее действие на всех участников общественных отношений.

---

¹ См.: Часть 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации.

² Далее – Конституция РФ.

Так, в ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. При этом запрещаются любые формы ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции РФ «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Согласно ч. 1 ст. 21 Конституции РФ «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления», в том числе расовая, национальная и иная принадлежность.

Исходя из приведенных конституционных положений в сочетании с уголовно-правовым определением преступлений экстремистской направленности, можно заключить, что соответствующими деяниями нарушаются общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо иной группе в структуре общества. Именно данные общественные отношения являются неотъемлемым элементом непосредственного объекта каждого преступления экстремистской направленности.

При направленности таких преступлений на возбуждение указанных ранее ненависти либо вражды нарушаются общественные отношения, обеспечивающие одну из основ конституционного строя государства в виде запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни как крайней формы интолерантности по отношению к тем или иным социальным группам и (или) их представителям.

Предложенный нами подход к определению так называемого постоянного непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности согласуется с позицией социологов относительно объекта воздействия экстремизма в целом. Так, Л.С. Рубан

отмечает, что «экстремистские идеи и действия во всем их многообразии направлены против выработки реального плюрализма и толерантности, свободного распространения и обмена идеями и мнениями, учета взаимных интересов как социальных групп, так и отдельно взятых индивидов независимо от классового, имущественного, расового, национального или религиозного признаков; против признания абсолютной ценности прав человека»¹.

Применительно к непосредственному объекту преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ, отмеченные общественные отношения входят в содержание основного (обязательного) непосредственного объекта данных уголовно наказуемых деяний. Исходя из приведенной ранее классификации объектов преступления, родовым объектом уголовно наказуемых деяний, предусмотренных гл. 29 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасность государства.

Для возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) основной (обязательный) непосредственный объект преступления альтернативен: 1) общественные отношения, обеспечивающие толерантные взаимоотношения между различными элементами общества, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, а также принадлежности к какой-либо социальной группе (при возбуждении ненависти либо вражды); 2) общественные отношения, обеспечивающие достоинство человека либо группы лиц с учетом их пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (при унижении достоинства человека либо группы лиц).

Применительно к публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) основной (обязательный) непосредственный объект совпадает с родовым объектом и включает в себя общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасность государства.

Словосочетание «безопасность государства» следует определять на основе понятия безопасности вообще, закрепленного в За-

---

¹ См.: Рубан Л.С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность. – М.: Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007. С. 11.

коне Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»¹, в соответствии со ст. 1 которого под безопасностью понимается «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Жизненно важными интересами является «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». А «к объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность».

Соответственно, безопасность государства, наряду с личной безопасностью и безопасностью общества, является составной частью безопасности в целом. Безопасность государства заключается в состоянии защищенности от внешних и внутренних угроз социальных отношений по удовлетворению совокупности потребностей, надежно обеспечивающих существование государства и возможность его прогрессивного развития.

При этом основным (обязательным) непосредственным объектом организации экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) выступают общественные отношения, обеспечивающие одну из основ конституционного строя государства в виде запрета на создание объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной и иной розни (ненависти или вражды).

По мнению А.Г. Хлебушкина, объектом организации экстремистского сообщества выступают «конституционные основы межличностных отношений», что обусловлено указанием «в диспозиции на обязательные мотивы – определенную гражданскую ненависть или вражду»². Однако, как будет показано далее, мотивы ненависти либо вражды не являются обязательными признаками организации экстремистского сообщества либо участия в таковом. Кроме того, «конституционные основы межличностных отноше-

---

¹ См.: Ведомости. 1992. № 5. Ст. 769.

² См.: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : Монография / Отв. ред. *Н.А. Лопашенко*. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 69–70.

ний» представляют собой расплывчатое, неконкретное понятие, не опирающееся на Конституцию РФ, в том числе не входящее в основы конституционного строя нашего государства.

С.Н. Фридинский в качестве объекта организации экстремистского сообщества рассматривает общественные отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность страны, стабильность государства, отсутствие угроз его целостности и устойчивость государственной власти¹. Представляется, что данный автор необоснованно сужает непосредственный объект данного посягательства, смешивая два сходных, но самостоятельных объекта преступлений: основы конституционного строя и государственную безопасность. При этом не учитывается направленность подготавливаемых экстремистским сообществом преступлений, а также неразрывная взаимосвязь непосредственного объекта рассматриваемого деяния с его родовым объектом – основами конституционного строя и безопасностью государства.

Второй обязательный непосредственный объект организации экстремистского сообщества альтернативен и зависит от разновидности уголовно наказуемых деяний, для совершения которых создается и (или) функционирует экстремистское сообщество. В качестве такого объекта могут, например, выступать общественные отношения, обеспечивающие альтернативно жизнь или здоровье человека (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2, 3 и 4 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ); интересы несовершеннолетних (ч. 4 ст. 150 УК РФ); общественный порядок (п. «б» ч. 1, 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ); общественную нравственность (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) и т.д. Отметим, что данным объектам на момент создания экстремистского сообщества, руководства его деятельностью либо участия в нем существенный вред пока еще не причиняется, но уже создается реальная угроза причинения такого вреда. Следовательно, применительно к организации и функционированию экстремистского сообщества правильной будет обозначать второй обязательный непосредственный объект как общественные отношения, обеспечивающие безопасность (защищенность) указанных благ.

---

¹ См.: *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дисс. ... к. ю. н. – Ростов-н/Д, 2003. С. 67.

Дополнительным (факультативным) объектом рассматриваемого преступления являются те общественные отношения, обеспечивающие безопасность (защищенность) благ, которым может причиняться вред при совершении преступлений экстремистской направленности (например, безопасность отношений собственности при приготовлении к преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 214 УК РФ).

Если же в ходе деятельности экстремистского сообщества будут совершены конкретные преступления экстремистской направленности, то страдает уже не защищенность указанных благ, а непосредственно соответствующие им общественные отношения, что требует дополнительной квалификации по статьям УК РФ о данных уголовно наказуемых деяниях.

Как уже отмечалось, непосредственным объектом организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ) также являются общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя в части запрета на создание объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной и иной розни (ненависти или вражды).

В комментариях к УК РФ встречается мнение о том, что объектом организации деятельности экстремистской организации является порядок исполнения судебных решений¹, что подвергается справедливой критике в теории уголовного права². Вместе с тем общественные отношения, обеспечивающие надлежащее исполнения судебных решений, хотя и не являются первым обязательным объектом рассматриваемого преступления, но также нарушаются в ходе его совершения, что полностью охватывается ст. 282² УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 315 этого УК.

В качестве дополнительного непосредственного объекта могут альтернативно выступать общественные отношения по обеспечению общественного порядка, общественной нравственности, конституционных прав граждан на проведение митингов, собраний, шествий, демонстраций и пикетирований, а также конституционно-

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. *В.М. Лебедева*. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. С. 717.

² См.: *Кочои С.М.* Расизм: уголовно-правовое противодействие : Монография. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. С. 66.

го права граждан на свободу совести, вероисповедания, в том числе права не исповедать никакой религии.

Для убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, первым обязательным непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека.

Умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), а также побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) и истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ) в первую очередь нарушают общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, под которым следует понимать «определенное состояние тканей и органов, их физиологических функций, психическое состояние человека на момент времени, предшествующий посягательству»¹.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ) в качестве первого обязательного непосредственного объекта имеет общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья. Причем при угрозе убийством таким объектом выступает безопасность жизни, а при устрашении причинением тяжкого вреда здоровью – безопасность здоровья человека.

Норма об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления помещена законодателем в гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Следовательно, родовым объектом данного деяния выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы семьи и несовершеннолетних. Такое понимание объекта рассматриваемого преступления было далеко не всегда. Так, в УК РСФСР 1960 г. ст. 210 «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность» содержалась в главе «Преступления, посягающие на советский образ жизни». Поэтому в теории уголовного права считалось, что вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную Деятельность посягало на правильное развитие и воспитание несовершеннолетних и тем самым на общественный порядок, призванный

---

¹ См.: Коновалов В.С. Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2002. С. 12.

обеспечивать в социалистическом обществе необходимые условия для формирования личности¹.

По мнению отдельных ученых, непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления выступают интересы нормального развития и правильного воспитания несовершеннолетних². Другими авторами в качестве такого объекта называется физическое и психическое развитие несовершеннолетних³. Полагаем, что приведенные точки зрения ученых лишь дополняют друг друга, однако для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности непосредственный объект такого деяния нуждается в некоторой конкретизации.

По нашему мнению, основным (обязательным) непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности (ч. 4 ст. 150 УК РФ) выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы несовершеннолетних в части недопущения их участия как в уголовно наказуемых деяниях в целом, так и совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

При сопряженности данного преступления с насилием либо с угрозой применения насилия (ч. 3 ст. 150 УК РФ) вторым обязательным непосредственным объектом альтернативно выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье несовершеннолетнего (при насилии), либо общественные отношения, обеспечивающие безопасность этого блага (при угрозе). Отметим, что для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности данный объект является факультативным, так как может нарушаться лишь в отдельных случаях совершения рассматриваемого деяния.

---

¹ См.: Курс советского уголовного права / Под ред. *Н.А. Беляева*. – Л., 1981. С. 52.

² См.: Уголовное право: Часть общая. Часть особенная : Учебник / Под ред. *Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова*. – М., 1999. С. 375.

³ См.: *Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 2002. С. 183.

Отметим, что некоторыми учеными предпринимается попытка выделения большего количества дополнительных (факультативных) объектов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Так, А.В. Осипян считает, что дополнительным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность имущества – при угрозе уничтожением или повреждением имущества, безопасность чести и достоинства – при шантаже (ч. 1, ч. 2 ст. 150 УК РФ), а факультативным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье и свободу – при применении насилия; или общественные отношения, обеспечивающие безопасность этих благ – при угрозе применения насилия (ч. 3 ст. 150 УК РФ)¹. По нашему мнению, данный автор попытался выделить все возможные объекты данного преступления с учетом используемых виновными способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Однако если следовать букве закона, дополнительным непосредственным объектом (в общепринятом его понимании) в данном случае выступают только общественные отношения, обеспечивающие здоровье потерпевшего либо безопасность его здоровья. Остальные общественные отношения, в том числе связанные с собственностью, честью и достоинством личности, могут выступать лишь в качестве возможных факультативных объектов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

В качестве признака объекта рассматриваемого преступления выступает потерпевший, а именно несовершеннолетний, под которым обычно понимается лицо, не достигшее восемнадцати лет. Вместе с тем считаем, что для преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, необходимо исходить из более узкой трактовки понятия несовершеннолетнего.

Так, по мнению отдельных ученых, при вовлечении в совершение преступления малолетнего виновный является посредственным исполнителем преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ), причем ответственность вовлекающего по ст. 150 УК РФ исключается, так как вовлекаемое малолетнее лицо не может являться субъектом преступления в силу недостижения минимального возраста уголовной от-

---

¹ См.: *Осипян А.В.* Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий. Дисс. ... к. ю. н. – Ростов, 2004. С. 56.

ответственности. В продолжение данного довода отмечается, что таким же образом следует расценивать и случаи вовлечения несовершеннолетних в возрасте от 14 лет до достижения ими 16 лет в совершение преступлений, ответственность за которые предусмотрена с шестнадцатилетнего возраста¹.

Данная позиция согласуется и с мнением других авторов, считающих, что малолетний по своему уровню социального, нравственного и физического развития не способен правильно оценивать действия взрослого, направленные на приобщение его к преступной деятельности, поэтому в таких случаях состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, в действиях виновного отсутствует. При этом вовлекающее лицо должно нести ответственность только по той статье УК РФ, которая предусматривает преступление, совершенное им как посредственным исполнителем².

Интересную позицию высказывает В.Б. Боровиков, указывающий, что «если взрослый вовлекает в совершение преступления малолетнего, способного ... адекватно оценивать его действия, то совершеннолетнее лицо несет ответственность как исполнитель путем посредственного причинения и по ст. 150 УК»³. По нашему мнению, установление такой способности на практике сопряжено с существенными трудностями, кроме того, в большей степени основано на предположении, что, как известно, должно трактоваться в пользу обвиняемого.

Определенную точку в изложении данных доводов ставит Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указывающий, «что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого престу-

---

¹ См.: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001. С. 285.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.И. Никулина. – М., 2000. С. 446.

³ Уголовный закон в практике районного суда : Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2007. С. 193.

пления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения.

При подстрекательстве несовершеннолетнего к совершению преступления действия взрослого лица при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в форме подстрекательства) в совершении конкретного преступления»¹.

Таким образом, вовлекаемым лицом в рассматриваемом преступлении может выступать только несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности применительно к тому уголовно наказуемому деянию, к совершению которого тот склоняется виновным. В противном случае действия последнего необходимо оценивать как посредственное исполнение соответствующего преступления без учета ст. 150 УК РФ.

Для хулиганства (п. «б» ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ) и вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ) первым обязательным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок.

В учебной литературе по уголовному праву общественный порядок определяется по-разному. Приведем некоторые из дефиниций.

1. «Общественный порядок – это совокупность отношений, определяющих обстановку порядка и общественного спокойствия в общественных местах, обеспечивающих достойное поведение в них граждан, нормальную работу учреждений и организаций публичного характера, а также физическую и моральную неприкосновенность личности в условиях пребывания в общественном месте»².

2. «Под общественным порядком следует понимать систему устойчивых, организованных волевых отношений между людьми, обусловленных всеми формами их жизненного уклада и существ-

---

¹ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.

² Цит. по: Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. – М., 1999. С. 33–34.

вующих по поводу обеспечения согласованного, ритмичного и прогрессивного развития всех сфер человеческой деятельности»¹.

3. «Общественный порядок – сложившаяся в обществе система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, установленных действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами»².

Проанализировав данные и сходные с ними определения общественного порядка, полагаем, что под таковым следует понимать систему отношений, складывающихся в обществе на основе добровольного либо принудительного соблюдения его членами норм права, морали, этических, религиозных и иных общепринятых правил поведения. В приведенном определении нами не используется словосочетание «общественное место», так как место преступления может выступать обязательным признаком объективной стороны лишь одного преступления против общественного порядка – вандализма, точнее одной из разновидностей соответствующего деяния, связанного с порчей имущества на транспорте или в иных общественных местах.

Исходя из любого определения общественного порядка, неизбежно возникает вопрос об обоснованности его отнесения только к объекту хулиганства и иных преступлений, совершаемых из сходных побуждений. Во многом для положительного ответа на данный вопрос некоторыми учеными предпринимаются попытки сформулировать определение общественного порядка в широком смысле как объекта всех без исключения преступлений³ и в узком смысле, то есть как объекта только хулиганства. При этом сужение дефиниции общественного порядка производится в основном за счет «привязки» соответствующих отношений к общественному месту⁴, то есть в определение объекта хулиганства вводится признак, являющийся факультативным для другого элемента состава преступления – объек-

---

¹ Цит. по: Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. И.Я. Козаченко. и др. – М.: «ИНФРА-М–НОРМА», 1997. С. 388.

² Цит. по: Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юрист, 1997. С. 244.

³ См.: Данышин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1971. С. 68.

⁴ См.: Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2000. С. 37.

тивной стороны. Именно таким образом сформулировано первое из приведенных уголовно-правовых определений общественного порядка. Однако общественное место не является обязательным признаком внешней стороны хулиганства и соответственно не может определять и специфику его объекта. Кроме того, ст. 213 УК РФ не содержит каких-либо иных указаний на специфичность понимания в данном случае термина «общественный порядок». Следовательно, напрашивается вывод о том, что общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок, на которые посягает хулиганство, не обладают какой-либо спецификой и данный объект нарушается любым преступлением¹.

Полагаем, что специфика объекта хулиганства состоит в сочетании посягательства на общественный порядок с причинением вреда (или постановкой под угрозу такого причинения) самым разнородным отношениям (общественная безопасность, личность, собственность, и др.), охватываемым одной нормой – ст. 213 УК РФ.

Общественная безопасность ранее в качестве обязательного объекта хулиганства обоснованно не рассматривалась². Однако, учитывая изменения и дополнения, внесенные Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, последняя позиция должна быть пересмотрена.

По нашему мнению, в настоящее время общественную безопасность следует рассматривать в качестве второго обязательного объекта хулиганства, сопряженного с применением оружия либо предметов, используемых в качестве оружия. Выдвижение общественного порядка на первое, основное место обусловлено тем, что в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ подчеркивается направленность хулиганства именно против данного объекта преступления. Таким образом, исходя из прямого указания на объект в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ, первым обязательным объектом указанного вида хулиганства следует считать общественные отношения, обеспечи-

---

¹ См.: *Иванов Н.* Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 39; *Иванов Н.Г., Косырев И.И.* Современный метаморфоз уголовно-наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 38.

² См.: *Гледов Л.Д., Устинов В.С.* Ответственность за хулиганство. – М.: Знание, 1973. С. 19; *Гаухман Л.Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1975. С. 16.

вающие общественный порядок, а вторым, также обязательным объектом – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Подчеркнем, что в настоящее время общественная безопасность является вторым обязательным объектом только для хулиганства, сопряженного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1, ч. 2 ст. 213 УК РФ).

Полагаем, что применение оружия при хулиганстве нарушает общественную безопасность непосредственно, а соответствующее применение предметов, используемых в качестве оружия, – опосредованно, через нарушение такой ее составной части, как личная безопасность.

Общественная безопасность, наряду с личной безопасностью и безопасностью государства, является составной частью безопасности в целом. Общественная безопасность заключается в состоянии защищенности от внешних и внутренних угроз социальных отношений по удовлетворению совокупности потребностей, надежно обеспечивающих существование общества и возможность его прогрессивного развития.

По нашему мнению, определяющим отличием общественной безопасности от общественного порядка является то, что при ее нарушении ставится под угрозу само существование указанных выше отношений, тогда как при нарушении общественного порядка эти отношения лишь дестабилизируются. Конечно же, данные объекты тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, что подтверждают часто встречающиеся на практике случаи сочетания хулиганства с преступлениями против общественной безопасности.

Исходя из толкования ст. 213 УК РФ в действующей редакции, представляется обоснованным утверждать, что общественный порядок и общественная безопасность могут быть единственными объектами посягательства при хулиганстве. Вместе с тем хулиганство по-прежнему может быть сопряжено и с причинением вреда (или с постановкой под угрозу такого причинения) самым различным общественным отношениям, что подтверждается при анализе признаков объективной стороны данного преступления.

Для хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, общественная безопасность в качестве обязательного непосредственного объекта данного преступления не рассматривается, так как данное деяние может совершаться и без применения оружия либо

предметов, используемых в качестве оружия. Для такого хулиганства, как, впрочем, и для вандализма, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ, вторым обязательным непосредственным объектом выступают рассмотренные ранее общественные отношения, составляющие неотъемлемый элемент непосредственного объекта всех преступлений экстремистской направленности.

Факультативными объектами хулиганства выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье, телесную неприкосновенность или свободу личности (при насилии), либо общественные отношения, обеспечивающие безопасность этих благ личности или жизни (при угрозе применением насилия), либо отношения собственности, не связанные с распределением материальных благ (при уничтожении или повреждении чужого имущества). Посягательство на личность и (или) собственность при хулиганстве – это лишь способ посягательства на его основной объект – общественный порядок.

Для вандализма помимо нарушения общественного порядка существенное значение имеет предмет данного посягательства, в качестве которого альтернативно выступают: здания, сооружения, имущество на общественном транспорте и другое имущество, находящееся в общественных местах.

В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается, что повреждаемое или уничтожаемое при вандализме имущество, находящееся в общественных местах, может относиться к различным формам собственности и являться неотъемлемой составляющей таких мест (например, кресла в кинозале, рекламные щиты на улицах, витрины магазинов и т.п.) либо там находиться, но не принадлежать к частям последних¹ (например, стоящая во дворе автомашина, передвижные киоски, и т.п.). Учитывая свойства указанных предметов, дополнительным объектом вандализма следует признать отношения собственности.

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) основным (обязательным) непосредственным объектом преступления имеет общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность. Предмет данного преступления альтернативен: 1) тело умершего человека; 2) место захоронения; 3) надмогильное сооружение; 4) кладбищенское

---

¹ См.: Уголовный закон в практике мирового судьи: Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 364–365.

сооружение, предназначенное для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением; 4) скульптурное сооружение, посвященное борьбе с фашизмом или жертвам фашизма; 5) архитектурное сооружение, посвященное борьбе с фашизмом или жертвам фашизма; 6) место захоронения участников борьбы с фашизмом.

Надругательство над местами захоронения может затрагивать и отношения собственности, то есть последние являются факультативным объектом данного преступления.

Отметим, что в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹ используется несколько иная терминология относительно обозначения потенциальных предметов надругательства виновных в рассматриваемом преступлении, например, вместо словосочетания «место захоронения» в данном Законе используется понятие «место погребения». Под такими местами в ст. 4 того же Закона понимаются «отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших». Места погребения могут быть: по принадлежности – государственные, муниципальные; по обычаям – общественные, вероисповедальные, воинские; по историческому и культурному значению – историко-мемориальные.

Представляется, что словосочетание «место захоронения», используемое в диспозиции ч. 1 ст. 244 УК РФ, призвано обозначать, с одной стороны, более широкое понятие, характеризующее как места погребения в их законодательном понимании, так и иные места, фактически используемые (использованные) для захоронения тела (тел) умершего (умерших), а также их останков либо праха, а с другой стороны, как более узкое понятие, не включающее надмогильные сооружения, крематории, иные кладбищенские здания и сооружения.

В ст. 20 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» указываются военные мемориальные кладбища, которые предназначены для погребения и увековечения памяти погибших

---

¹ См.: Российская газета. 1996. 20 января.

(умерших) при защите Отечества, круг которых определяется Законом Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»¹. По нашему мнению, понятие «военные мемориальные кладбища» следует указать как элемент квалифицирующего признака рассматриваемого состава преступления наравне с посягательством на места захоронения участников борьбы с фашизмом.

В п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ в качестве квалифицирующего признака, в частности, предусмотрено уничтожение, повреждение или осквернение скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма. При этом следует учитывать, что такие сооружения не обязательно располагаются в местах захоронения участников борьбы с фашизмом либо жертв фашизма и могут быть возведены на значительном удалении от таких мест либо вовсе без учета связи с таковыми.

Отметим, что надругательство над телами умерших либо местами их захоронения приобретает экстремистскую направленность только при его совершении по мотивам ненависти либо вражды к каким-либо социальным группам и (или) их представителям, поэтому виновные нередко подыскивают такие предметы посягательства, которые способствуют проявлению данных мотивов. Так, в городе Тверь была осуждена группа молодых людей, совершившая ряд убийств и иных преступлений экстремистской направленности под руководством Дмитрия Орлова. Среди прочего данная группа совершила и «погром» на кладбище.

Члены данной группы «готовились тщательно: купили баллончики с краской, респираторы, перчатки, напечатали листовки. Накануне приехали в Дмитрово-Черкассы, чтобы запомнить расположение еврейского и мусульманского участков.

Утром 2 октября 2006 г. глазам пришедших на кладбище открылась страшная картина: поваленные памятники, исписанные ругательствами и свастиками надгробья, расклеенные повсюду листовки. Всего было осквернено и разрушено 149 надгробий.

По словам одного из вандалов, после погрома Орлов всех построил и обратился с речью: «Россия вас не забудет!»²

---

¹ См.: Российская газета. 1993. 17 февраля.

² См.: *Феклюнин С.* Нацистам указали на Тверь // Московский комсомолец. 2008. 29 апреля.

Приведенный пример в очередной раз подтверждает, что виновные в преступлениях экстремистской направленности стремятся не только найти выход имеющимся в их психике ненависти либо вражде, но и вызвать своими действиями эскалацию резко негативного отношения других людей к каким-либо социальным группам и (либо) их представителям, в том числе за счет использования психологических приемов, вызывающих желание подражать и следовать проторенной ими «тропой войны».

Объективная сторона преступления представляет собой совокупность установленных законом внешних признаков преступного поведения человека¹.

От понятия объективной стороны преступления и общего понятия объективной стороны состава преступления следует отличать определение объективной стороны конкретного состава преступления. Объективная сторона конкретного состава преступления характеризуется рядом признаков. «Содержание этого элемента... составляют: деяние (действие или бездействие), являющееся обязательным признаком любого преступления; последствие и причинная связь, представляющие собой обязательные признаки материальных составов, а также факультативные признаки – место, время, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления»².

Для дальнейшего рассмотрения вопросов настоящего параграфа целесообразно подразделить составы преступлений на виды именно с учетом конструкции их объективной стороны.

К преступлениям с материальными составами следует относить составы таких преступлений экстремистской направленности, как убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112 и п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) и истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

---

¹ См.: Советское уголовное право: Часть Общая : Учебник / *Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев* и др. – М.: «Юридическая литература», 1982. С. 102; *Ковалев М.И.* Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. С. 18.

² Цит. по: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 356.

Формальными составами преступлений являются составы угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ), хулиганства (п. «б» ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ).

Составы преступлений вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ) и надругательства над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) являются формально-материальными. В ст. 282¹ УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества содержатся усеченные составы преступлений.

Дискуссионным в теории уголовного права является отнесение побоев и хулиганства к категории формальных либо материальных составов преступлений. Как уже было указано ранее, по нашему мнению, состав преступления побоев является материальным, а хулиганства – формальным. Объясним свою позицию.

Отметим, что большинство ученых считает, что побои следует относить к формальным составам преступлений, момент окончания которых связан с совершением общественно опасного деяния¹. Однако нами поддерживается точка зрения П.Н. Кабанова, рассматривающего состав преступления побоев в качестве материального². Полагаем, что общественно опасными последствиями побоев следует признавать причинение потерпевшему физической боли, хотя и не вызывающей юридически значимых расстройства здоровья и (или) утраты общей трудоспособности, но связанной с причинением ссадины, кровоподтека, ушиба мягких тканей, включающего кровоподтек и гематому, а также поверхностной раны и других поверхностных повреждений.

При побоях, а иногда и при истязании насильственные действия по своим последствиям ограничены лишь одной физической болью без наступления объективно проявляемого вреда здоровью. «Боль – своеобразное психофизиологическое состояние человека, возникающее в результате воздействия сверхсильных или разру-

---

¹ См., например: *Шаргородский М.Д.* Ответственность за преступления против личности. – Л., 1953. С. 48; Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. – Л., 1978. С. 552.

² См.: *Кабанов П.Н.* Уголовная ответственность за побои и истязание: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2006. С. 78.

шительных раздражителей, вызывающих органические или функциональные нарушения в организме»¹. Причинение физической боли нарушает нормальную деятельность сердечно-сосудистой системы, может сказываться на кровяном давлении, ритмичности работы сердца, а также оказывать воздействие на деятельность легких, органов внутренней секреции и др.

С медицинской точки зрения, причинение физической боли является, может, и незначительным, но ухудшением здорового состояния организма. Медицина определяет боль как «своеобразное психическое состояние человека, определяющееся совокупностью физиологических процессов центральной нервной системы, вызванных к жизни каким-либо сверхсильным или разрушительным раздражением»². Такие раздражения, в частности, заключаются в разных по тяжести телесных повреждениях. Боль является неизбежным спутником любого телесного повреждения. Нарушения анатомической целостности тканей или функций органов человеческого организма как раз и являются теми «разрушительными раздражителями», которые вызывают физическую боль.

Как известно, физическая боль может быть вызвана не только телесными повреждениями, но и иными насильственными действиями, например, щипкам, дерганьем волос и другими, не связанными с такими внешними, легко поддающимися констатации признаками, как нарушение анатомической целостности тканей и нарушение функций органов человеческого тела. Так, Р.Д. Шарапов отмечает, что «физическая боль представляет собой вред здоровью человека в форме патологического состояния, крайней степенью которого является болевой шок»³.

К побоям в широком смысле, по нашему мнению, можно отнести и такой вид насилия, выделяемый Л.Д. Гаухманом, как воздействие на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей (отравление)⁴. Конечно же, невозможно причинить побои в

---

¹ Цит. по: Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. – М., 1976. Т. 3. С. 294.

² См.: Большая медицинская энциклопедия. – М., 1958. Т. 4. С. 74

³ См.: Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершаемых с применением физического насилия. – Тюмень, 2001. С. 23.

⁴ См.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. С. 8.

узком смысле, понимаемые как нанесение человеку ударов, без осуществления соприкосновения с ним как непосредственно, так и опосредованно, то есть с помощью какого-либо предмета, используемого в качестве оружия. Именно такие побои чаще всего являются способом причинения вреда здоровью различной степени тяжести.

Поверхностные повреждения, в том числе ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека¹.

Как отмечал Б.В. Здравомыслов, побои в отличие от телесных повреждений не нарушают анатомической целостности тела потерпевшего, то есть имеют незначительные последствия, длившиеся порядка шести дней². Этой же позиции придерживается С.В. Расторопов, считающий, что любые виды насильственных действий при побоях не нарушают анатомическую целостность тела потерпевшего, причиняя лишь физическую боль, проходящую с течением времени³. Позволим себе не согласиться с позициями указанных ученых. Во-первых, кровоподтек или ссадина не могут образоваться на теле другого человека без внешнего воздействия на его мягкие ткани. Во-вторых, после такого воздействия поверхность тканей потерпевшего приобретает зачастую фиолетовый оттенок или царапины, то есть происходит внешнее изменение нормального состояния верхнего слоя кожи.

В обоснование сказанного также следует отметить, что при отсутствии каких-либо воздействий на тело потерпевшего поверхность его кожи не изменила бы первоначального состояния, следовательно, нормальная анатомическая целостность организма человека в результате внешнего воздействия нарушается и отличается от

---

¹ См.: Пункт 9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н // Российская газета. 2008. 5 сентября.

² См.: *Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А., Парог А.И.* Уголовное право. – М., 1992. С. 56–59.

³ См.: *Расторопов С.В.* Преступления против здоровья человека по УК РФ 1996 г. – М.: Рязань: Русское слово, 2003. С. 252.

первоначального «здорового» состояния. При этом кровоподтек или ссадина могут не вызывать кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, а следовательно, такие повреждения не могут быть отнесены к последствиям умышленного причинения легкого вреда здоровью. Поэтому считаем, что причинение физической боли без видимого вреда здоровью, то есть без телесных повреждений, не может быть отличительным признаком побоев, как на это указывал Н.И. Загородников¹. Полагаем, что объективным признаком побоев следует признавать не только причинение физической боли, но и нарушение анатомической целостности организма (его кожного покрова), не влекущее последствий, указанных в ст. 115 УК РФ.

При совершении иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, таких как щипания, «заламывание» рук, сдавливание частей тела, защемление конечностей, может и не нарушаться анатомическая целостность человеческого организма, но тем не менее потерпевшему причиняется физическая боль. При этом видимые последствия в виде нарушения анатомической целостности человеческого тела могут отсутствовать.

В качестве отличительной черты побоев уголовный закон называет отсутствие последствий, предусмотренных в ст. 115 УК РФ. Это следует понимать лишь в том смысле, что последствия насильственных действий виновного при побоях не должны вызывать кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, характеризующих легкий вред здоровью.

В п. 8 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека², *легкий вред здоровью* характеризуется двумя критериями.

Во-первых, временным нарушением функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью до трех недель от момента причинения травмы (до 21 дня включительно) – кратковременным расстройством здоровья.

---

¹ См.: Загородников Н.И. Указ. соч. С. 107.

² См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сентября.

Во-вторых, незначительной стойкой утратой общей трудоспособности – стойкой утратой общей трудоспособности менее 10 %.

Таким образом, общественно опасные последствия побоев состоят в причинении физической боли, подтверждаемой поверхностными изменениями кожи и мягких тканей потерпевшего, но не должны содержать в себе признаков легкого вреда здоровью.

В теории уголовного права существовали три основные точки зрения насчет определения вида *состава хулиганства* в зависимости от конструкции его объективной стороны, указанной в ст. 206 УК РСФСР, а затем – в ст. 213 УК РФ в первоначальной редакции.

Сторонники первой точки зрения относили хулиганство к преступлениям с формальным составом¹. Другие ученые считали, что состав хулиганства является материальным, причем понимали под последствием данного преступления причинение вреда общественному порядку². Третьи же полагали, что хулиганство следует признать преступлением с формально-материальным составом, так как грубое нарушение общественного порядка может альтернативно сопровождаться как применением насилия или угрозой его применения (то есть только действиями без обязательного наступления последствия в виде вреда здоровью потерпевшего), так и уничтожением или повреждением чужого имущества (то есть наступлением конкретных общественно опасных последствий)³.

В связи с рассмотренными законодательными изменениями, а именно за счет исключения из диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ указания на альтернативную сопряженность хулиганства с посягательством на личность или собственность, состав данного преступления не может быть признан формально-материальным.

По нашему мнению, состав хулиганства по конструкции его объективной стороны является формальным, то есть данное преступление признается оконченным с момента совершения деяния,

---

¹ См.: *Егоров В.С.* Уголовная ответственность за хулиганство: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – М., 2000. С. 17; *Иванов Н.* Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 39.

² См.: *Дагель П.* Субъективная сторона хулиганства // Советская юстиция. 1968. № 5. С. 19; *Даньшин И.Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – М.: «Юридическая литература», 1973. С. 156.

³ См.: *Зарубин В.* Спорные вопросы субъективной стороны хулиганства // Уголовное право. 2001. № 3. С. 13.

грубо нарушающего общественный порядок, выражающего явное неуважение к обществу при наличии иных признаков, указанных в ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ. Касаясь же позиции, признающей состав хулиганства материальным, А.И. Рарог обоснованно утверждает, что «грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу – это не последствие, а социальное свойство хулиганских действий, придающее им общественно опасный характер»¹.

Ядром объективной стороны состава хулиганства является именно сочетание двух указанных оценочных признаков: «грубое нарушение общественного порядка» и «выражение явного неуважения к обществу».

«Под грубым следует понимать существенное нарушение общественного порядка. Грубое нарушение общественного порядка характеризует уголовно наказуемое хулиганство, а простое нарушение – мелкое хулиганство»². Согласимся с тем, что «вывод о степени общественной опасности деяния о том, грубым или не грубым является нарушение общественного порядка, следует делать из анализа объективных признаков хулиганства: характера совершенных действий, их продолжительности, способа, места и времени их совершения, наступивших последствий и т.д.»³.

«Грубое нарушение общественного порядка может иметь место в случае длительного его нарушения, повышенной интенсивности нарушения (страдают интересы большого количества граждан), например, срыв важных или массовых общественных мероприятий, дерзкое приставание к гражданам»⁴.

Полагаем, что на явное неуважение к обществу указывает пренебрежительное отношение виновного к общепринятым правилам поведения, противопоставление им себя другим гражданам или де-

---

¹ См.: *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001. С. 37.

² Цит. по: *Гаухман Л.Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1975. С. 19.

³ См.: *Волженкин Б.В., Питерцев С.К.* Расследование дел о хулиганстве: квалификация, процессуальные особенности и методика расследования: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. – Л., 1979. С. 17–18.

⁴ Цит. по: Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. *Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова.* – М., 1999. С. 36.

монстративное выражение своего мнимого превосходства над ними. «Выражение явного неуважения к обществу может проявляться в пренебрежении мнением присутствующих, нереагировании на замечания о недопустимости подобных действий или усилении агрессивности после таких замечаний»¹. Такое неуважение должно быть явным, то есть очевидным, не вызывающим сомнений² как у самого виновного, так и других граждан, ставших потерпевшими от хулиганства или очевидцами данного преступления. Однако это вовсе не означает, что хулиганство может быть совершено только в общественном месте и при обязательном наличии окружающих, то есть граждан, наблюдавших действия виновного.

Ряд ученых указывает на общественное место как на обязательный признак объективной стороны хулиганства³. Нами же поддерживается противоположная точка зрения, согласно которой место совершения преступления не определяет квалификацию тех или иных действий как хулиганства и, кроме того, не является обязательным признаком рассматриваемого преступления⁴. Данное утверждение обосновывается, во-первых, отсутствием в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ указания на место совершения данного преступления и, во-вторых, устойчивой правоприменительной практикой, признающей наличие состава хулиганства в тех или иных действиях независимо от места их совершения, опираясь на объективные и субъективные признаки, указанные в уголовном законе. «Решаю-

---

¹ Цит. по: Уголовное право. Особенная часть. Т. 2.

² См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М.: «Русский язык», 1983. С. 672.

³ См.: *Габлин А.В.* Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1952. № 8. С. 38; *Егоров В.С., Кадников Н.Г.* Квалификация преступлений против общественного порядка : Учебное пособие. – М.: ЮИ МВД России, 2000. С. 21–22; *Шишов О.Ф.* Некоторые вопросы квалификации хулиганства по советскому законодательству (по материалам судебной практики) // Вопросы уголовного права (ВЮЗИ). – М., 1966. С. 24.

⁴ См.: *Жогин В.Н.* Борьба с хулиганством – дело всех и каждого. – М.: Юридическая литература, 1967. С. 28; *Зарубин В.И.* Уголовная ответственность за хулиганство: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2001. С. 54–55; *Гледов Л.Д., Устинов В.С.* Указ. соч. С. 23; *Коржув Е.К.* Ответственность за хулиганство по советскому праву: Дисс. ... к. ю. н. – М., 1955. С. 107; *Красиков Ю.А., Труфанов В.В.* Борьба с хулиганством. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1966. С. 15.

шее значение для данного состава имеет не место, а люди, общество, которому хулиган бросает вызов своим поведением»¹.

В каждом конкретном случае совершения действий, внешне сходных с хулиганством, необходимо тщательно исследовать не только действия виновного, но и поведение потерпевшего, предшествующее посягательству.

Если будет установлено, что инициатором конфликта был потерпевший либо действия виновного были обусловлены преимущественно неприязненными отношениями с потерпевшим, то содеянное не может квалифицироваться ни как хулиганство, ни как иное уголовно наказуемое деяние, совершенное из хулиганских побуждений.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» рекомендовал при юридической оценке убийства, совершенного в ссоре или в драке, выяснять, кто явился инициатором указанных конфликтов, не были ли они спровоцированы виновным для использования его в качестве повода к убийству. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а также в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений².

Вместе с тем как правильно отмечает С.В. Бородин, для признания деяния совершенным из хулиганских побуждений «недостаточно сослаться на то, что данное лицо является «инициатором» или «активной стороной» преступления – необходимо установить мотив действий виновного»³.

В уголовно-правовой литературе, а также в практической деятельности правоприменительных органов часто затрагивается вопрос о том, является ли признак публичности обязательным для хулиганства. Под данным признаком обычно понимают обязательное присутствие посторонних лиц при совершении данного пре-

---

¹ Цит. по: *Даньшин И.Н.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. – Харьков, 1971. С. 59.

² См.: Российская газета. 1999. 9 февраля.

³ См.: *Бородин С.В.* Преступления против жизни. – М.: Юрист, 2000. С. 149.

ступления¹. Признавая публичность обязательным признаком хулиганства, В.Ф. Кириченко категорически утверждал, что «неуважение к обществу предполагает публичное его проявление. Там, где нет людей, где никто не видит преступных действий, могут быть признаки других преступлений, но не хулиганства»².

А.Н. Игнатов, обоснованно возражая против возведения публичности в ранг обязательного признака рассматриваемого преступления, указывал, что «такая точка зрения сужает понятие хулиганства, вносит формальное ограничение в это понятие. В действительности закон в определении хулиганства не содержит указания на признак публичности или на определенное место совершения этого преступления (общественные места)»³.

Признак публичности в указанной формулировке, по нашему мнению, тесно связан с понятием общественного места. Соответственно публичность, также как и место совершения преступления, не является обязательным признаком хулиганства. Вместе с тем публичность хулиганских действий необходимо установить тогда, когда общественно опасные действия сопряжены исключительно с уничтожением имущества при помощи оружия или соответствующих предметов либо только со стрельбой из оружия, или приведением в действие взрывных устройств либо взрывчатых веществ, не угрожающих безопасности людей. Отсутствие публичности в данном случае исключает состав хулиганства.

В соответствии с действующей редакцией п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ хулиганство может быть признано таковым, только если оно совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. При совершении хулиганства по мотивам ненависти либо вражды к какой-либо социальной группе и (или) ее представителям (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) применение оружия и сходных с ним по качествам предметов, по мысли законодателя, является не обязательным, а факультативным признаком объективной стороны данного преступления. Вместе с тем как уже указыва-

---

¹ См.: Кузнецов А.В. Хулиганство и борьба с ним. – М.: Госюриздат, 1962. С. 27.

² См.: Кириченко В.Ф. Об усилении борьбы с хулиганством. – М.: Знание, 1967. С. 7.

³ См.: Курс советского уголовного права в шести томах. Часть особенная. Т. VI. – М.: Наука, 1971. С. 320.

лось нами ранее, деяние не может быть квалифицировано по ст. 213 УК РФ, в том числе и по п. «б» ее первой части, без установления хулиганских побуждений, причем их основной, главной роли в совершенном преступлении. Основываясь на данном утверждении и условно допуская возможность сочетания хулиганских и экстремистских побуждений, попытаемся ответить на вопрос об объеме понятия хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо, в первую очередь, сопоставить статьи УК РФ об ответственности за преступления, совершаемые как из хулиганских, так и экстремистских побуждений. Перечень преступлений экстремистской направленности был приведен ранее. Если исследовать хулиганство не изолированно, а в соотношении с иными уголовно наказуемыми деяниями, совершаемыми из хулиганских побуждений, то следует определить их перечень, составляющий определенную систему. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные в следующих статьях УК РФ: п. «и» ч. 2 ст. 105 «Убийство»; п. «д» ч. 2 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; п. «д» ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; п. «а» ч. 2 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; п. «а» ч. 2 ст. 116 «Побои»; ч. 2 ст. 167 «Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества»; ст. 215² «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения»; ст. 215³ «Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов»; ст. 245 «Жестокое обращение с животными».

Сопоставление указанных уголовно-правовых норм со ст. 213 УК РФ приводит к выводу, что основным отграничительным признаком хулиганства является применение при его совершении оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в противном случае это деяние практически ничем не будет отличаться от побоев, умышленного причинения легкого вреда здоровью и т.д. Иными словами, хулиганство, предусмотренное п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в своем содержании не имеет признаков объективной стороны преступления, которые не предусматривались бы УК РФ применительно к другим преступлениям. Можно пытаться моделировать самые различные ситуации, однако все они полностью охватываются теми или иными статьи Особенной части УК РФ либо КоАП РФ. Следовательно, квалификация содеянного по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ даже теоретически возможна только при установлении в

деянии всех признаков состава преступления хулиганства, в том числе главенствующей роли хулиганских побуждений и неотъемлемого применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при совершении преступления. Таким образом, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ может применяться только в сочетании с п. «а» ч. 1 данной уголовно-правовой нормы. Приведенное обстоятельство подтверждает наше предложение об исключении из ст. 213 УК РФ указания на возможную экстремистскую направленность хулиганства.

При этом правильным представляется разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что «применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ»¹. Вместе с тем для обеспечения единообразия правоприменительной практики в части толкования словосочетания «предметы, используемые в качестве оружия» Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо внести соответствующие коррективы и в п. 23 его постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»².

При отнесении тех или иных предметов к оружию необходимо руководствоваться положениями Федерального закона «Об оружии»³, разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте ору-

---

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 января; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.

³ См.: Российская газета. 1996. 18 декабря.

жия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹, и результатами соответствующих экспертиз.

Так как термин «оружие» в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ указывается без каких-либо оговорок, сужающих его объем или содержание, к таким устройствам следует относить гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное, а также газовое, пневматическое и сигнальное оружие как заводского изготовления, так и самодельное. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 приведенного постановления подчеркивает, что к оружию помимо указанных предметов и устройств следует относить еще и другие виды боевого огнестрельного оружия, находящиеся на вооружении в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется.

Исходя из законодательного перечня видов оружия, представляется недопустимым при расследовании и рассмотрении уголовных дел о хулиганстве относить пневматическое, газовое или сигнальное оружие к предметам, используемым в качестве оружия, как это имеет место в следственной и судебной практике. Несмотря на то, что в ст. 213 УК РФ ответственность за применение оружия или соответствующих предметов не дифференцируется, следует признавать повышенную степень общественной опасности применения именно оружия, что должно учитываться при назначении наказания виновному.

В отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства (ч. 3 ст. 206 УК РСФСР 1960 г.), ст. 213 УК РФ не содержит указания на то, что предметы, используемые в качестве оружия при совершении хулиганства, должны быть специально приспособлены для нанесения телесных повреждений².

Словосочетание «применение оружия» в УК РФ не раскрывается, однако изучение следственной и судебной практики позволяет утверждать, что таковым устойчиво признается использование в

---

¹ См.: Российская газета. 2002. 19 марта.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. – М., 2001. С. 638.

процессе преступного посягательства тех свойств, присущих определенному виду оружия, которые повышают степень интенсивности насилия либо угрозы его применения и придают им способность причинять определенный вред здоровью человека либо угрожать таковым. Соответственно предметами, используемыми в качестве оружия, следует признавать вещи материального мира, которые хотя и не являются оружием, но по своим свойствам способны в процессе их применения повысить степень интенсивности насилия, а равно угрозы его применения, и посредством применения которых потерпевшему мог быть реально причинен вред здоровью (например, палка, топор, кухонный нож, сковорода, бейсбольная бита и т.п.). Учитывая словосочетание «используемые в качестве оружия», представляется, что такими предметами могут являться те из них, которые объективно обладают качествами, присущими указанным ранее видам оружия либо внешне имитируют последние (при угрозе применением оружия).

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что к таким предметам следует относить и механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами и предназначенные для временного поражения цели, а также собак и других животных, использование которых представляет угрозу для жизни или здоровья человека¹.

Учитывая то, что боеприпасы (например, мины, ручные гранаты), взрывные устройства и взрывчатые вещества² в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» к оружию не относятся, но объективно могут быть использованы в качестве последнего, применение соответствующих устройств и веществ, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу, следует признавать хулиганством, совершенным с применением предметов, используемых в качестве оружия.

---

¹ См.: Российская газета. 2003. 18 января.

² О разъяснении понятий «боеприпасы», «взрывные устройства» и «взрывчатые вещества» см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. 19 марта.

В ч. 2 ст. 213 УК РФ в качестве альтернативных квалифицирующих признаков хулиганства предусмотрены совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а равно его сопряженность с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. Остановимся на анализе последнего из квалифицирующих признаков, свойственного только хулиганству.

Выделенный вид хулиганства отличается тем, что при его совершении виновное лицо оказывает сопротивление представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение. Данное сопротивление должно быть связано именно с уголовно наказуемыми хулиганскими действиями и совершено в процессе таковых, выступать их органическим элементом. Если же после окончания хулиганства виновное лицо оказывает сопротивление лицам, пытающимся его задержать, рассматриваемый квалифицирующий признак отсутствует¹ и содеянное квалифицируется самостоятельно².

В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ представителем власти следует признавать «должностное лицо правоохранительного или иного контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

Иным лицом, исполняющим обязанности по охране общественного порядка, может являться, например, военнослужащий, задействованный в охране общественного порядка.

Применительно к сотрудникам милиции, являющимся представителями исполнительной власти, Верховный Суд РФ разъяс-

---

¹ См.: Красиков Ю.А., Труфанов В.В. Борьба с хулиганством. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1966. С. 23.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» в редакции постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11; с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума от 25 октября 1996 г. // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. / Отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. – М.: БЕК, 1999. С. 388.

нил, что «согласно п. 1 ст. 10 Закона Российской Федерации «О милиции» милиция обязана предотвращать и пресекать преступления и административные правонарушения. При этом не имеет значения, находился ли работник милиции на дежурстве или же по своей инициативе принял меры к пресечению преступления»¹.

Необходимо учитывать, что сопротивление при совершении хулиганства может быть оказано в отношении любого гражданина, пресекающего хулиганские действия, что также обуславливает квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Мелкое хулиганство, влекущее административную ответственность, связанное с сопротивлением лицам, пытающимся пресечь такое деяние, не должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 213 УК РФ. В зависимости от характера оказанного сопротивления такие действия либо полностью охватываются ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, либо требуют самостоятельной квалификации по соответствующим статьям УК РФ (например, ст. 115, 116, 318 УК РФ). При этом виновное лицо из хулиганских побуждений может применить оружие либо предмет, используемый в качестве оружия, грубо нарушив тем самым общественный порядок и выразив явное неуважение к обществу и соответственно совершить уже уголовно наказуемое хулиганство.

По нашему мнению, нельзя согласиться с авторами, относящими отказ прекратить хулиганские действия к разновидности рассматриваемого сопротивления². Считаем, что сопротивление лицу, пресекающему хулиганские действия, должно заключаться в активном противодействии, затрудняющем либо исключаящем возможность остановить хулиганские действия виновного³.

Нельзя квалифицировать по ч. 2 ст. 213 УК РФ и те хулиганские действия, при которых виновное лицо проявляет только неповиновение сотруднику милиции или военнослужащему, а равно другому

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.1998 г. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2001. С. 861.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. С. 529; Уголовное право. Практический курс : Учебное пособие / Под общ. ред. А.Г. Сапунова / Под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 380.

³ См.: *Коржанский Н.И.* Квалификация хулиганства : Учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. С. 25.

лицу, выполняющему обязанности по охране общественного порядка. Такое неповиновение может содержать состав административно-го правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ.

«Когда речь идет о сопротивлении «киному лицу», пресекающему нарушение общественного порядка, пресекающими эти действия должны быть признаны не просьбы и словесные призывы, а активные формы вмешательства лица, направленные на прекращение хулиганства, включая применение силы»¹. Полагаем, что данное положение следует относить ко всем лицам, пресекающим хулиганство.

По нашему мнению, ч. 2 ст. 213 УК РФ полностью охватывает физическое воздействие в отношении гражданина, пресекающего хулиганство, доходящее по тяжести последствий до причинения ему легкого вреда здоровью. В отношении же представителей власти следует учитывать определенные исключения. «По смыслу ст. 213 УК РФ, если при совершении хулиганства, сопряженного с сопротивлением представителю власти, было применено насилие, опасное для здоровья, то оно (в зависимости от конкретных обстоятельств) должно быть дополнительно квалифицировано по ст. 317 или 318 УК РФ»². Под таким насилием в данном случае необходимо понимать, как минимум, причинение легкого вреда здоровью, а равно насилие, которое, исходя из способа и обстановки его осуществления, представляет угрозу для жизни и здоровья потерпевшего независимо от фактического наличия или отсутствия последствий (например, сбрасывание с движущегося поезда).

Отметим, что оказание сопротивления при совершении хулиганства, несмотря на органическую связь с данным преступлением, является самостоятельным действием, и это, по нашему мнению, позволяет утверждать, что применение оружия или соответствующих предметов не является его обязательным признаком. Иными словами, сопротивление лицу, пресекающему хулиганство, предусмотренное ч. 2 ст. 213 УК РФ, может быть совершено без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Данное утверждение справедливо и по отношению к мотивам не-

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. – М.: Спарк, 2001. С. 480.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.1998 г. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2001. С. 861.

ненависти или вражды, которые также могут отсутствовать применительно к тому, кто пытается пресечь хулиганские действия.

Считаем, что сопряженность деяния с сопротивлением лицу, его пресекающему, может быть свойственно не только хулиганству. Данное сопротивление возможно и при осуществлении иных деяний, совершаемых из хулиганских побуждений, а также при совершении других преступлений (грабеж, разбой, массовые беспорядки и др.), что следует учитывать, привлекая виновного к уголовной ответственности, особенно при назначении ему наказания. В связи с изложенными доводами нами предлагается дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ п. «ж. 1», предусматривающим в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, сопряженность деяния с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему преступление.

В случае совершения хулиганства группой лиц без предварительного сговора (при отсутствии признаков, указанных в ч. 2 ст. 213 УК РФ), содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 213 УК РФ, но при назначении наказания данное обстоятельство должно учитываться в качестве отягчающего (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Позиция законодателя, исключившего признак совершения хулиганства группой лиц из числа квалифицирующих, представляется необоснованной, так как на практике подавляющее большинство фактов грубого нарушения общественного порядка «традиционно» совершается в состоянии алкогольного опьянения и, как следствие, умысел на такое деяние, возникает непосредственно перед его совершением, а сговор на его совместное осуществление – в процессе посягательства. Кроме того, совершение хулиганства «в групповом исполнении», независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора, всегда представляет повышенную опасность для граждан.

Относительно других преступлений экстремистской направленности определение конструкции их составов, как правило, не вызывает каких-либо дискуссий и трудностей. Такое определение положено в основу ранее приведенного подразделения составов данных преступлений на три группы: материальные, формальные и усеченные. Остановимся на анализе объективной стороны каждого из них.

Убийство, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является наиболее общественно опасным видом преступлений экстремистской направленности. Квалификация такого убийства приобрета-

ет специфику в основном лишь за счет присущих ему мотивов. Вместе с тем следует учитывать, что данная специфика неизбежно отражается и в объективных признаках умышленного причинения смерти другому человеку.

Конечно же, наиболее подвержена влиянию особенностей мотивов избирательность при определении жертвы посягательства, что включается в содержание объекта последнего. Данное обстоятельство необходимо учитывать при квалификации каждого преступления экстремистской направленности, в первую очередь связанного с применением насилия. Вместе с тем признакам потерпевшего не следует придавать гипертрофированное значение для того, чтобы избежать объективного вменения. Так, проведенный нами анализ уголовных дел об убийстве и иных насильственных преступлениях экстремистской направленности свидетельствует, что первоначальная юридическая оценка таких деяний в большинстве случаев базируется именно на признаках потерпевшего (раса, национальность), существенно отличающих его от основного населения страны и (или) региона. Данная квалификация нередко просачивается в средства массовой информации, что лишь «подливает масла в огонь» социальной напряженности.

По нашему мнению, квалификация преступления должна быть основана на уже доказанных, а не на предположительных фактах, гипотезы же целесообразно использовать при построении следственных версий, которые должны входить в содержание данных предварительного расследования, не подлежащих разглашению без согласия следователя либо дознавателя. Поэтому при отсутствии доказательств, указывающих на экстремистскую направленность убийства, юридическая оценка содеянного должна производиться без учета п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это замечание следует учитывать и при квалификации иных уголовно наказуемых деяний.

Полагаем, что сама по себе принадлежность потерпевшего к определенным расе, национальности, религии, идеологии либо направлению в политике – еще не доказательство экстремистской направленности совершенного преступления. Следует учитывать, что преступление экстремистской направленности может быть совершено и в отношении лиц, относящихся к основному населению какого-либо субъекта России. Например, ранее нами уже отмечалось, что в октябре 2009 г. была осуждена группа молодых людей, выходцев из Азербайджана, применивших насилие и выкрикивавших

антирусские лозунги в московском метро в отношении пассажиров, имевших выраженную «славянскую внешность»¹.

При раскрытии и расследовании убийств, совершенных по «экстремистским» мотивам, большое значение имеет правильное и полное установление предшествующего и послепреступного поведения виновного, способа и обстановки совершения деяния.

Преступлениям экстремистской направленности свойственна стадия приготовления, что проявляется в подыскании соучастников, сговоре с ними, в том числе относительно потенциальных потерпевших, подыскании орудий и средств, а также ином умышленном создании условий для совершения соответствующих деяний.

Как правило, данные преступления совершаются в соучастии, причем группы создаются до начала преступной деятельности. Таким группам присуща хотя бы мало-мальски сформированная идеологическая платформа, например, в виде установки «бьем всех нерусских». Как будет показано при рассмотрении субъективных признаков преступлений экстремистской направленности, виновные могут выбрать потерпевшего и среди себе подобных по национальности, расе и иным признакам, но совершить преступление таким образом, чтобы подозрение пало на представителей ненавистной им социальной группы. В данном случае, как впрочем и при совершении таких преступлений в целом, виновные нередко избирают способ и обстановку убийства, однозначно указывающие на проявляемые при этом ненависть либо вражду, например, оставляют надписи экстремистского толка на теле и одежде потерпевшего, на окружающих его предметах, избирают публичный способ убийства либо иного посягательства, выкрикивая при этом слова, указывающие на мотивы содеянного. Именно данные обстоятельства в комплексе, доказанные в установленном порядке, могут служить основой для квалификации деяния как преступления экстремистской направленности.

Убийство может быть совершено как путем действия (сочетания действий), так и за счет бездействия виновного. Однако для убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, наиболее характерно активное проявление ненависти либо вражды, то есть

---

¹ См.: Федосенко В. Кто ответит за «свиней» // Российская газета. 2009. 30 июня; «Орлы» целевого набора // Комсомольская правда. 2009. 30 июля – 6 августа.

общественно опасные действия. Обязательным последствием данного преступления является смерть потерпевшего, которая должна быть причинно связана с совершенным деянием.

Убийства данного вида нередко сопряжены с проявлениями особой жестокости (нанесение множества прижизненных ножевых ранений, применение садистских методов, отрезание головы, конечностей и т.д.), что вызывает необходимость дополнительного учета при квалификации содеянного еще и п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Также при юридической оценке убийства как преступления экстремистской направленности необходимо принимать во внимание возможное наличие иных квалифицирующих признаков.

При квалификации преступлений экстремистской направленности, связанных с применением насилия к потерпевшему, необходимо учитывать положения Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522¹, и Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н².

Преступления, предусмотренные ст. 111, 112 и 115 УК РФ, имеют материальный состав и характеризуются таким общественно опасным последствием, как причинение вреда здоровью человека определенной степени тяжести. При этом «под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды»³.

Считаем, что при раскрытии понятия «здоровье» следует придерживаться позиции специалистов-медиков, поскольку здоровье не является правовой категорией, а напрямую связано с медициной. Однако, как уже указывалось нами ранее, при определении преступности деяния и его квалификации за основу необходимо при-

---

¹ См.: Российская газета. 2007. 24 августа.

² См.: Российская газета. 2008. 5 сентября.

³ Пункт 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522) // Российская газета. 2007. 24 августа.

нимать такое здоровье, которым обладал потерпевший до совершения в отношении его уголовно наказуемого деяния. Согласимся с Н.Д. Дурмановым, полагавшим, что объектом рассматриваемых преступлений является «фактическое в момент посягательства состояние здоровья, которое ухудшается в результате телесного повреждения»¹.

Последняя позиция нашла свое отражение и в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, согласно п. 9 которых «при проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении живого лица, имеющего какое-либо предшествующее травме заболевание либо повреждение части тела с полностью или частично ранее утраченной функцией, учитывается только вред, причиненный здоровью человека, вызванный травмой и причинно с ней связанный»².

В предыдущем изложении нами были рассмотрены медицинские критерии для определения легкого вреда здоровью, поэтому остановимся на содержании оставшихся двух более опасных разновидностей такого вреда – тяжкого и средней тяжести³.

К тяжкому вреду здоровью человека альтернативно относятся следующие его разновидности (признаки):

1. *Вред, опасный для жизни человека.* Данный признак раскрывается как вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния. Такой вред здоровью вызывает расстройство жизненно важных функций организма человека, которое не может быть ком-

---

¹ См.: Дурманов Н.Д. Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 84.

² Пункт 9 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522) // Российская газета. 2007. 24 августа.

³ Анализ содержания и объема понятий тяжкого и средней тяжести вреда здоровью человека проводится на основе следующих нормативных актов: Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522) // Российская газета. 2007. 24 августа; Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н) // Российская газета. 2008. 5 сентября.

пенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается смертью.

2. *Потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций.* Потерей зрения признается полная стойкая слепота на оба глаза или такое необратимое состояние, когда в результате травмы, отравления либо иного внешнего воздействия у человека возникло ухудшение зрения, что соответствует остроте зрения, равной 0,04 и ниже.

Потеря зрения на один глаз оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности. Посттравматическое удаление одного глазного яблока, обладавшего зрением до травмы, также оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности.

Потерей речи считается необратимая потеря способности выражать мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих.

Потеря слуха констатируется при полной стойкой глухоте на оба уха или таком необратимом состоянии, когда человек не слышит разговорную речь на расстоянии 3–5 см от ушной раковины. Потеря слуха на одно ухо оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности.

3. *Прерывание беременности.* Данная разновидность тяжкого вреда здоровью характеризуется прекращением течения беременности независимо от срока, вызванным причиненным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившим необходимость медицинского вмешательства.

При определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, повлекшего прерывание беременности, судебно-медицинская экспертиза проводится комиссией экспертов с участием врача акушера-гинеколога.

4. *Психическое расстройство.* Возникновение данного расстройства должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, то есть быть его последствием.

5. *Заболевание наркоманией либо токсикоманией.* При определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, повлекшего за собой психическое расстройство и (или) заболевание наркоманией либо токсикоманией, судебно-медицинская экспертиза проводится комиссией экспертов с участием врача-психиатра и (или) врача-нарколога либо врача-токсиколога.

6. *Неизгладимое обезображивание лица.* Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица, определяется судом.

Производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неизгладимости данного повреждения, а также его медицинских последствий в соответствии с используемыми Медицинскими критериями.

Под неизгладимыми изменениями понимаются такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция).

7. *Значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть* (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30 %).

8. *Полная утрата профессиональной трудоспособности.* Профессиональная трудоспособность связана с возможностью выполнения определенного объема и качества работы по конкретной профессии (специальности), по которой осуществляется основная трудовая деятельность.

Степень утраты профессиональной трудоспособности определяется в соответствии с Правилами установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний¹.

Вред здоровью средней тяжести альтернативно характеризуется следующими признаками: 1) длительное расстройство здоровья (временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня); 2) значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности от 10 до 30 % включительно).

---

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета. 2000. 31 октября.

При определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, необходимо учитывать и нормативные предписания, содержащиеся в п. 10 указанных Правил, где отмечается, что «степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, при наличии повреждений, возникших от неоднократных травмирующих воздействий (в том числе при оказании медицинской помощи), определяется отдельно в отношении каждого такого воздействия».

В случае если множественные повреждения взаимно отягощают друг друга, определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, производится по их совокупности.

При наличии повреждений разной давности возникновения определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека каждым из них, производится отдельно»¹.

К преступлениям экстремистской направленности, посягающим на здоровье человека, также относится *истязание*, предусмотренное п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ. В диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ истязание раскрывается как причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111, 112 УК РФ, то есть причинения тяжкого вреда здоровью либо причинения вреда здоровью средней тяжести. Ненависть и вражда как мотивы преступлений экстремистской направленности выступают в качестве квалифицирующего признака истязания (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, истязание предполагает неоднократное совершение виновным акта побоев, причиняющих в совокупности особые мучения и страдания потерпевшему².

По мнению Р. Д. Шарапова, под истязанием следует понимать продолжительное, как правило, силовое воздействие при непосредственном контакте с кожным покровом человека, причиняющее острую физическую боль (щипание, сечение, прижигание, многочисленные поражения электрозарядами, колющими предметами и

---

¹ Пункт 10 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522) // Российская газета. 2007. 24 августа.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2004. С. 275.

т.д.), а также воздействие седативными и стимулирующими средствами на нервную систему человека¹.

П. Константинов определяет истязание как «умышленное причинение особых физических и (или) психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями или бездействием, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111, 112 настоящего Кодекса»². И. Самолюк раскрывает истязание как «одно из преступлений против личности, состоящее в умышленном посягательстве на здоровье путем причинения потерпевшему физических и нравственных страданий»³.

По действующему уголовному законодательству обязательным признаком истязания является систематичность, характеризующая насильственные действия, относящиеся к побоям.

При истязании систематичность нанесения побоев означает не просто многократность периодически совершаемых насильственных действий, но их взаимосвязь, внутреннее единство, образующее определенную линию поведения виновного в отношении одной и той же жертвы, при которых последней причиняются не только физическая боль, но и психические страдания, она унижается, над ней глумятся⁴. Поэтому не всякое насилие, совершенное три раза и более, может квалифицироваться как истязание⁵. Поскольку зачастую истязание состоит из ряда тождественных, однородных действий, охватываемых единым умыслом, то, как указывалось ранее, такое деяние следует отнести к разряду продолжаемых преступлений.

Н.И. Загородников отмечал, что «в исключительных случаях, когда и однократное легкое телесное повреждение способно вызвать особо мучительную боль (например, при ожоге), действие может квалифицироваться как истязание»⁶. Для истязания характер-

---

¹ См.: *Шарапов Р.Д.* Квалификация преступлений, совершаемых с применением физического насилия. – Тюмень, 2001. С. 24–25.

² *Константинов П.* Уголовная ответственность за истязание // *Законность.* 2000. № 4. С. 10.

³ *Самолюк И.* Ответственность за истязание // *Советская юстиция.* 1965. № 12. С. 21.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. *Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева.* – М., 1997. С. 268.

⁵ Там же. С. 268.

⁶ См.: *Загородников Н.И.* Преступления против здоровья. – М., 1969. С. 111.

но то, что при физическом воздействии на потерпевшего ему причиняются страдания, отличающиеся от однократного нанесения побоев. Поэтому нами поддерживается позиция Н.И. Загородникова, отмечавшего, что особые страдания можно причинить и в результате какого-либо единичного действия. В этой связи признак систематичности можно рассматривать лишь применительно к насильственным действиям, охватываемым понятием «побои» в собственном (узком) смысле, определяемом как нанесение ударов по телу человека.

С последним утверждением солидарны и авторы одного из комментариев к УК РФ, считающие, что «причинение иных насильственных действий не оговаривается их систематичностью, но ... время по их причинению отличается большей длительностью, чем при побоях, наказуемых по ст. 116 УК»¹.

Применительно к характеристике общественно опасных последствий истязания уголовный закон оперирует двумя признаками – позитивным (причинение физических или психических страданий) и негативным (отсутствие последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ, то есть причинения тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью потерпевшего).

Исходя из логического толкования диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ, можно утверждать, что последствием истязания является причинение физических или психических страданий, повлекших как максимум легкий вред здоровью потерпевшего.

В Толковом словаре русского языка страдание определяется как физическая или нравственная боль, мучение². В теории уголовного права под физическим страданием понимают претерпевание потерпевшим особо мучительной (особенной) боли³, «относительно длительная физическая боль»⁴.

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2008. С. 255.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 771.

³ См.: Загородников Н.И. Преступления против здоровья. – М., 1969. С. 113; Чечель Г.И. Квалификация истязания по действующему законодательству. – Барнаул, 1989. С. 51; Симонов В.И. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – Свердловск, 1983. С. 61.

⁴ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М., 2002. С. 190.

Р.Д. Шарапов полагает, что «под мучением следует понимать лишение потерпевшего возможности удовлетворять естественные физиологические потребности организма (оставление на долгое время без пищи, питья, в неблагоприятном температурном или кислородном режиме окружающей среды, среди нечистот, лишение сна, препятствование отправлению естественных надобностей и т.д.)¹. И. Самолюк к физическим страданиям относит не только боль в собственном виде, но и изнурительное физическое недомогание вследствие голода, жажды, охлаждения тела и т.п.². Подобной позиции придерживается и Р.Д. Шарапов, дополняющий содержание таких страданий психофизическими нарушениями, истощающими нервную систему человека (нервные истощения), вызываемыми многократным введением в его организм разного рода психостимуляторов, галлюциногенов, других средств и препаратов наркотического, токсического или психотропного свойства³.

П. Константинов считает, что «физические страдания – результат причинения потерпевшему физической боли. Психические страдания характеризуются проявлением стрессового состояния потерпевшего и причинением ему других психических травм, не носящих характер психических расстройств (последние образуют состав преступления, предусмотренного ст. 111 УК)»⁴.

По нашему мнению, физические и психические страдания носят разносторонний характер и зависят от способа истязания. По этой причине отмеченные точки зрения ученых в каждом конкретном случае заслуживают внимания как определяющие и уточняющие характер применяемого при истязании насилия.

Следует учитывать, что психическое насилие не входит в содержание и объем понятия «иные насильственные действия», содержащееся в диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ. Отметим, что в теории уголовного права под психическим насилием принято понимать различного рода угрозы, выступающие в качестве конститутивных либо квалифицирующих признаков ряда составов преступлений, например,

---

¹ См.: *Шарапов Р.Д.* Квалификация преступлений, совершаемых с применением физического насилия. – Тюмень, 2001. С. 24.

² См.: *Самолюк И.* Ответственность за истязание // Советская юстиция. 1965. № 12. С. 21.

³ См.: *Шарапов Р.Д.* Указ. соч. С. 23.

⁴ См.: *Константинов П.* Указ. соч. С. 8.

разбоя, вымогательства и т.д. Хотя угрозы, особенно запугивание совершением убийства, и причиняют потерпевшему психические страдания¹, однако данные действия виновного не содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ².

В то же время полагаем, что физические и психические страдания могут быть причинены и при нанесении побоев, но в таком случае они носят единовременный характер и продолжаются недолго. Поэтому для квалификации деяния по ст. 117 УК РФ необходимо условие, согласно которому физические и психические страдания должны иметь длительный характер, что является оценочным понятием, находящимся во взаимосвязи с качественным содержанием деяния, когда потерпевший постоянно, непрерывно испытывает тревогу и страх перед виновным, а возможно и физическую боль. При истязании виновный постоянно держит жертву в напряжении посредством физического либо психического насилия или издевательства. Об истязании могут свидетельствовать и такие обстоятельства, когда виновный многократно наносит удары или причиняет физическую боль иными способами, локализуя данные действия на одних и тех же частях тела потерпевшего, вследствие чего последний испытывает особые мучения.

Истязание как преступление экстремистской направленности может проявляться в применении насилия в обстановке, унижающей достоинство потерпевшего по признакам его принадлежности к определенной национальности, расе либо религии. Например, виновные могут избивать потерпевшего в месте осуществления каких-либо религиозных обрядов, издеваться над ним в общественных местах, демонстрируя свою ненависть к его национальной либо иной принадлежности, и т.д.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, предусмотренная ч. 2 ст. 119 УК РФ, так же как и в основном составе данного преступления с объективной стороны характеризуется активными действиями, выражающими такую угрозу.

Законодательное определение рассматриваемого преступления относит угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоро-

---

¹ См.: Константинов П. Указ. соч. С. 9.

² См.: Тартаковский А.Д. Некоторые вопросы характеристики истязаний по советскому уголовному праву // Теория и практика борьбы с правонарушениями. Выпуск 1. – Душанбе, 1980. С. 36.

вью к уголовно наказуемому деянию лишь при наличии оснований опасаться осуществления этой угрозы. Однако, по нашему мнению, такая формулировка рассматриваемого понятия является не совсем удачной, так как на основании анализа текста диспозиции ч. 1 ст. 119 УК РФ невозможно однозначно ответить на вопрос, для кого (потерпевшего или виновного, окружающих либо органов предварительного расследования и суда) должны иметься соответствующие основания. Как справедливо отмечает В. Курченко, «для квалификации деяния ... по признаку угрозы применения насилия не имеет значения, имел ли субъект намерение выполнить угрозу. Важно, что он запугивал граждан, и потерпевшие воспринимали угрозу реальной»¹. Поэтому угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует рассматривать в качестве разновидности психического насилия².

Угроза убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью является разновидностью угрозы применением насилия и представляет собой запугивание, устрашение потерпевшего применением физической силы, оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, и может выражаться в демонстрации последних, направлении в сторону потерпевшего, замахивании и других подобных действиях, свидетельствующих о реальности выражаемой угрозы.

Подчеркнем, что угроза должна быть реальной. При этом нельзя, по мнению автора, согласиться с И. Тяжковой, которая считает реальной только такую угрозу применения оружия, которая приводится в исполнение³. «Реальной угроза является тогда, когда она воспринимается потерпевшим в качестве действительной и такое восприятие осознается виновным, который этого желает»⁴, незави-

---

¹ См.: Курченко В. Квалификация особо злостного хулиганства // Законность. 1998. № 7. С. 11.

² См.: Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 1. С. 51–52.

³ См.: Тяжкова И. Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия? // Советская юстиция. 1967. № 18. С. 19.

⁴ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. – М.: Учебно-консультационный центр «Центр ЮрИнфоР», 1997. С. 94.

симо от наличия или отсутствия объективной реализации ее содержания.

Так, Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов обоснованно утверждают, что устрашение демонстрацией оружия или предметов, объективно его заменяющих, а также негодным оружием или его имитацией, если потерпевший воспринимает имитацию как настоящее оружие, всегда является угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья¹. Последствия же применения таких предметов учитываются в зависимости от содержания и направленности умысла, а также всех обстоятельств совершения конкретного деяния.

Объективная сторона *вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности* (ч. 4 ст. 150 УК РФ) характеризуется, в первую очередь, признаками, присущими основному составу данного уголовно наказуемого деяния. Кроме того, следуя буквальному и систематическому видам толкования ч. 4 ст. 150 УК РФ, особо квалифицированный вид состава данного преступления может дополнительно характеризоваться и признаками, содержащимися в ч. 2 и 3 указанной уголовно-правовой нормы.

В диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ рассматриваемое преступление определяется как «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Объективная сторона такого вовлечения корреспондирует с перечислением действий подстрекателя, содержащимся в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Согласно данной уголовно-правовой норме, «подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом». То есть законодательный перечень подстрекательских действий является открытым, и в него вполне можно включить обещания, обман и насилие, указанные в ч. 1 и 3 ст. 150 УК РФ. То же самое можно утверждать и применительно к вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления, которое может осуществляться не только теми способами, что перечислены в ч. 1 и 3 ст. 150 УК РФ, но и иными, например, путем уговоров либо подкупа.

---

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С. 101.

При квалификации преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК РФ, следует учитывать, что оно является оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение уголовно наказуемого деяния независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий¹. Применительно к данному положению необходимо принимать во внимание то, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовно наказуемого деяния является одним из проявлений не только подстрекательства, но и приготовления к преступлению, в которое вовлекается подросток. В контексте темы нашего исследования это означает, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности одновременно является и подстрекательством и приготовлением к последнему.

По нашему мнению, в ст. 150 УК РФ предусматривается сочетание двух действий, направленных на умышленное создание условий для совершения другого преступления, – подыскание соучастника и сговор с ним на осуществление определенного уголовно наказуемого деяния. Считаем, что положение ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которому «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления», характеризует только одно из приготовительных действий – подыскание соучастников, но не сговор с ними. Кроме того, общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, по нашему мнению, состоит в том, что подросток именно вовлекается в преступное поведение, соглашается на участие в нем. Поэтому недопустимо утверждать, что преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, окончено уже с момента выполнения взрослым действий, направленных на возбуждение у несовершеннолетнего желания, стремления участвовать в совершении другого уголовно наказуемого деяния². Дополним объяснение своей позиции.

---

¹ См.: Абзац второй п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.

² См.: Уголовный закон в практике районного суда : Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2007. С. 193.

При рассмотрении объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, нами отмечалось, что потерпевшим в данном случае может выступать только тот несовершеннолетний, который достиг возраста уголовной ответственности за деяние, в совершение которого он вовлекается. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации приравнивает данное вовлечение к подстрекательству¹, то есть рассматривает его в рамках института соучастия в преступлении, которому свойственны не только объективные, но субъективные признаки.

Субъективные признаки соучастия в преступлении выводятся из законодательного определения последнего (ст. 32 УК РФ), предполагающего только умышленный характер совместной деятельности как минимум двух лиц в совершении исключительно умышленного преступления. Исходя из данной формулировки, в теории уголовного права выделяется два субъективных признака соучастия: 1) взаимная осведомленность о совершении преступления и 2) согласованность действий (бездействия) соучастников².

Взаимная осведомленность характеризуется тем, что каждый из соучастников «осознает, во-первых, факт *совместного* совершения преступления, а не в одиночку, во-вторых, совершение *определенного*, а не любого преступления, в-третьих, общественно опасный характер не только своего деяния, но и действий других соучастников, хотя бы одного»³.

Согласованность же «состоит во взаимном выражении намерения и желания лица участвовать в совершении преступления вместе с другим лицом. ...Соглашение – это сговор. Соучастие возникает именно с момента сговора, содержание и формы которого могут быть разнообразными»⁴.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать оконченным, когда между ним и виновным состоялся сговор (соглашение) на совершение опреде-

---

¹ См.: Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.

² См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 193.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 195–196.

ленного уголовно наказуемого деяния. При этом сговор может возникнуть до начала либо в процессе осуществления объективной стороны соответствующего преступления. В рассматриваемом контексте несовершеннолетний должен быть осведомлен, что он соглашается на совершение преступления экстремистской направленности, совместно хотя бы с одним взрослым, играющим роль исполнителя (соисполнителя), организатора либо подстрекателя. Следует учитывать, что несовершеннолетний может вовлекаться для участия в преступлении в любом из указанных качеств, а также для выполнения роли пособника.

Так как подыскание соучастника и сговор с ним являются одними из возможных элементов приготовления к преступлению, необходимо учитывать общие теоретические рекомендации относительно данного этапа (стадии) предварительной преступной деятельности.

Сущность приготовления состоит в умышленном создании условий для совершения уголовно наказуемого деяния, причем такое создание само по себе характеризуется общественной опасностью. При этом «под созданием условий для совершения преступления следует понимать завершение такого создания как результат, а не как начатый, но не завершённый процесс»¹. Следовательно, подыскание несовершеннолетнего в качестве соучастника преступления и (или) сговор с ним окончены с момента получения согласия с его стороны и (или) обоюдного согласия относительно его (несовершеннолетнего) участия в уголовно наказуемом деянии.

Отметим, что при совершении указанных действий инициатива должна исходить именно от виновного совершеннолетнего лица. Если последнему по не зависящим от него обстоятельствам не удастся вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления, то его действия следует квалифицировать как покушение на рассматриваемое уголовно наказуемое деяние, то есть по соответствующей части ст. 150 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 этого УК.

Также необходимо учитывать то, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение определенного тяжкого либо особо тяжкого преступления, в том числе экстремистской направленности, следует квалифицировать не только по ч. 4 ст. 150 УК РФ, но и по ста-

---

¹ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. С. 176.

ть Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за подготавливаемое таким образом уголовно наказуемое деяние, со ссылкой на ч. 1 ст. 30 этого УК.

Кроме того, «при подстрекательстве несовершеннолетнего к совершению преступления действия взрослого лица при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в форме подстрекательства) в совершении конкретного преступления»¹.

Исходя из выделенных моментов, квалификация деяния как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности возможна, если, во-первых, установлен конкретный вид уголовно наказуемого деяния, к которому склоняется подросток, во-вторых, инициатива исходит от взрослого лица, фактически выполняющего функцию подстрекателя, в-третьих, деяние окончено с момента получения согласия несовершеннолетнего на совершение такого преступления либо выполнения им действий (бездействия), направленных на осуществление последнего.

Вандализм определен в диспозиции ч. 1 ст. 214 УК РФ как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах».

«Особенность совершения вандализма заключается в том, что место совершения (место, где были выполнены действия объективной стороны состава преступления) и место наступления вредных последствий ... всегда совпадают»². Таким местом для порчи имущества альтернативно могут выступать общественный транспорт или иные общественные места. Применительно к зданиям и сооружениям в уголовном законе не сделана оговорка относительно их места нахождения. Вместе с тем исходя из типового и родового объектов данного преступления, можно утверждать, что соответствующие действия должны нарушать общественный порядок, что

---

¹ Абзац 2 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.

² Цит. по: *Шурухнов В.А.* Расследование вандализма : Учебное пособие / Под ред. Т.В. Аверьяновой. – М.: Юрлитинформ, 2005. С. 29.

невозможно при осквернении зданий и сооружений в местах, не относящихся к общественным.

А.П. Ключниченко, разделяя общественные места на постоянные и временные, указывает, что «главным в отнесении того или иного места к категории постоянных общественных мест является его назначение как места обязательного общения людей, а не количества лиц, находящихся в нем в любой момент его функционирования»¹ (улицы, бульвары, скверы, парки, гостиницы, подъезды жилых домов, городской транспорт и т.д.).

Полагаем, что А.П. Ключниченко, правильно разделив общественные места на постоянные и временные, тем не менее не сформулировал соответствующее определение, пригодное для целей квалификации преступлений. Для этой цели более приемлемым на наш взгляд, является дефиниция, предложенная В.С. Егоровым, который рассматривает в качестве такового «место, постоянно или временно открытое для посещения широким кругом лиц в соответствии с его культурным, социально-бытовым или производственным назначением»².

Однако и данное определение, на наш взгляд, обладает некоторыми недостатками. Так, например, лес или поле являются постоянно открытыми для посещения широкого круга лиц, но это не делает данные места общественными. Однако и лес, и поле, несмотря на то, что они не имеют прямого культурного, социально-бытового или производственного назначения, могут при определенных условиях стать местом общественным (например, поле около поселка Эммаус Тверской области во время рок-фестиваля «Нашествие»).

По нашему мнению, общественное место необходимо определить как место, постоянно или временно используемое для посещения широким кругом лиц в культурных, социально-бытовых, производственных или иных целях, а равно расположенное в непо-

---

¹ См.: *Ключниченко А.П.* Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства (по материалам практической деятельности органов МВД Украинской ССР): Автореф. дисс. ... д. ю. н. – М., 1969. С. 16; Сходную точку зрения высказывает и А.В. Куделич – см.: *Куделич А.В.* Хулиганство и убийство в уголовном праве: общее и особенное: Дисс. ...к. ю. н. – М., 1993. С. 79.

² См.: *Егоров В.С.* Уголовная ответственность за хулиганство: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – М., 2000. С. 17.

средственной близости от мест проживания либо пребывания людей.

Сходное определение дает М.Ф. Масуелян, понимающий под общественным местом «пространство (в том числе в транспорте), выделенное для общественного пользования, т.е. любое присутственное место культуры, спорта, политических акций и проч. (общественные помещения, туалеты, кинотеатры, концертные залы, учебные аудитории, улицы, парки, скверы и т.п.)»¹.

Первым из числа альтернативных действий при совершении вандализма является осквернение зданий или иных сооружений.

Под осквернением следует понимать действие (сочетание действий), выражающееся в придании зданиям либо иным сооружениям в целом либо их отдельным частям оскорбительного для общественной нравственности вида. При этом действия виновных причинно преобразуют внешний вид таких сооружений, причем результаты должны именно осквернять последние, то есть, во-первых, быть видимыми для окружающих, во-вторых, выходить за рамки допустимого в обществе выражения каких-либо позиции или желания, как по форме, так и по содержанию. Так, граффити в отдельных случаях может существенно изменять внешний облик домов, опор мостов, гаражей и т.п., но по своим форме и содержанию не задевать общественную нравственность и не нарушать общественный порядок. В других же случаях явно безнравственные надписи либо рисунки могут наноситься в темных нишах, под лестничными маршами и в других невидимых для общественности участках зданий или сооружений, то есть также не затрагивать непосредственный объект вандализма.

Увеличение числа актов вандализма на почве религиозной ненависти в своем ежегодном докладе отметил Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронов. Им же приводится конкретный пример из общественной практики. Так, «телекомпания г. Костромы передала информацию о нападении группы молодых людей на местную синагогу. Оскорбительными надписями был испещрен забор, выбиты стекла здания, при этом едва не пострадал человек, находившийся в помещении. Ранее на стенах синагоги и близлежащих домов неоднократно появлялись

---

¹ См.: Уголовный закон в практике мирового судьи / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. С. 364.

надписи антисемитского содержания, была предпринята попытка поджога синагоги»¹.

Другими возможными действиями при вандализме могут быть порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Полагаем, что словосочетание «порча имущества» является более чем неудачным и подлежащим замене на «уничтожение или повреждение имущества». Такие уничтожение и повреждение как действия и их результаты рассматриваются нами при анализе следующего преступления.

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, по своей объективной стороне во многом сходно с вандализмом. Различия данных преступлений в основном предопределяются признаками их объектов, особенно предметов, что придает специфику и объективной стороне каждого из них.

Объективная сторона рассматриваемого уголовно наказуемого деяния строится на основе признаков данного элемента состава преступления, указанных в ч. 1 ст. 244 УК РФ, складываясь из: 1) надругательства над телами умерших; 2) уничтожения, повреждения либо осквернения мест захоронения, надмогильных сооружений и иных предметов, перечисленных в данной уголовно-правовой норме.

Отметим, что надругательство над телами умерших, а также осквернение мест захоронения и других предметов сами по себе представляют достаточную общественную опасность, а совершение хотя бы одного из данных альтернативных действий означает окончание соответствующего преступления. Повреждение и уничтожение указанных предметов одновременно расцениваются и как общественно опасные действия и как общественно опасные последствия таких действий, придавая анализируемому составу преступления формально-материальную конструкцию. При уничтожении либо повреждении мест захоронения, надмогильных сооружений и других предметов преступление окончено при наступлении соответствующих материальных последствий, которые должны находиться в причинной связи с действиями виновных.

---

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 г. // Российская газета. 2003. 15–18, 23–25, 30 июля, 5, 7 августа.

Специфичным для объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, является такое действие, как надругательство над телами умерших. Под надругательством следует понимать совершение виновным действий, нарушающих общественную нравственность в части уважительного отношения к телам умерших людей.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹, каждый человек при жизни может устно в присутствии свидетелей или в письменной форме выразить волеизъявление о достойном отношении к его телу после смерти, включающее в себя: 1) согласие или несогласие быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию; 2) согласие или несогласие на изъятие органов и (или) тканей из его тела; 3) желание быть погребенным на том или ином месте по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими; 4) желание быть подвергнутым кремации; 5) оказание доверия исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

В случае отсутствия волеизъявления умершего, право на разрешение указанных действий, например, на изъятие органов из тела последнего, имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего.

В ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека»² закреплена презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей, согласно которой «изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту».

Исходя из приведенных нормативных положений, действия, выходящие за рамки прижизненного волеизъявления умершего, а

---

¹ См.: Российская газета. 1996. 20 января.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 62.

равно его супруга или близких родственников, могут быть признаны надругательством над телом умершего при условии состоявшегося нарушения норм общественной нравственности. Надругательство может состоять в проявлениях некрофилии (половых актах и иных сексуальных действиях с телом умершего), некрофагии (поедание частей трупа), сожжении трупа, его расчленении, нанесении иных посмертных повреждений, самовольных извлечении тела из могилы и (или) его перезахоронении, изъятии одежды и (или) каких-либо предметов, имеющихся на теле умершего, и т.п.¹

Подчеркнем, что указанные действия совершаются именно и только в отношении тела умершего человека. При этом виновный должен осознавать данное обстоятельство. Если обстановка и иные объективные признаки содеянного свидетельствуют о возможном заблуждении виновного относительно отмеченного признака, то, при недоказанности обратного, деяние должно быть квалифицировано с учетом направленности его умысла. Например, если виновный, имея умысел на лишение жизни потерпевшего, выстрелил в лежащее на кровати тело уже мертвого человека, то содеянное образует состав покушения на убийство.

Отметим, что надругательством над телами умерших нельзя считать действия, осуществляемые по основаниям и в порядке, предусмотренным международными нормативными правовыми актами и (или) законодательством Российской Федерации. Такими действиями могут быть эксгумация трупа, перезахоронение осужденного к смертной казни после исполнения соответствующего приговора, трансплантация органов или тканей умершего.

С учетом мотивов, присущих преступлениям экстремистской направленности, рассматриваемое деяние в своем внешнем проявлении отражает существующие в психике виновного ненависть либо вражду. Например, надругательство над телом умершего может следовать за убийством последнего из тех же побуждений. Осквернение, а равно уничтожение или повреждение нередко совершаются в отношении предметов, относящихся к местам захоронения

---

¹ См.: Уголовный закон в практике районного суда / Под ред. А.В. Галаховой (автор комментария к ст. 244 УК РФ – Ю.И. Антонов). – М.: Норма, 2007. С. 662; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Л.Л. Кругликов (автор комментария к ст. 244 УК РФ – М.В. Талан). – М., 2005. С. 752.

представителей ненавистных для виновных социальных групп. Ранее нами приводился пример «погрома» еврейской части кладбища в Тверской области, когда надгробия опрокидывались, разрисовывались фашистской свастикой и т.д.

Отметим, что осквернение указанных предметов представляет собой оценочный признак, констатация которого зависит от обстоятельств конкретного дела, например, от места и способа нанесения каких-либо знаков, символов, надписей, рисунков и т.п., их содержания, размеров, расположения, видимости для окружающих, возможности удаления без повреждения соответствующих предметов. Осквернение может выражаться не только в привнесении тех или иных дополнений в места захоронения, надмогильные сооружения, кладбищенские здания и иные предметы данного преступления, но и в полном или частичном удалении с последних каких-либо составляющих, например, фотографических изображений умерших.

Уничтожение предметов данного преступления означает, что в результате действий виновного последние перестают существовать как таковые либо изменяются настолько, что их восстановление невозможно или сопоставимо с полной стоимостью таких предметов. При повреждении последние утрачивают лишь часть своих свойств или составляющих и подлежат восстановлению, стоимость которого меньше цены предметов до их повреждения.

Квалифицирующими признаками надругательства над телами умерших либо местами их захоронения являются не только совершение деяния по мотивам, присущим преступлениям экстремистской направленности, но и его осуществление группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в отношении скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом; с применением насилия или угрозой его применения.

Специфические предметы надругательства над местами захоронения были рассмотрены нами ранее, совершение же деяния в соучастии анализируется при исследовании признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Относительно же применения насилия либо угрозы его применения отметим, что данные действия могут осуществляться в отношении лиц, препятствующих надругательству над телами умерших или места-

ми их захоронения, в том числе принимающих меры по задержанию виновных в процессе соответствующего посягательства. Насилие может выражаться в побоях, причинении легкого либо средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Причинение же потерпевшему тяжкого вреда здоровью либо смерти требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК РФ о преступлениях против жизни или здоровья личности. Кроме того, если вред здоровью средней тяжести причиняется по мотивам, присущим преступлениям экстремистской направленности, а равно при наличии иных квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 112 УК РФ, содеянное также образует совокупность преступлений, предусмотренных последней уголовно-правовой нормой и ст. 244 этого УК. Угроза применения насилия может касаться возможности применения любого насилия, однако ее совершение по «экстремистским» мотивам требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Объективная сторона *преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ*, по характеру осуществляемых действий практически ничем не отличается от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Отличается лишь содержание таких призывов: если в ст. 205² УК РФ речь идет только о террористической деятельности, то в ст. 280 этого УК – о более широком понятии экстремистской деятельности. Подчеркнем, что террористическая деятельность, равно как и терроризм, составляют часть экстремистской деятельности, что порождает вопрос о соотношении ст. 205² и 280 УК РФ. Считаем, что данные уголовно-правовые нормы соотносятся как специальная и общая. При этом конкуренция должна разрешаться в пользу ст. 205² УК РФ, так как предусмотренные в ней действия выступают в качестве одной из разновидностей экстремистской деятельности, ее санкции являются не менее строгими по сравнению с санкциями ст. 280 УК РФ (в ч. 1 ст. 205² УК РФ санкция даже более строгая, чем в ч. 1 ст. 280 этого УК), при этом не упрощается порядок расследования и рассмотрения уголовного дела.

Следовательно, по ст. 280 УК РФ могут быть квалифицированы только призывы к тем проявлениям экстремистской деятельности, которые одновременно не относятся к террористической деятельности в ее уголовно-правовом понимании. По нашему мнению, для юридической оценки деяния по ст. 280 УК РФ необходимо доказать, что публичные призывы касались именно уголовно нака-

зуемых проявлений экстремизма (преступлений экстремистского характера), выделенных нами ранее. Данное мнение основано на следующем суждении: если деяние не является преступлением, то и подстрекательство либо призывы к его совершению также не могут быть преступными. Например, пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» хотя и относится к такой деятельности, но преступлением данные действия не являются, поэтому и призывы к их осуществлению не могут быть квалифицированы в качестве того или иного уголовно наказуемого деяния. Вместе с тем отметим, что буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 280 УК РФ не позволяет провести такое сужение используемого в ней понятия экстремистской деятельности, то есть формально даже призывы к административно наказуемым экстремистским действиям могут рассматриваться как проявление рассматриваемого преступления.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности следует отличать от подстрекательства к преступлениям экстремистского характера. Такие призывы не должны быть направлены на склонение других лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний, они могут лишь в обобщенном виде указывать на необходимость и (или) целесообразность осуществления экстремистской деятельности в ее уголовно-правовом значении (например, добиваться силой, а если потребуется и за счет применения оружия и взрывных устройств выживания всех «неверных» с определенной территории). Если же, например, виновный побуждает других лиц совершить определенное преступление, в том числе в отношении конкретных потерпевших, содеянное образует состав подстрекательства к данному деянию.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является публичность совершаемых призывов, под которой следует понимать то, что данные действия происходят «прилюдно, при наличии публики, то есть при наличии не менее двух присутствующих человек»¹. Отметим, что некоторые авторы считают, что «количество людей, к которым обращены призывы, самостоятельного значения не имеет. Важно, чтобы имели место именно призывы..., а не, например, беседа, обмен мнениями или

---

¹ См.: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Указ. соч. С. 45.

обсуждение вопросов по поводу происходящих в обществе и государстве политических процессов»¹. Конечно же, особенности данного преступления предполагают гораздо более широкий круг лиц, выступающих адресатами соответствующих действий, но минимальный порог их количества, образующего публику и публичность, – два человека. Полагаем, что для целей квалификации необходимы четкие критерии, одним из которых и является формальное ограничение публичности указанным количественным критерием.

По нашему мнению, под призывами в ст. 280 УК РФ следует понимать обращение виновного к широкому кругу лиц с помощью различных средств коммуникации (выступление на митинге, демонстрация плакатов или распространение листовок и т.д.), содержащее сведения, побуждающие данных людей к активным действиям экстремистского характера.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности являются оконченным преступлением с момента их осуществления независимо от того, поддастся ли кто-либо на эти призывы или нет.

В качестве квалифицирующего признака данного преступления в ч. 2 ст. 280 УК РФ предусмотрено совершение публичных призывов к экстремистской деятельности с использованием средств массовой информации.

Понятие средств массовой информации раскрывается в Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»². В ст. 2 данного Закона указано, что «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации» а под массовой информацией – «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы». Отметим, что Интернет до настоящего времени не имеет статуса средства массовой информации, поэтому умышленное опубликование в данной сети

---

¹ См.: *Кочои С.М.* Расизм: уголовно-правовое противодействие : Монография. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. С. 44.

² См.: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

доступных для пользователей отмеченных ранее сведений, следует расценивать как публичное совершение деяния. Опасность распространения информации экстремистского толка в Интернете еще более усугубляется из-за безграничности информационных потоков, их почти полной бесконтрольности и относительной анонимности распространителей различных данных, в том числе и экстремистского характера.

В одном из интервью Министр внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиев заявил, что Минюсту, МВД и ФСБ следует «проявить большую настойчивость в работе с депутатским корпусом о законодательном признании Интернета средством массовой информации со всеми вытекающими правовыми последствиями для держателей подрывных сайтов»¹. Надеемся, что данное заявление все же будет реализовано и информационные потоки во «Всемирной паутине» будут хотя бы частично контролируемы.

Для публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности виновные могут подготавливать и (или) использовать так называемые «экстремистские материалы», которые определяются в п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» как «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы».

Полномочия по ведению списков экстремистских материалов первоначально были возложены на Федеральную регистрационную службу, обобщавшую информацию, поступающую из ее территориальных подразделений, а также из судов. Впервые такой список был обобщен по состоянию на 9 июля 2007 г. и включал в себя 14 наименований, в том числе кинофильм «Вечный жид» (по решению Тихвинского городского суда Ленинградской области от 25.05.2004 г.);

---

¹ См.: Экстремистов посчитали // Российская газета. 2008. 26 августа.

музыкальный альбом «Музыка белых» группы Order (по решению Первомайского районного суда г. Омска от 23.11.2006 г.)¹.

Обновленные списки экстремистских материалов, предоставляемые в настоящее время Минюстом России, должны публиковаться в Российской газете. Так, Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 6 августа 2008 г. содержит уже 219 наименований таких материалов².

«Включение информационных материалов в федеральный список экстремистских материалов означает запрет на их распространение на территории Российской Федерации»³. В соответствии со ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», «информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу»⁴.

Объективная сторона *преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ*, характеризуется активными действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершаемыми публично или с использованием средств массовой информации.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию,

---

¹ См.: Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 9 июля 2007 г. // Российская газета. 2007. 14 июля.

² См.: Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 6 августа 2008 г. // Российская газета. 2008. 15 августа.

³ Цит. по: *Гаврилов А.В., Москвитин О.А.* Пути решения проблем реализации законодательства о противодействии экстремизму // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2005. № 4. С. 54.

⁴ См.: статья 8 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

должно быть запрещено законом»¹. Для реализации данного запрета и предназначена ст. 282 УК РФ.

Наиболее сложными в понятии рассматриваемого преступления являются признаки, характеризующие направленность общественно опасных действий: возбуждение ненависти или вражды; унижение достоинства человека либо группы лиц. При этом следует учитывать, что соответствующие общественно опасные действия совершаются в связи с такими отличительными признаками каждого человека, как его пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, а равно принадлежность к какой-либо социальной группе.

Ранее нами отмечалось, самым обобщенным и неконкретным является признак принадлежности человека к какой-либо социальной группе. Как справедливо отмечает Н.Ф. Кузнецова, «современное российское общество расслоено по классам и социальным группам, подчас антагонистически противостоящим друг другу экономически, идеологически и политически. Антикоммунизм идеологически противостоит коммунистической идеологии, так называемые либеральные взгляды олигархов на роль государства в экономике не совпадают с представлениями «державников», которые стоят за сильное государство во внутренней и внешней политике, и т. д. Преступники – тоже социальная группа, вражда и ненависть к которой присущи всяким нормальным обществу и государству, не говоря уже о правовом государстве²».

Применительно к последнему замечанию отметим, что ненависть и вражда могут существовать и нередко существуют и между различными преступными формированиями, также являющимися социальными группами, подчас объединяемыми в таковые не только по совпадающим криминальным интересам, но и по национальному, религиозному и (или) иным признакам. То есть по формальным признакам организатор одной из таких групп, обращающийся к ней с целью настроить ее членов против другого преступного объединения, также совершает деяние, предусмотренное ст. 282 УК

---

¹ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. XXXII. – М., 1978. С. 44.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 41.

РФ. В связи с этим считаем, что имеющийся в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ термин «социальная группа» следует использовать только в сочетании с указанием на отличительные признаки такой группы и (или) ее представителей. В противном случае в судебную практику может быть привнесен элемент произвола власти за счет излишне широких границ судейского усмотрения.

Так, в Сыктывкаре за возбуждение ненависти к социальной группе к одному году лишения свободы условно осужден С. Терентьев, разместивший в Интернете «нелестный комментарий» относительно сотрудников милиции¹. Данное осуждение вызвало недоумение и оживленные дискуссии в обществе, так как милицию на сегодняшний день не критикует только ленивый, не стесняясь при этом в выражениях. Конечно же, ничего положительного в таких действиях нет, но обладают ли они характером и степенью общественной опасности, присущими преступлению? Представляется, что нет. Более того, привлечение к уголовной ответственности одного из многих тысяч недовольных действиями властей само по себе лишь более дискредитирует последние, а может быть еще и разжигает ненависть либо вражду по отношению к ним. По нашему мнению, установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения возбуждения ненависти либо вражды, осуществляемого путем действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями, например, с применением насилия.

Согласно позиции ученых-филологов, слово «возбудить» означает, во-первых, вызвать, породить какое-либо состояние в ком-либо или чем-либо; во-вторых, привести в возбужденное состояние; в-третьих, настроить, восстановить кого-либо против кого-либо; в-четвертых, предложить для решения, поставить на обсуждение².

Полагаем, что термин «возбуждение», используемый в сочетании со словами «ненависть» и «вражда», следует понимать как активные действия, которые могут (а с точки зрения виновных –

---

¹ См.: *Бабицкий С.* Люди, которые нас удивили // Комсомольская правда. 2008. 10–17 июля.

² См.: *Ожегов С.И.* и *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. С. 91.

должны) привести к возникновению либо возобновлению и (или) усилению в других людях ненавистного либо враждебного отношения к каким-либо группам людей (например, к представителям определенной национальности).

«Возбуждающей в смысле ст. 282 УК РФ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой, конфессиональной (религиозной) или социальной группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них»¹. С таким определением в целом можно согласиться, за исключением последней фразы о подстрекательстве, которое, по нашему мнению, относится к другому преступлению – публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и то в его общесоциальном, а не в уголовно-правовом понимании. Полагаем, что подстрекательство может касаться только склонения другого лица к совершению конкретного преступления, а не настраивания кого-либо против социальных групп и (или) их представителей, а равно побуждения к осуществлению противоправных действий в целом без выделения из них одного или нескольких уголовно наказуемых деяний.

Действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к религии, могут проявляться в самых разнообразных формах: выступлениях на митингах, собраниях и т.п., подготовки и демонстрации рисунков и иных изображений, опубликовании статей и брошюр, исполнении песен, стихов перед аудиторией, и т.п. Все эти и подобные действия объединяет «их способность воздействовать на сознание людей по формированию негативного нелестного образа представителя или группы людей не в зависимости от их личных качеств, а из-за принадлежности к какой-то определенной вышеназванной группе. Воздействие на сознание людей может происходить прямым или завуалированным способом»².

---

¹ Цит. по: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 51.

² См.: Уголовный закон в практике районного суда / Под ред. А.В. Га-лаховой (автор комментария к ст. 282 УК РФ – Л.В. Иногамова-Хегай). – М.: Норма, 2007. С. 855.

Отметим, что необходимо различать информацию, возбуждающую ненависть и вражду, и констатацию фактов, которая не направлена на формирование негативного эмоционального отношения к какой-либо группе людей или отдельному ее представителю. Также нельзя относить к информации, выступающей своеобразным средством данного преступления, и сведения научных исследований¹. Вместе с тем тенденциозный подбор и оглашение указанных сведений могут содержать признаки возбуждения ненависти или вражды в смысле ст. 282 УК РФ.

Подчеркнем, что для констатации оконченного преступления соответствующие общественно опасные действия должны быть направлены на возбуждение ненависти или вражды по указанным признакам, но не обязательно достигать возникновения у кого-либо таких эмоциональных отношений к другим людям.

Употребление в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ слова «действие» во множественном числе может создать проблему толкования данной уголовно-правовой нормы, состоящую в вопросе о возможности констатации факта совершения рассматриваемого преступления в полном объеме уже при осуществлении одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц. По нашему мнению, данное преступление окончено при совершении хотя бы одного действия, имеющего указанную направленность, при условии, что состоялось нарушение соответствующего объекта, а деянию присуща необходимая степень общественной опасности.

Действия, направленные на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к определенной социальной группе, имеют наибольшее сходство с оскорблением (ст. 130 УК РФ). Однако неприличная форма выражения оскорбительных действий в рассматриваемом деянии не является обязательным признаком. Важно, чтобы высказывания, жесты, демонстрация рисунков, карикатур, кино- или видеофильмов, аудиозаписей, и другие подобные действия затрагивали расовую, половую, языковую принадлежность одного или нескольких лиц (как минимум двух), а равно их происхождение, отношение к религии либо принадлежность к какой-либо социальной группе, выражали не-

---

¹ См.: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Указ. соч. С. 51.

приявленное, оскорбительное к ним отношение, чем унижали достоинство потерпевших, то есть их внутреннюю самооценку с учетом обладания указанными признаками.

Так, автор пяти брошюр из Федерального списка экстремистских материалов Алексей Добровольский «с 1993 г. умышленно с целью возбуждения национальной вражды по отношению к евреям и религиозной вражды по отношению к христианству и иудаизму, унижения национального достоинства евреев, пропаганды превосходства славян-русских над людьми, исповедующими любую другую религию, в особенности над евреями, стал заниматься изданием и распространением своих публикаций и брошюр. В брошюре «Святославие», в частности, он писал, что так называемая «западная цивилизация» воплотила в себе все зло иудохристианства – религии, навязанной индоевропейцам чуждой и враждебной им расой. Для успешной борьбы с этим злом, по его мнению, необходимо осознать не только мировоззренческую несостоятельность иудохристианства, надо понять всю пагубность этой смертоносной религии, грозящей гибелью всему живому на Земле. А вот цитата из его брошюры «Кто боится русского национал-социализма»: «Каждый природный русич просто не может не быть антисемитом. Более того, антисемитизм – это мерило его чести, достоинства, самооценки и чистопородности. В сборнике «Иудохристианская чума» утверждается, то «христианизация есть не что иное, как ожидование, обесценивающее национальную историю любого народа, кроме «богоизбранного».

Организовав в районе деревни Васенево Шабалинского района Кировской области проведение языческого праздника Купалы, Добровольский «умышленно – с целью возбуждения национальной и религиозной вражды, унижения национального достоинства по отношению к евреям выкрикивал: «Смерть жидам!», а также разрубил и уничтожил деревянный ящик, названный им «Гробом Господним». После чего стал распространять свои брошюры по 15 рублей за каждую. Все брошюры Добровольского издавались тиражом по 3 тысячи экземпляров, с 2005 г. поступали в книжный магазин «Золотой век» ... По решению суда брошюры были изъяты из книжного магазина и из дома автора и уничтожены, он был оштрафован на 1800 рублей и получил год исправительных работ условно»¹.

---

¹ См.: Новикова Н., Радова А., Яковлева Е. Топонография. Подробно-сти // Российская газета. 2007. 14 июля. С. 5.

По уголовным делам о преступлениях, связанных с распространением экстремистских материалов, могут проводиться следующие виды экспертиз, требующих специальных познаний и не противоречащих УПК РФ: лингвистическая, социогуманитарная, социально-психологическая, психолого-лингвистическая, этнолого-социо-психологическая, комплексная культурологическая. Как правило, соответствующие специалисты работают вне правоохранительной системы и привлекаются для производства экспертиз на договорной основе¹.

Полагаем, что отсутствие единого подхода к определению необходимого (необходимых) вида (видов) экспертиз по уголовным делам о возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении достоинства человека или группы лиц не лучшим образом отражается на формировании устойчивой единообразной практики применения ст. 282 УК РФ. Как уже отмечалось, данные экспертизы, как правило, поручаются лицам, не имеющим отношения к правоохранительной деятельности, кроме того, их суждения и выводы нередко касаются вопросов правового характера и (или) формулируются на бытовательском уровне без какого-либо научного обоснования². В связи с этим считаем, что назрела необходимость проведения комплексного исследования всех аспектов противодействия преступлениям экстремистской направленности с формулированием в результате научно обоснованных рекомендаций, касающихся, в частности, правильного определения вида экспертизы по таким уголовным делам и методики ее назначения и проведения.

Как отмечалось ранее, все действия, указанные в ст. 282 УК РФ, должны быть альтернативно совершены либо публично, либо с использованием средств массовой информации. Данные признаки

---

¹ См.: Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : Методическое пособие / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 137–138; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М., 2005. С. 145; Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н., Леухин А.В., Серова Е.Б. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2002. С. 86.

² См.: *Брайловская С.* Экстремистов доведут до суда // Российская газета. 2009. 16 июня.

были рассмотрены при анализе объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ.

В анализируемом преступлении публичность может заключаться также в том, что виновные в отсутствии посторонних изготавливают какие-либо плакаты, наносят на стены домов надписи, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека, которые позже становятся доступными и видимыми для широкого круга лиц, что входит в содержание умысла виновных.

Использование средств массовой информации как второго из возможных способов совершения анализируемого деяния предполагает опубликование, демонстрацию либо иное выражение в них (например, в радиопередаче) сведений, возбуждающих ненависть либо вражду по соответствующим признакам, а равно унижающих человеческое достоинство.

Квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления перечислены в ч. 2 ст. 282 УК РФ. Это те же деяния, совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;
- в) организованной группой.

Применение насилия по смыслу п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ охватывает ограничение личной свободы, нанесение побоев, иное причинение физической боли, причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Причинение тяжкого вреда его здоровью либо смерти требует дополнительной квалификации по ст. 111 либо ст. 118, ст. 105 либо ст. 109 УК РФ. Угроза может выражаться в устрашении потерпевшего применением любого по характеру и тяжести насилия вплоть до угрозы убийством, что полностью охватывается п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, за исключением случаев, когда такая угроза осуществляется по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Насилие либо угроза его применением могут осуществляться и с целью унижения человеческого достоинства человека либо группы людей и выражаться, например, в виде оскорбительных пощечин, глумление над потерпевшим (прижигание окурков о тело человека, замахивание или удары кнутом, привязывание к «позорно-

му столбу» и т. п.). При этом нарушается еще один непосредственный объект преступления – здоровье человека, а точнее – общественные отношения, обеспечивающие данное благо.

Совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения рассматривается нами при анализе специального субъекта преступлений экстремистской направленности.

При квалификации преступления как совершенного организованной группой необходимо учитывать следующие особенности.

В ч. 3 ст. 35 УК РФ указано, что «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений».

Наиболее конкретное определение признаков организованной группы дано в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в соответствии с которым такая группа «характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства»¹.

Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов обоснованно, на наш взгляд, указывают, «что определяющим признаком организованной группы, характеризующим ее устойчивость, является наличие организатора или руководителя группы. Именно организатор создает группу, осуществляя подбор соучастников, распределяет роли между ними, устанавливает дисциплину и т.п., а руководитель обеспечивает целенаправленную, спланированную и слаженную деятель-

---

¹ См.: Российская газета. 2003. 18 января.

ность как группы в целом, так и каждого ее участника¹ с соблюдением групповой дисциплины и т.д.»².

«Важно также отметить, что наличие организатора или руководителя, в отличие от других признаков организованной группы, поддается установлению и доказыванию в порядке, предусмотренном УПК РФ, как правило, по каждому уголовному делу о преступлении, совершенном такой группой»³.

Следовательно, выделение в группе организатора является одной из основных предпосылок для признания такой группы организованной. Логичным представляется вывод о наличии в организованной группе и иных соучастников, в первую очередь, исполнителей и пособников, что также подтверждается приведенным ранее Указом Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О распределении функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла».

Последнее положение согласуется с теоретическими разработками, согласно которым «каждый участник подобного объединения должен сознавать, что он входит в организованную группу, участвует в выполнении части или всех взаимно согласованных действий и осуществляет совместно с другими участниками единое преступление с распределением ролей, по заранее обусловленному плану»⁴.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указал, что «организованная группа – это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совер-

---

¹ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. С. 9.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. С. 59; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 382.

³ Цит. по: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 382–383.

⁴ См.: Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. – М.: Юридическая литература, 1980. С. 31–32.

шение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует убийство, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ»¹. Данное разъяснение суды применяют на практике и при квалификации иных преступлений.

При квалификации деяния по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ следует учитывать и следующее разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Действия лиц, похитивших чужое имущество путем кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, следует квалифицировать по соответствующим пунктам ст. 158, 161 и 162 УК РФ по признакам «группа лиц по предварительному сговору» или «организованная группа», если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное»².

В ст. 282¹ УК РФ об уголовной ответственности за *организацию экстремистского сообщества* содержится два основных состава преступления, признаки которых обозначены, соответственно, в ч. 1 и 2 ст. 282¹ УК РФ.

Преступление окончено уже с момента создания экстремистского сообщества либо начала руководства таковым (ч. 1 ст. 282¹ УК РФ), либо с момента начала участия в данном сообществе (ч. 2 ст. 282¹ УК РФ), то есть данные уголовно наказуемые деяния имеют усеченный состав.

Ключевыми признаками, относящимися к объективной стороне рассматриваемого преступления, следует признать два взаимосвязанных понятия – экстремистского сообщества и преступлений экстремистской направленности, выводимых при анализе диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ и примечания 2 к данной уголовно-правовой норме.

---

¹ Абзац 4 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

² Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.

По нашему мнению, использование законодателем термина «сообщество» в анализируемой уголовно-правовой норме следует признать крайне неудачным, что подтверждается следующими обстоятельствами.

Экстремистское сообщество создается и функционирует для совершения преступлений, то есть по своей сути является преступным сообществом, но таким, которое не обладает основными признаками последнего, содержащимися в ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ. Так, экстремистское сообщество создается для совершения преступлений различных категорий (от небольшой тяжести до особо тяжких), тогда как преступное сообщество (преступная организация) – для совершения только тяжких и особо тяжких преступлений¹, причем не обязательно по мотивам ненависти либо вражды, присущим деяниям экстремистской направленности. Кроме того, в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ не указан такой конститутивный признак преступного сообщества, как сплоченность², предполагающий более высокий качественный уровень взаимосвязей в такой группе лиц. Кроме того, создание преступного сообщества (преступной организации) само по себе является особо тяжким преступлением, а участие в данном формировании без квалифицирующего признака – тяжким преступлением. Организация же экстремистского сообщества относится к преступлениям средней тяжести, а участие в таком сообществе – вовсе к преступлениям небольшой тяжести. Следовательно, экстремистское сообщество следует признать устойчивым преступным объединением, то есть разновидностью организованной группы.

После законодательных изменений ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ³ число и содержание указанных разграничительных признаков

---

¹ См.: *Каиенов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 32.

² Отметим, что отдельные авторы называют сплоченность в качестве признака экстремистского сообщества, что, на наш взгляд, является примером расширительного толкования текста уголовного закона. – См., например: Уголовный закон в практике районного суда / Под ред. А.В. Галаховой (автор комментария к ст. 282.1 УК РФ – Л.В. Иногамова-Хегай). – М.: Норма, 2007. С. 860.

³ См.: Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 45. Ст. 5263.

несколько изменилось. Так, действующая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ содержит следующее общее понятие преступного сообщества (преступной организации): «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Сравнение данной формулировки с понятием экстремистского сообщества приводит к однозначному исключению возможности признания последнего разновидностью преступного сообщества (преступной организации). Данный вывод основан на том, что для экстремистского сообщества признак структурированности не является обязательным, а цель получения финансовой или иной материальной выгоды вовсе исключается за счет присущих такому сообществу мотивов ненависти либо вражды, не включающих в себя корыстные побуждения.

Итак, экстремистское сообщество – это организованная группа, создаваемая и действующая для подготовки или совершения преступлений по мотивам идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы (преступлений экстремистской направленности).

Употребление в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ слова «преступление» во множественном числе способствует формированию вывода о том, что экстремистское сообщество может быть признано таковым, если оно создано для совершения как минимум двух преступлений экстремистской направленности. Учитывая то, что экстремистское сообщество создается и функционирует для совершения преступлений всех четырех категорий, в том числе небольшой и средней тяжести, данный вывод способствовал бы признанию социальной обусловленности установления уголовной ответственности за приготовительные действия в виде создания такого сообщества и руководства им.

Вместе с тем не следует забывать о наличии в диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ словосочетания «организованная группа», отсылающего к ч. 3 ст. 35 этого УК, где, в частности, указывается, что участники такой группы объединяются для совершения одного или

нескольких преступлений. Отмеченное обстоятельство еще раз указывает на несовершенство законодательной техники, приводящее к отсутствию единообразия в толковании и последующем применении рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Представляется, что отмеченная законодательная неточность создает у правоприменителя неустранимые сомнения в однозначном понимании ст. 282¹ УК РФ, что должно толковаться в пользу обвиняемого, то есть экстремистское сообщество следует рассматривать как организованную группу, создаваемую для совершения как минимум двух преступлений экстремистской направленности.

Признаки организованной группы рассмотрены нами ранее при анализе преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

Под созданием экстремистского сообщества следует понимать совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой группы в целях подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности. Они могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.¹. Если такие действия содержат еще и признаки иного состава преступления, это должно найти отражение в юридической оценке содеянного (например, квалификация с учетом совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282¹ и 222 УК РФ).

Создание экстремистского сообщества является окончанным преступлением независимо от того, были ли фактически совершены планируемые уголовно наказуемые деяния экстремистской направленности.

В тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание устойчивой группы, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим, не зависящим от этого лица обстоятельствам, не привели к возникновению экстре-

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» // Российская газета. 2008. 18 июня.

мистского сообщества, они должны быть квалифицированы как покушение на создание такого сообщества.

Помимо создания экстремистского сообщества в ч. 1 ст. 282¹ указаны следующие альтернативные действия: 1) руководство экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями; 2) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. Остановимся на каждом из перечисленных действий.

Под руководством экстремистским сообществом следует понимать принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности такого сообщества, так и с совершением его участниками конкретных преступлений экстремистской направленности. При этом руководитель экстремистского сообщества может совпадать либо не совпадать с лицом, создавшим такое сообщество. Создание экстремистского сообщества и последующее руководство им либо его частью или структурным подразделением образует одно единое преступление, равно как и осуществление одного из указанных действий.

Части или структурные подразделения должны входить в экстремистское сообщество в качестве его неотъемлемых элементов, имеющих определенную самостоятельность. Такие части либо структурные подразделения могут выделяться по функциональному, территориальному либо иному принципу. Так, функциональное деление данного сообщества на части может быть связано с характером осуществляемых каждой из них функций, в том числе с видами совершаемых преступлений экстремистской направленности. Экстремистское сообщество может быть проявлением так называемой транснациональной преступности, что с неизбежностью обуславливает его деление на составляющие (подразделения), «ответчающие» за конкретную территорию. Такие подразделения могут функционировать как на территории одного субъекта Российской Федерации, так и рассредоточиваться по нескольким областям, краям, республикам и т.д., а также выходить за границы нашей страны.

Создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества следует понимать по аналогии с создани-

ем данного сообщества. Уточним лишь, что создание указанного объединения возможно только после того, как образовано экстремистское сообщество в целом.

В качестве иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества могут выступать самые различные их участники, выполняющие основные и вспомогательные функции.

Объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества создается для разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности. Считаем, что разрабатывать можно планы, но не условия, которые либо создаются, либо обеспечиваются, поэтому обобщающий термин «разработка» следует признать в данном случае еще одним недочетом законодательной техники.

Условиями для совершения преступлений экстремистской направленности по смыслу ч. 1 ст. 282¹ УК РФ следует считать определение круга участников конкретных общественно опасных действий, распределение между ними ролей, устранение препятствий для осуществления деяния (например, подкуп охраны какого-либо объекта либо внедрение в ее состав) и т.д. Данная разновидность изучаемого деяния представляет собой оконченное преступление уже при создании указанных объединений участников экстремистского сообщества, независимо от фактической разработки планов или создания соответствующих условий. При этом важно доказать отмеченную цель создания объединения таких участников.

Отметим, что создание экстремистского сообщества, а также иные действия, предусмотренные в ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, по сути, являются приготовлением к совершению преступлений экстремистской направленности. Следовательно, если данные действия касаются приготовления к тяжким или особо тяжким преступлениям экстремистской направленности, они подлежат дополнительной юридической оценке по соответствующим статьям Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 этого УК.

Второй основной состав преступления предусмотрен в ч. 2 ст. 282¹ УК РФ и отличается от первого по признакам объективной стороны. Объективная сторона второго основного состава анализируемого преступления состоит в участии в экстремистском сообществе.

Участие в экстремистском сообществе представляет собой не только непосредственное участие в совершении преступлений экстремистской направленности, но и выполнение членами такого сообщества иных активных действий, направленных на его финансирование, обеспечение оружием, транспортом, экстремистскими материалами, подыскание объектов для соответствующих уголовно наказуемых деяний и т.п.

В ст. 282² УК РФ об уголовной ответственности за *организацию деятельности экстремистской организации* предусмотрено два основных состава преступления, признаки которых содержатся, соответственно, в частях первой и второй данной статьи УК. Оба состава преступления являются формальными, преступление окончено уже при совершении действий, указанных в ч. 1 или 2 ст. 282² УК РФ.

При анализе объективной стороны данного преступления в первую очередь необходимо остановиться на понятии экстремистской организации.

Экстремистская организация определяется в п. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» как общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным данным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Определение общественного объединения дается в ст. 5 Федерального закона «Об общественных объединениях»¹, в которой под ним «понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения».

Там же говорится, что «право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения».

---

¹ См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях», данные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия.

Понятию религиозных объединений посвящена ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹, в которой в частности указано следующее:

«1. Религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками:

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

2. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций».

Под политической партией понимается «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»².

Если общественное объединение может не регистрироваться в органах юстиции, то политическая партия подлежит обязательной государственной регистрации. Порядок осуществления государст-

---

¹ См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

² Статья 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

венной регистрации общественных и религиозных объединений регламентирован в ст. 21–23 Федерального закона «Об общественных объединениях», а также в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹.

В качестве иной организации по смыслу ст. 282² УК РФ понимается любая другая некоммерческая организация², не относящаяся к общественным и религиозным объединениям.

Под некоммерческой организацией понимается организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками.

Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Формами некоммерческих организаций могут быть общественные или религиозные организации (объединения), некоммерческие партнерства, учреждения, автономные некоммерческие организации, социальные, благотворительные и иные фонды, ассоциации и союзы, а также другие формы, предусмотренные федеральными законами³.

---

¹ См.: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.

² См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

³ См., например: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 14; Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

Каждое из указанных объединений при осуществлении им экстремистской деятельности подлежит ликвидации по основаниям и в порядке, указанным в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Так, в ст. 7 данного Федерального закона указано, что «общественному или религиозному объединению либо иной организации в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности, в том числе в деятельности хотя бы одного из их региональных или других структурных подразделений, признаков экстремизма, выносится предупреждение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений. В случае если возможно принять меры по устранению допущенных нарушений, в предупреждении также устанавливается срок для устранения указанных нарушений, составляющий не менее двух месяцев со дня вынесения предупреждения.

Предупреждение общественному или религиозному объединению либо иной организации выносится Генеральным прокурором Российской Федерации или подчиненным ему соответствующим прокурором. Предупреждение общественному или религиозному объединению может быть вынесено также федеральным органом исполнительной власти в сфере юстиции или его соответствующим территориальным органом.

Предупреждение может быть обжаловано в суд в установленном порядке.

В случае если предупреждение не было обжаловано в суд в установленном порядке или не признано судом незаконным, а также если в установленном в предупреждении срок соответствующими общественным или религиозным объединением либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением не устранены допущенные нарушения, послужившие основанием для вынесения предупреждения, либо если в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в их деятельности, в установленном настоящим Федеральным законом порядке соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация подлежат ликвидации, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, подлежит запрету».

В ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в частности, говорится о том, что «в случае, предусмотренном частью четвертой ст. 7 настоящего Федерального закона, либо в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

По указанным в части второй настоящей статьи основаниям общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда также на основании заявления федерального органа исполнительной власти в сфере юстиции или его соответствующего территориального органа.

В случае принятия судом по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, решения о ликвидации общественного или религиозного объединения их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации».

Таким образом, экстремистской организацией является общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением ими действий, относящихся к экстремизму.

Существенной оговоркой к данному определению следует признать то обстоятельство, что данная организация не должна одновременно являться экстремистским сообществом, изначально создаваемым для совершения преступлений экстремистской направлен-

ности. В противном случае содеянное должно квалифицироваться по ст. 282¹ УК РФ об организации экстремистского сообщества.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит в активных действиях по организации деятельности экстремистской организации после вступления в законную силу соответствующего судебного решения. То есть, несмотря на решение суда, виновное лицо выполняет организаторские действия для возобновления и (или) продолжения функционирования указанных общественных или религиозных объединений либо иной организации, для которых экстремизм выступает в качестве основной или сопутствующей деятельности.

Организация деятельности названных объединений может состоять в финансировании их деятельности, обеспечении помещением, необходимой офисной техникой, руководстве коллективом и т.д.

Второй основной состав рассматриваемого преступления предусмотрен в ч. 2 ст. 282² УК РФ, устанавливающей ответственность за участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Основное отличие данного преступления от деяния, предусмотренного в ч. 1 ст. 282² УК РФ, состоит в признаках его объективной стороны, выражающейся не в организаторских действиях, а в участии в уже организованной и управляемой экстремистской организации.

Такое участие может состоять в осуществлении виновным различных действий в соответствии с его обязанностями в экстремистской организации. Например, он может подготавливать экстремистские материалы; перевозить и распространять агитационную литературу; принимать участие в проведении конкретных акций экстремистского характера; проходить специальную подготовку или обучение, а равно заниматься инструкторской деятельностью внутри организации и т.п.

Статьи 282¹ и 282² УК РФ содержат примечания, предусматривающие специальные случаи освобождения от уголовной ответственности за соответствующие преступления.

В примечании 1 к ст. 282¹ УК РФ указан специальный вид освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Первоначально это примечание излагалось в следую-

шей редакции: «Лицо, добровольно прекратившее участие в экстремистском сообществе, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». После дополнений, внесенных Федеральным законом от 24 июля 2007 г.¹, примечание 1 к ст. 282¹ УК РФ было изменено: «Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Примечание 1 к ст. 282¹ УК РФ в последней редакции буквально повторяет примечание к ст. 282² этого УК об организации деятельности экстремистской организации, что, по нашему мнению, свидетельствует о грубой ошибке законодателя. Данное утверждение обусловлено тем, что примечание 1 к ст. 282¹ УК РФ никоим образом не относится к предусмотренным в ней преступлениям. Помимо этого, примечание к ст. 282² УК РФ продолжает действовать, являясь полным аналогом рассматриваемого примечания к ст. 282¹ УК РФ. В связи с изложенными обстоятельствами считаем, что в настоящее время в УК РФ специальный вид освобождения от уголовной ответственности за совершение какого-либо преступления, из предусмотренных в ст. 282¹ УК РФ, не предусмотрен. В противном случае, необходимо было бы констатировать, что квалификация тех или иных действий по ст. 282¹ УК РФ допустима только после того, как суд признает, что соответствующее объединение осуществляет экстремистскую деятельность и вступит в законную силу принятое им решение о ликвидации или запрете деятельности такого объединения, а последнее продолжит запрещенную деятельность. Так как приведенное допущение, по меньшей мере, абсурдно, можно предположить, что законодательная ошибка будет исправлена и примечание к ст. 282¹ УК РФ об освобождении

---

¹ См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

от уголовной ответственности будет изложено в первоначальной редакции.

Примечание к ст. 282² УК предусматривает специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица, которое добровольно прекратило свое участие в деятельности экстремистской организации, при условии, что его действия не содержат какого-либо иного состава преступления. Данное примечание относится только к участникам экстремистской организации, то есть к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 282² УК РФ, и не распространяется на лиц, виновных в организации дальнейшей деятельности экстремистской организации после вступления в законную силу судебного решения о ее ликвидации или запрете экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 282² УК РФ). При этом на решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности не должны влиять такие обстоятельства, как наличие не снятой и не погашенной судимости за другие преступления, а также совершение либо не совершение лицом действий, свидетельствующих о его деятельном раскаянии и утрате общественной опасности.

Отметим, что так как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282² УК РФ, относится к категории средней тяжести, то деятельное раскаяние лица, организовавшего деятельность экстремистской организации, может быть рассмотрено как обстоятельство, освобождающее его от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ). Действия, свидетельствующие о деятельном раскаянии лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 282² УК РФ, также может повлечь освобождение виновного от уголовной ответственности при наличии других условий, содержащихся в ст. 75 этого УК. В связи с отмеченными обстоятельствами, считаем, что примечания к ст. 282¹ и 282² УК РФ, предусматривающие специальные виды освобождения от уголовной ответственности, целесообразно признать утратившими силу, применяя в конкретных случаях общую норму о деятельном раскаянии.

Таким образом, неотъемлемым элементом непосредственного объекта каждого преступления экстремистской направленности выступают общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности

определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

При направленности таких преступлений на возбуждение указанной ненависти либо вражды нарушаются общественные отношения, обеспечивающие одну из основ конституционного строя государства в виде запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни как крайней формы интолерантности по отношению к тем или иным социальным группам и (или) их представителям.

Объективная сторона преступлений экстремистской направленности, как правило, выражается в форме действий, в которых находят свое проявление имеющаяся в психике виновного ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Это проявляется в выборе способов, места и обстановки совершения деяния, нередко ориентированных на публичное проявление и (или) разжигание ненависти либо вражды.

§ 3. Субъект и субъективная сторона преступлений экстремистской направленности

Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности, особенно мотивы данных уголовно наказуемых деяний, индивидуализируют последние и позволяют проводить отграничение от смежных составов преступлений.

Понятие субъекта преступления, как таковое, в уголовном законодательстве не содержится. Однако на теоретическом уровне данный элемент состава преступления рассматривается в виде совокупности признаков, указанных в гл. 4 УК РФ. Так, в ст. 19 этой главы УК РФ содержатся общие условия уголовной ответственности, которые совпадают с обязательными признаками субъекта преступления.

В теории уголовного права под субъектом преступления понимается лицо, совершившее общественно опасное деяние, ответственность за которое установлена уголовным законом, и способное нести за него уголовную ответственность¹. Любой субъект преступления

---

¹ См.: Уголовное право России. Общая часть : Учебник/ Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юрист, 1996. С. 203; Уголовное право. Общая

должен обладать тремя признаками, отсутствие которых исключает наличие в деянии состава преступления: 1) физическое лицо, то есть человек (под физическим лицом имеются в виду граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства¹); 2) вменяемость; 3) достижение возраста, установленного уголовным законом.

Нормы об ответственности за преступления экстремистской направленности, как правило, не содержат каких-либо дополнительных характеристик их субъекта, за исключением п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ, где указывается на лицо, совершившее деяние с использованием своего служебного положения. В преступлении, предусмотренном ч. 4 ст. 150 УК РФ, в качестве его субъекта выступает лицо, достигшее повышенного возраста уголовной ответственности – восемнадцати лет. Перейдем непосредственно к анализу общих признаков данного элемента состава преступления.

Первым признаком субъекта каждого преступления экстремистской направленности является то, что им должно быть физическое лицо. Как уже было указано, на основании ст. 11–13 УК РФ субъектом преступлений могут быть граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства.

Вторым общим признаком, которым должен обладать субъект преступления, является вменяемость. Под вменяемостью в теории уголовного права понимают такое состояние психики, при котором человек способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими².

В ст. 21 УК РФ данный признак субъекта преступления определяется через свою противоположность – невменяемость, включающую два юридических и четыре медицинских критерия. Если под первыми понимается неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо ру-

---

часть : Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Институт международного права и экономики. Изд-во «Триада Лтд», 1997. С. 129.

¹ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юридическая литература, 2000. С. 149.

² См.: Уголовное право. Общая часть : Учебник / Под ред. А.И. Рарога. С. 130; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная : Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. С. 107; Лазарев А.М. Субъект преступления : Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. – М.: ВЮЗИ, 1981. С. 27–28.

ководить им, то вторые включают указание на четыре разновидности психических отклонений: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики. При установлении хотя бы одного медицинского и одного юридического критерия уголовная ответственность исключается.

Третьим общим признаком субъекта преступления является установленный уголовным законом возраст привлечения к уголовной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста». Большинство преступлений экстремистской направленности предполагают шестнадцатилетний возраст их субъекта. Уголовная ответственность за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести, хулиганство, предусмотренное ч. 2 ст. 213 УК РФ, устанавливается с четырнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Необходимо учитывать то, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 421 УПК РФ установление возраста несовершеннолетнего входит в предмет доказывания по уголовному делу о преступлении, совершенном таким лицом¹. При этом лицо признается достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а с нуля часов, следующих после этого дня суток. Если же возраст устанавливается судебно-медицинской экспертизой, то днем рождения лица считается последний день г., названного экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным числом лет необходимо исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста².

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, если он хотя и достиг возраста уголовной ответственности, установленного ч. 1 или 2 данной статьи, но вследствие отставания в умственном раз-

---

¹ См.: *Васильевский А.* Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. 2000. № 11. С. 23–25.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта; *Цымбал Е., Дьяченко А.* Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 43–50.

вители, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им действий или бездействия.

Для установления наличия и степени умственной отсталости несовершеннолетнего в необходимых случаях (п. 3 ст. 196 УПК РФ) назначается судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

В последние годы участились случаи совершения преступлений экстремистской направленности лицами в несовершеннолетнем возрасте, нередко до достижения виновными шестнадцати лет. Так, 3 декабря 2008 г. «коллегия присяжных в Мосгорсуде признала семерых членов банды скинхедов виновными в совершении 20 убийств и 12 покушений на убийство», при этом «на момент преступлений большинству из обвиняемых не было даже 16 лет»¹. В газетной публикации подчеркивается, что жестокость данных осужденных «переходила все границы. К примеру, гражданина Китая подростки сначала избивали коваными башмаками, а затем прикончили. Скинхеды нанесли по очереди десятки ножевых ранений. В качестве доказательств в суде показали видеозапись, на которой хорошо видно, как забивают ни в чем не повинного человека»².

Показательным является и отношение осужденных подростков к судебному процессу и правосудию в целом. По словам участника процесса, «все подсудимые вели себя спокойно и нагло. А порой откровенно по-хамски. Улыбались и хихикали. Судье Петру Штундеру заявили отвод потому, что у него «нерусская фамилия». А гособвинителя Марию Семененко требовали заменить потому, что «она слишком красивая и будет отвлекать от процесса»³.

Отметим, что приведенный пример объединения несовершеннолетних в группы для совершения преступлений экстремистской направленности является далеко не единичным фактом. Так, в том же 2008 г. Московским городским судом был вынесен обвинительный приговор еще одной молодежной группе, члены которой (всего 13 человек) были признаны виновными в возбуждении нацио-

---

¹ См.: Федосенко В. Смертельная ненависть // Российская газета. 2008. 4 декабря.

² Там же.

³ Там же.

нальной ненависти, убийстве двух потерпевших, а также в умышленном причинении вреда здоровью различной степени тяжести девяти лицам. При этом только один из участников данной группы был совершеннолетним, соответственно сроки лишения свободы варьировались от трех до десяти лет¹.

В августе 2008 г. МВД России представило общественности следующие данные: 11 000 молодых людей в нашей стране входят в экстремистские объединения, всего учтено 302 организации, 150 из них склонны к агрессивным действиям, например, РНЕ, НБП, ДПНИ, АКМ². Эти данные, а также проведенный нами контент-анализ популярных российских газет подтверждает наше предположение о том, что в молодежной среде экстремизм становится или уже стал одним из наиболее модных идеологических течений.

Полагаем, что не последнюю роль в «самогероизации» и явной браваде данных подростков и других несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, играет излишне гуманный подход российского уголовного закона к ответственности и наказанию лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет. Считаем, что из общего правила, содержащегося в ч. 6, 6.1, 6.2 и 7 ст. 88 УК РФ, должен быть сделан ряд исключений, касающихся, в частности, назначения наказания в виде лишения свободы наравне с совершеннолетними при совершении тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности, то есть в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а при совокупности таких уголовно наказуемых деяний – до 25 лет.

Отметим, что в среде специалистов в области уголовного права и криминологии нередки доводы о бессмысленности ужесточения санкций уголовно-правовых норм, в том числе об ответственности за преступления экстремистской направленности. Так, С.Е. Вицин считает, что «сколько бы ни усиливали уголовную ответственность за насильственные преступления и, в частности, за убийства на почве национальной вражды, эффект будет минимален. Этот кара-

---

¹ См.: Федосенко В. Смертельная ненависть // Российская газета. 2008. 4 декабря.

² См.: Экстремистов посчитали // Российская газета. 2008. 26 августа.

тельный ресурс по существу исчерпан»¹. Однако, по нашему мнению, ни одна из таких санкций не является абсолютно определенной и, как правило, предлагает суду несколько альтернативных видов наказания, а также минимальную и (или) максимальную границы (пределы) при их назначении. При этом общие начала назначения наказания обязывают судей учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Кроме того, при наличии некоторых смягчающих обстоятельств наказание может быть существенно снижено (ст. 62 УК РФ) и даже быть более мягким, чем предусмотрено в санкции (ст. 64 УК РФ). Отмеченные моменты свидетельствуют о том, что усиление санкций само по себе еще не означает необходимость ужесточения уголовной репрессии. Полагаем, что такое усиление в основном «вкладывается» в содержание одного из неотъемлемых признаков преступления – «наказуемость», и способно внести вклад в рост так называемой потенциальной ответственности граждан и повышение эффективности общепреventивного воздействия уголовного закона.

Так, в 2007 г. в гор. Иваново двое скинхедов напали на председателя ивановской еврейской общины Эрвина Кирштейна и молодого раввина из Канады Цви Хершковича, избили их, угрожали убийством.

Нападение было совершено в центре гор. Иваново, когда Кирштейн знакомил с городом раввина Хершковича, выбиравшего в России место для постоянного служения. Вместе с ними был еще один молодой член общины, жена раввина с восьмилетней дочерью. Начав с антисемитских выкриков (Кирштейн и Хершкович были в национальных головных уборах), виновные, находясь в состоянии алкогольного опьянения, затем ударили по голове 70-летнего Кирштейна пивной бутылкой так, что та разбилась, стали избивать его и второго члена общины. Размахивая ножом, угрожали им убийством, несколько раз выстрелили из устройства самозащиты в сторону Хершковича. Один из посторонних граждан пытался помешать нападению и отобрать нож у нападавших, но ему был

---

¹ Цит. по: *Выжуртович В.* Слово и нож // Российская газета. 2008. 29 февраля.

нанесен глубокий порез. Нападавшие не успели скрыться, и были задержаны милицией.

Задержанные, Новиков Иван и Новиков Сергей, оба 1986 г. рождения, первый из них – студент исторического факультета ИвГУ, второй – безработный.

Во время следствия Новиков Иван глубоко раскаялся в содеянном и по ходатайству еврейской общины был освобожден из СИЗО. Позже он побывал в еврейском общинном доме, ознакомился с имевшейся там литературой, подготовил доклад о сущности сионизма и выступил с ним на «круглом столе», посвященном 60-летию решения ООН о создании государства Израиль.

Второй же виновный, Новиков Сергей, особого сожаления относительно своего противоправного поведения не выразил. Учитывая более активную роль Сергея Новикова в совершенном преступлении (именно он угрожал ножом, ударил Кирштейна бутылкой по голове), последствия содеянного и личность виновного, суд, признав его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 282, 213 и 112 УК РФ, приговорил к четырем годам лишения свободы в колонии общего режима, обязав выплатить потерпевшим 120 тысяч рублей¹.

Приведенный пример свидетельствует о том, что строгость наказания во многом зависит от самого виновного, в том числе от его послепреступного поведения, что также подтверждает и наши доводы относительно особенностей назначения лишения свободы несовершеннолетним, совершившим преступления экстремистской направленности.

Отмеченное состояние опьянения виновных для совершения преступлений экстремистской направленности, как, впрочем, для насильственных преступлений в целом, является характерным. Согласно проведенным исследованиям 200 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, подавляющее число данных уголовно наказуемых деяний (около 70 %) совершается в состоянии алкогольного опьянения. Соответственно, при расследовании и рассмотрении в суде таких уголовных дел необходимо учитывать положение ст. 23 УК РФ, согласно которому лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванного упот-

---

¹ См.: *Ветошкин С. С бритой головы на здоровую* // Российская газета. 2008. 6 марта.

реблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности, причем на равных основаниях. В отличие от п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г., ст. 63 УК РФ 1996 г. не предусматривает состояние опьянения в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, что вызывает критику со стороны отдельных ученых¹. Полагаем, что в настоящее время назрела необходимость возвращения к усилению ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Однако это следует осуществить не избирательно, как это было сделано в ст. 264 УК РФ, а на уровне ч. 1 ст. 63 УК РФ, распространяющей свое действие на все уголовно наказуемые деяния.

Как уже упоминалось в предыдущем изложении, субъектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности (ч. 4 ст. 150 УК РФ) является лицо, достигшее повышенного возраста уголовной ответственности – 18 лет и старше.

В п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ в качестве квалифицирующего признака соответствующих деяний указано их совершение лицом с использованием своего служебного положения. Данный признак подразумевает то, что субъект преступления должен характеризоваться помимо общих, еще и дополнительным признаком, то есть, как уже отмечалось ранее, является специальным. В качестве субъекта преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 280 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ, могут выступать должностные лица, государственные служащие либо служащие органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой либо иной организации. При отнесении виновного к субъекту квалифицированного вида рассматриваемых преступлений необходимо руководствоваться примечаниями к ст. 201, 285 и 318 УК РФ. Отметим, что такие лица должны не просто осуществлять объективную сторону данных преступлений, но еще и использовать при этом принадлежащие им полномочия, круг которых определяется в фе-

---

¹ См.: Зарубин В.И. Уголовная ответственность за хулиганство: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2001. С. 162.

деральных законах¹, подзаконных нормативных правовых актах, а также в служебных инструкциях, контрактах (трудовых договорах).

Применительно к организации экстремистского сообщества и деятельности экстремистской организации следует учитывать, что констатация соответствующих составов преступлений возможна при наличии того или иного объединения, то есть множественности лиц его образующих как минимум, двух. Однако, по нашему мнению, это не может служить доводом в пользу признания субъектом данных уголовно наказуемых деяний некой совокупности физических лиц. Следуя принципам законности, вины и справедливости, общим положениям о лице, именуемом субъектом преступления, а также поддерживаемому в теории уголовного права постулату о присущей последнему личной ответственности, подчеркнем, что в качестве субъекта в основных составах преступлений, предусмотренных ст. 282¹ и 282² УК РФ, выступает физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Заканчивая рассмотрение признаков субъекта преступлений экстремистской направленности, отметим, что при опубликовании материалов о таких деяниях в средствах массовой информации целесообразно ограничиваться лишь указанием на возраст и число задержанных, а лучше – осужденных лиц, без подчеркивания их расовой, национальной, религиозной либо иной принадлежности.

Данное замечание связано с тем, что в средствах массовой информации стало привычным выделение указанной принадлежности лиц, обвиняемых в совершении преступлений, причем с явным либо скрытым выражением негативного к ним отношения. Такие публикации встречаются даже в официальных изданиях. Например, А. Бондаренко, комментируя судебное разбирательство по громкому делу об убийстве, совершенном в ходе конфликта в дорожной

---

¹ См., например: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822; Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215; Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 50. Ст. 5245.

пробке во Владивостоке в октябре 2006 г., отмечает, что «масла в огонь подливает тот факт, что Немат Гамидов является гостем в приморской столице. Уроженец Азербайджана, столь нагло поведший себя в чужой стране и получивший в результате за тяжкое преступление несравнимо мягкое наказание, спровоцировал новые разногласия между национальными диаспорами и коренными россиянами»¹. Относительно этой ситуации не лучшим образом высказался и популярный писатель С. Лукьяненко: «В данном случае я вижу межкультурный конфликт: то, что для русского просто грубое высказывание, для человека с мусульманским менталитетом – повод, чтобы убить обидчика»².

Согласно изучению публикаций популярных российских газет, проведенному В. Бурковской, «в прессе доминирует представление о мигранте как о человеке агрессивном, несущем угрозу экономическому благосостоянию «коренных» жителей, чье появление в городе влечет за собой различные проблемы: эпидемию, наркоманию, рост преступности и т.д.»³. Отмеченное обстоятельство, по мнению отдельных социологов, позволяет утверждать о формировании средствами массовой информации негативного образа этнического иммигранта⁴.

Представляется, что подобного рода публикации еще более нагнетают ненависть и вражду между социальными группами, различающимися по различным признакам, а следовательно, являются недопустимыми.

Под субъективной стороной, как элементом состава преступления, понимается «совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическое отношение лица к совершенному деянию, содержащему данный состав»⁵.

---

¹ См.: *Бондаренко А.* Смерть в пробке // Российская газета. 2008. 11 января.

² Цит. по: *Позиция писателя* // Российская газета. 2008. 11 января.

³ См.: *Бурковская В.* Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»: старые проблемы // Уголовное право. 2004. С. 12.

⁴ См.: *Титов В.Н.* О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 42.

⁵ См.: *Гаухман Л.Д.* Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект) : Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. С. 7.

Содержание субъективной стороны состава преступления в теории уголовного права раскрывается с помощью таких признаков, как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние¹. При этом вина является обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, а мотив, цель и эмоциональное состояние выступают в качестве ее факультативных признаков, приобретающих статус обязательных, как правило, при их наличии в диспозиции конкретной статьи УК.

Все преступления экстремистской направленности могут быть совершены только с умышленной формой вины. Определение умысла, закрепленное в ст. 25 УК РФ, касается только преступлений с материальными составами, к которым следует отнести составы таких уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности, как убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112 и п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ) и истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Формальными составами преступлений являются составы угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ), хулиганства (п. «б» ч. 1, ч. 2 ст. 213 УК РФ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и организации деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ). Составы преступлений вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ) и надругательства над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) являются формально-материальными. В ст. 282¹ УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества содержатся усеченные составы преступлений.

Нами поддерживается господствующая позиция, согласно которой вина во всех преступлениях с формальным составом может характеризоваться только прямым умыслом. Применительно к формальным составам определение прямого умысла усечено², то есть «объективным признаком, воплощающим общественную опасность преступного деяния, является общественно опасное действие и без-

---

¹ См.: *Иванов В.Д., Мазуков С.Х.* Субъективная сторона преступления. – Ростов-на-Дону: Булат, 1999. С. 4.

² См.: *Гаухман Л.Д.* Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект) : Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992. С. 27.

действие. Поэтому форма вины определяется характером интеллектуального и волевого отношения к этому признаку»¹. Данное положение в полной мере можно отнести и к умыслу в преступлениях с усеченным составом.

В преступлениях же с материальным составом прямой умысел включает осознание виновным общественной опасности своего деяния, предвидение возможности или неизбежности его общественно опасных последствий и желание наступления последних.

При характеристике умысла применительно к составу конкретного преступления необходимо учитывать его содержание, определяемое, в основном, за счет анализа признаков объекта и объективной стороны соответствующего уголовно наказуемого деяния. Так, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 150 УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что «судам следует иметь в виду, что к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть привлечены лица, достигшие 18-летнего возраста и совершившие преступление умышленно. Следует также устанавливать, осознавал ли взрослый либо допускал, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления. Если взрослый не знал о несовершеннолетии лица, вовлеченного им в совершение преступления, он не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ»². Отметим, что состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, является формальным, что указывает на возможность совершения деяния только с прямым умыслом. Соответственно, виновный должен, во-первых, осознавать общественную опасность своего действия (своих действий), в том числе возраст вовлекаемого лица (младше 18 лет), характер преступления, в которое вовлекается несовершеннолетний, и, во-вторых, желать совершить именно такое деяние. Поэтому считаем недопустимым при раскрытии субъективной стороны данного преступления использовать словосочетание «осознавал либо

---

¹ См.: *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве : Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1980. С. 14.

² Абзац второй п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.

допускал» как не относящееся к прямому, причем к определенному (конкретизированному), умыслу.

Для преступлений экстремистской направленности с материальным составом существенным представляется вопрос о возможности их совершения не только с прямым, но и с косвенным умыслом. При ответе на данный вопрос используем утверждение А.И. Рарога о том, что «перечисленные в законе специальные мотивы при совершении преступлений с материальным составом по общему правилу могут сочетаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Например, сочетание определенного мотива с неконкретизированным косвенным умыслом при убийстве или причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений, ...при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью по мотиву национальной вражды и т.д. В основе названных мотивов может лежать «потребность» виновного в расправе над потерпевшим. Средством удовлетворения этой «потребности» является сам процесс расправы, в ходе которой виновный предвидит и сознательно допускает причинение неопределенного по тяжести вреда»¹.

Анализ уголовных дел подтверждает то, что виновные, реализуя мотивы ненависти либо вражды, нередко не стремятся к определенным (конкретным) результатам (последствиям) и допускают причинение различного по степени тяжести вреда здоровью потерпевшего вплоть до лишения его жизни. Следовательно, преступления экстремистской направленности, имеющие материальный состав, с субъективной стороны могут характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом.

При этом если виновный действует с альтернативным умыслом, но по не зависящим от него причинам не достигает ни одного из двух возможных и одинаково им желаемых результатов, содеянное квалифицируется как покушение на причинение менее тяжкого из данных последствий.

Если же умыслом виновного охватывается возможность наступления самых различных последствий, в том числе отсутствие та-

---

¹ См.: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : Практическое пособие. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 109.

ковых, то совершенное при таких условиях деяние квалифицируется с учетом фактически наступивших последствий¹.

При рассмотрении субъективной стороны преступлений экстремистской направленности большое значение принимает определение мотива содеянного, под которым следует понимать «обусловленные потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется при его совершении»².

В теории уголовного права выделяются два условия отнесения мотива к обязательным признакам субъективной стороны конкретных составов преступлений: 1) указание на мотив непосредственно в тексте диспозиции статьи Особенной части УК РФ; 2) необходимость наличия мотива следует из юридической природы конкретного состава и определяется путем сопоставления данной нормы с другими нормами Особенной части УК РФ³.

Мотив определяет цель деяния, а вместе они служат основой, на которой формируется вина⁴, указывают на направленность умысла. Соответственно, преступления экстремистской направленности характеризуются тем, что умысел при их осуществлении направлен, прежде всего, на проявление политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно такого же отношения к какой-либо социальной группе, причем совершение при этом насильственных и иных действий является лишь способом такого проявления.

При рассмотрении понятия преступлений экстремистской направленности нами были проанализированы и мотивы таких уголовно наказуемых деяний. Подчеркнем, что сущность, основу экстремистской направленности составляют ненависть либо вражда виновных в отношении представителей социальных групп либо та-

---

¹ См.: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 155.

² Российское уголовное право. Общая часть : Учебник. – М.: Спарк, 1997. С. 134.

³ См. подробнее: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 165; *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001. С. 102.

⁴ См.: *Векленко С.В.* Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством : Лекция. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 1999. С. 41.

ких групп в целом, разделяемых между собой по признакам определенной политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной либо иной принадлежности.

Экстремистская направленность преступлений предполагает выходящее за рамки допустимого в обществе негативное отношение к определенным социальным группам и (или) их представителям, основанное на ненависти либо вражде к данным группам и соответствующим индивидам. При этом вражда всегда означает готовность лица к деструктивным действиям, а ненависть лишь предполагает такую возможность. Следовательно, когда лицо, ненавидя кого-либо, готово перейти к активным действиям против соответствующего объекта, можно вести речь о возникновении вражды по отношению к последнему.

При анализе мотивов преступлений экстремистской направленности следует учитывать, что данным деянием, в первую очередь, присущи *политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная* ненависть или вражда. Остановимся на толковании каждого из прилагательных, характеризующих ненависть либо вражду.

Слово «идеология», служащее основой для прилагательного «идеологический», раскрывается как система взглядов, идей, характеризующих какую-либо социальную группу, класс, политическую партию, общество¹. Как видим, идеология – это не какой-либо отдельный взгляд или идея, а система последних, причем присущих не одному индивиду, а определенной общности людей. По нашему мнению, указание на идеологическую ненависть либо вражду, имеющееся в законодательном определении преступлений экстремистской направленности и соответствующегоотягчающего обстоятельства, является необоснованным, способным привести к излишне широкому применению уголовного закона, в том числе преследованию за идеологические разногласия между социальными группами и (или) их отдельными представителями.

Прилагательное «расовый» происходит от слова «раса», обозначающего исторически сложившуюся группу человечества, объединенную общностью наследственных физических признаков (цветом кожи, глаз, волос, формой черепа и др.), обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения². При

---

¹ См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 236.

² Там же. С. 657.

этом в человеческом обществе выделяют три расы: европеоидная, монголоидная и негроидная. Отметим, что процессы глобализации, особенно ощутимые в последние десятилетия, с неизбежностью повлияли на смешение рас и, как следствие, расовых признаков. Вместе с тем отличающийся цвет кожи как один из таких признаков, кстати, не всегда однозначно указывающий на принадлежность к определенной расе, в первую очередь предопределяет выбор потенциальных потерпевших. Поэтому считаем целесообразным и даже необходимым дополнить законодательное определение преступлений экстремистской направленности указанием на отличающийся цвет кожи представителей ненавистных для виновных социальных групп.

Прилагательное «национальный» является производным от слова «нация», может обозначать что-либо характерное для той или иной нации, свойственное именно ей (национальная культура, национальный костюм и т.д.), а равно выступать синонимом прилагательного «государственный». Слово «нация» раскрывается в двух значениях: 1) исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика; 2) в некоторых сочетаниях: страна, государство (Организация Объединенных Наций)¹.

Слово «религия» составляет основу прилагательного «религиозный» и понимается в трех значениях: 1) одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения; 2) одно из направлений такого общественного сознания (например, мировые религии – буддизм, ислам и христианство); 3) в переносном смысле – сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-нибудь идее, принципу, нравственному закону. Прилагательное «религиозный» также может обозначать верующего человека². Полагаем, что в контексте определения преступлений экстремистской направленности прилагательное «религиозный» следует понимать с учетом первого и второго значений слова «религия». Также отметим, что данное прилагательное предполагает

---

¹ См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 398.

² Там же. С. 675.

приверженность человека (группы людей) религии в целом либо, что чаще всего, конкретному направлению в ней, тогда как в современном обществе нередко встречается и отрицание либо равнодушное отношение к указанным формам и направлениям общественного сознания. Поэтому при определении преступлений экстремистской направленности более правильным, на наш взгляд, будет указать на отношение к религии, включающее и веру, и атеизм.

Рассмотрев содержание прилагательных «политический», «идеологический», «расовый», «национальный» и «религиозный», позволим себе утверждать, что каждое из них неотделимо от какого-либо из явлений, обозначаемых, соответственно, словами «политика», «идеология», «раса», «национальность» и «религия». Например, как указывалось ранее, прилагательное «национальный» обозначает что-либо характерное для определенной нации. Следовательно, по нашему мнению, данные прилагательные недопустимо использовать в сочетании со словами «ненависть» и «вражда», так как соответствующие побуждения характеризуют не какую-либо политику, идеологию, расу, национальность или религию, а психическое отношение к таковым.

Полагаем, что в законодательном определении преступлений экстремистской направленности и соответствующего отягчающего обстоятельства целесообразно указать на ненависть и вражду в отношении социальных групп по признакам национальности, расы, отношения к религии, обладания отличающимся цветом кожи их представителей.

При характеристике субъективной стороны рассматриваемых уголовно наказуемых деяний следует учитывать, что содержание умысла виновного в том или ином преступлении экстремистской направленности включает в себя желание совершить общественно опасное деяние именно в отношении указанных групп и (или) их представителей, а равно в связи с существованием последних. При этом виновный осознает, что в своем противоправном поведении он проявляет соответствующее ненависть либо вражду и желает ее продемонстрировать.

Ранее нами уже отмечалось, что в определении преступлений экстремистской направленности используется излишне широкое по объему и содержанию понятие, обозначаемое словосочетанием «социальная группа».

В социологии такая группа определяется как совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре разделения труда и деятельности. При этом подчеркивается, что понятие социальной группы является общесоциологическим, обобщающим существенные характеристики коллективных субъектов общественных отношений, образовавшихся в результате исторической дифференциации общества как единого целого на отдельные структурные составляющие¹.

Следовательно, под социальной группой принято понимать любую совокупность людей, выделенных по социально значимым критериям (признакам). «Социально значимыми признаками могут быть пол, возраст, национальность и раса, профессия, экономический или политический статус, религия, уровень образования, семейно-брачно-родственный статус, образ жизни, культура и язык, личностные качества, тип социального взаимодействия и социальных отношений, место жительства, а также группировка признаков дают нам огромное количество социальных групп, ведь к ним относятся также малые группы»².

А.И. Кравченко отмечает, что «совокупная численность человеческих групп на Земле превышает численность населения в 1,5–2 раза. Так, на планете проживает более 5 млрд. человек, а количество групп, по оценкам специалистов, доходит до 8–10 млрд. и все это возможно благодаря тому, что один индивид может состоять в 5–6 группах»³. По существу общество – это тоже социальная группа, но только самая большая из проживающих на данной территории⁴.

Простейшие, на первый взгляд, слова «принадлежность к социальной группе» таят в себе множество значений. Одни принадлежат, когда активно участвуют во всех сферах деятельности, той или иной социальной группы. Другие считают принадлежностью лишь то, что формально числятся в такой группе или организации. Таким образом, принадлежность – это целый континуум переход-

---

¹ См.: Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1995. С. 151.

² Цит. по: Кравченко А.И. Социология: Словарь : Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. С. 166.

³ Кравченко А.И. Указ. соч. С. 167.

⁴ Там же.

ных форм от активного взаимодействия до мысленного отождествления себя с социальной группой (то есть идентификация)¹.

Но можно выделить и еще одну разновидность принадлежности к определенной социальной группе, о которой человек иногда и не подозревает, к примеру, социологические исследования могут подразделить все общество на самые различные группы (неженатых мужчин, незамужних женщин и т.д.). Конечно же, в повседневной жизни мало кто задумывается, да и может вовсе не знает о том, что, оказывается, он принадлежит к одной из таких социальных групп. В рассматриваемом контексте термин «принадлежность» употребляется уже в ином, статистическом значении. Для конкретного человека такая принадлежность не является чем-то реальным. Определение данной принадлежности может иметь реальное значение для социолога, статистика, криминолога либо иного ученого.

«Таким образом, принадлежность может быть реальной, так или иначе осознаваемой и обозначаемой индивидом, а может быть не реальной, никак не осознаваемой, используемой учеными в качестве критерия классификации людей по категориям»².

С позиции квалификации того или иного деяния как преступления экстремистской направленности важно определить как реальную (осознаваемую), так и не реальную (не осознаваемую) принадлежность потерпевшего к конкретной социальной группе. Причем определяющее значение для юридической оценки деяния имеет отнесение потерпевшего к такой группе с позиции виновного.

Анализ уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности подтверждает, что в сознании лиц, совершающих такие деяния, человеческое общество делится (классифицируется) на составляющие его группы, к одной либо нескольким из которых виновные испытывают ненависть либо неприязнь. Как правило, данная классификация является до нельзя упрощенной, производимой по принципу «наши (свои) – не наши (не свои, чужие)», однако встречаются и попытки околонучного обоснования соответствующей ненависти либо вражды. При этом виновные не «забывают» и о себе, чаще всего считая себя принадлежащими к более «лучшей», с их точки зрения, социальной группе. Осознание данной принадлежности придает «смысл» не только совершению про-

---

¹ См.: *Кравченко А.И.* Указ. соч. С. 167.

² Там же. С. 168.

тивоправных деяний в отношении представителей ненавистной группы, но и нередко самой жизни виновного.

По нашему мнению, о наличии экстремистской направленности того или иного преступления может свидетельствовать альтернативно ряд объективных факторов:

а) совершение деяния в отношении лица, отличающегося от виновного по национальной или расовой принадлежности, идеологическим либо политическим предпочтениям, а также иным существенным признакам (например, по языку, цвету кожи), позволяющим отнести потерпевшего к определенной социальной группе;

б) совершение виновным деяния в отношении представителя «своей» социальной группы с имитацией причастности к содеянному кого-либо из ненавистной социальной группы с тем, чтобы вызвать ненависть либо вражду по отношению к последней;

в) публичность соответствующих действий (бездействия), проявляющаяся в процессе их совершения и (или) в постпреступной деятельности (например, видеозапись акта насилия с последующим ее размещением в Интернете, пропаганда экстремистской деятельности с приведением фактов ранее совершенных насильственных действий на почве национальной ненависти и т.д.);

г) отсутствие спровоцированности деяния виновным поведением потерпевшего, исключаящим выбор жертвы посягательства по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе (например, причинение вреда здоровью в ответ на оскорбление свидетельствует о наличии личной неприязни, а не мотивов экстремистского толка).

На экстремистскую направленность деяния может указывать как сочетание отмеченных факторов, так и один из них. При этом последний из указанных факторов подлежит установлению в каждом случае обращения к статье УК РФ, содержащей указание на экстремистскую направленность деяния. Окончательный же вывод о наличии данной направленности можно сделать лишь после исследования всех юридически значимых признаков содеянного. Так, при насильственных действиях виновного в отношении знакомых ему лиц необходимо удостовериться в том, что мотивы личного характера либо отсутствуют, либо играют подчиненную роль относительно ненависти или вражды к определенным социальным группам либо их представителям.

Подчеркнем, что фактическое отличие потерпевшего от виновного по какому-либо существенному признаку, вызывающему у последнего ненависть либо вражду, не является определяющим фактором, свидетельствующим об экстремистской направленности преступления. Например, по одному из уголовных дел было установлено, что виновные на улице напали на женщину и мужчину, приставили каждому из потерпевших нож к горлу, сказав в отношении последнего из потерпевших следующую фразу: «Ну что, «жида черная», отрезать тебе голову?» Мужчину избили, ударили ножом. При этом суд квалифицировал действия виновных как хулиганство, совершенное по мотивам национальной ненависти, несмотря на то, что потерпевший оказался русским по национальности и пытался в момент посягательства убедить нападавших в том, что он «свой». «Но это ничуть их не отрезвило. Главным для них было то, что волосы у него – черные, а нос – с горбинкой»¹.

Представляется, что в приведенном примере наглядно продемонстрировано, что преступления экстремистской направленности совершаются на основе уже сформировавшихся в психике виновных побуждений, когда деяние являет собой внешнее проявление последних. При этом для виновных важно найти выход для накопившихся у них ненависти либо вражды, показать своим поведением резко негативное отношение к каким-либо социальным группам и (или) их представителям, причем потенциальным потерпевшим может стать любой, кто хотя бы в общих чертах похож на объект ненависти либо вражды.

Приведем пример сочетания большинства из указанных факторов, свидетельствующих об экстремистской направленности действий виновных. Осужденные члены группы московских скинхедов (возраст от 15 до 17 лет), которой руководили студенты столичных вузов А. Рыно и П. Скачевский, совершили множество убийств и иных насильственных преступлений, выбирая своих жертв на улицах из числа прохожих с «ярко выраженной неславянской внешностью». В данной группе участвовала и одна девушка, снимавшая совершаемые убийства на видеокамеру, после чего видеоролики размещались в Интернете. По версии следствия, указанная группа в течение одного года совершила 32 нападения на приезжих с Кавка-

---

¹ Цит. по: *Коряков А.* Провинциальный экстремизм // *Российская газета.* 2008. 24 октября.

за и Азии. Один из организаторов данной группы, А. Рыно, давая показания, признался в совершении 37 убийств. Все участники преступной группы бравировали своей принадлежностью к «бритоголовым», называли себя приверженцами национал-патриотизма, а своим кредо – «бить всех нерусских»¹.

Ранее уже отмечалось, что потерпевшим от преступления экстремистской направленности может стать и представитель основной для того или иного региона национальности, расы, религии. При этом поведение виновных характеризуется теми же объективными факторами, свидетельствующими о мотивах ненависти или вражды.

Например, осужденные и скрывшиеся от правосудия участники группы молодых азербайджанцев совершили ряд действий экстремистской направленности в Москве. В том числе ими осуществлено нападение на первых попавшихся им «под руку» пассажиров московского метро, отличавшихся от них своей выраженной «славянской внешностью». Данная группа состояла не менее чем из 20 человек, что подтверждает видеосъемка нападения, сделанная с помощью камеры мобильного телефона одним из них и приобретенная позже к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Видеозапись была выставлена виновными на обозрение в Интернете.

Как уже отмечалось, виновные в ходе совершаемого ими насильственного посягательства выкрикивали лозунги, свидетельствующие о ненависти и вражде к представителям русской национальности, называли потерпевших «русскими свиньями», а после нападения убежали с криками «Аллах Акбар». На станции метро «Парк Победы» эта же группа с криками бегала по перрону, а один из них размахивал пистолетом, пугая людей.

Сотрудникам правоохранительных органов удалось установить только семерых из данной группы. В зале судебного заседания подсудимые вели себя «самоуверенно и даже нагло. Похоже они не испытывают никакого раскаяния. Также держатся их молодые родственники в коридорах и в зале суда»².

---

¹ См.: Федосенко В. Нашествие бритоголовых в суд // Российская газета. 2008. 22 июля.

² См.: Федосенко В. Кто ответит за «свиней» // Российская газета. 2009. 30 июня.

По словам официального представителя ГУВД Москвы, в столице «существуют законспирированные банды выходцев с Кавказа, организованных по образу и подобию скинхедовских. Их члены нападают на людей славянской внешности. Свои акции они снимают на видео, кричат: «Режь русских». Одну из таких банд под названием «Черные ястребы» столичным милиционерам удалось обезвредить летом 2008 г.»¹. Участники этой группы в течение нескольких месяцев «третировали» студентов МГУ, запугивая и избивая их, разъезжали на автомашинах с чеченскими флагами с надписями «Аллах Акбар!», «Чечня – центр Вселенной!» около станции метро «Университет»².

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу нашего тезиса о том, что ненависть или вражда сами по себе не носят национальный, расовый либо религиозный характер, то есть не присущи какой-либо отдельной нации, расе или религии, а могут испытываться по отношению к кому-либо с учетом принадлежности к таковым. То есть на ненависть либо вражду недопустимо навешивать ярлыки с узнаваемыми признаками определенной национальности, расы и т.д.

Предупреждая возможные сомнения и дискуссии относительно второго из указанных факторов, позволяющего утверждать об экстремистской направленности преступления в случаях, когда деяние внешне направлено против представителей «своей» социальной группы с намерением вызвать ненависть либо вражду к предполагаемым виновным, остановимся на примере осуждения 20-летнего жителя Волгодонска по ст. 282 УК РФ за возбуждение национальной ненависти и вражды, совершенное при следующих обстоятельствах.

В 2007 г. данный осужденный, учащийся волгодонского лицея, используя купленные на чужое имя сим-карты, разослал со своего мобильного телефона sms-сообщения 400 случайным абонентам. По результатам лингвистической экспертизы разосланные сообщения «возбуждают межнациональную вражду, рознь и ненависть, поскольку содержат указание на национальность и призыв к убийству представителей русской национальности, что может спровоцировать экстремистские действия по отношению к представите-

---

¹ См.: Федосенко В. Кто ответит за «свиней» // Российская газета. 2009. 30 июня.

² См.: «Орлы» целевого набора // Комсомольская правда. 2009. 30 июля – 6 августа.

лям нерусских национальностей». По мнению органов дознания, таким образом, виновный желал спровоцировать в своем городе национальное противостояние, сходное с тем, что случилось до этого в Кондопоге, а также в Сальске Ростовской области¹.

Итак, повторимся, на экстремистскую направленность деяния может указывать один либо несколько из указанных нами факторов, причем неоспоримость данной направленности может быть достигнута при доказанности ведущей, главенствующей роли мотивов ненависти либо вражды в отношении той или иной социальной группы и (или) их представителей по рассмотренным ранее признакам.

Отдельными учеными отмечается, что относительно мотивов деяний, в том числе преступлений экстремистской направленности, можно делать определенные выводы только «по расследованным и рассмотренным судами уголовным делам. По нераскрытым преступлениям и другим, подозреваемый и обвиняемый по которым не установлены, вообще нельзя судить о мотивах поведения субъекта преступления. В других случаях, до принятия окончательных уголовно-процессуальных решений, выводы о мотивах могут носить лишь предварительный характер и корректироваться в дальнейшем. В частности, это нередко бывает при рассмотрении дел о соответствующих преступлениях судами с участием присяжных заседателей»². Позволим себе не согласиться с невозможностью точной оценки экстремистской направленности деяния до установления личности виновного и якобы необходимого полного судебного рассмотрения дела и осуждения данного лица.

Как уже указывалось нами ранее, мотивы деяния неизбежно находят свое отражение в объективных моментах (фактах, факторах) совершаемого деяния, наличие которых, особенно их сочетание следует учитывать при юридической оценке преступления. Данное утверждение основано на положениях теории психологии, согласно которым «поведение ... представляет собою единство внешнего и внутреннего, так же как, с другой стороны, всякий внутренний процесс в определенности своего предметно-смыслового содержания

---

¹ См.: *Давыденко В.* Провокатор на мобильнике // Российская газета. 2008. 25 июля.

² См.: Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : Методическое пособие / Под ред. *А.И. Долговой.* – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 35.

представляет собой единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного»¹. Например, если выкрики и поведение виновного, избившего потерпевшего, явно свидетельствовали о его стремлении продемонстрировать ненависть либо вражду к представителям определенной национальности, то квалификация содеянного должна учитывать именно такие побуждения, предопределяющие экстремистскую направленность преступления.

При наличии противоречивых, неточных данных, в том числе при сочетании в психике виновного двух либо более побуждений, квалификация преступления может изменяться в ходе расследования и последующего рассмотрения дела в суде с учетом всех признаков деяния, в первую очередь, основного мотива последнего, а также необходимости толкования всех неустраняемых сомнений в пользу обвиняемого.

Ранее нами отмечалось, что для подтверждения экстремистской направленности общественно опасных действий на практике нередко назначают различные виды экспертиз. Вместе с тем при этом необходимо учитывать взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 57 и ч. 1 и 2 ст. 195 УПК РФ, толкование которых приводит к выводу, что экспертиза назначается только в случаях, когда для установления какого-либо обстоятельства дела требуется помощь лица, обладающего специальными знаниями. Следовательно, если характер действий виновного очевидно и однозначно указывает на проявляемые им мотивы, присущие преступлениям экстремистской направленности, то назначение экспертизы по данному обстоятельству является излишним.

Например, в феврале 2009 г. в Санкт-Петербурге на школьника Тагира Керимова с товарищем напала группа из 25–30 молодых людей. «С криками «Убивай хача, мочи хача!», «Бей черных, бей хачей!», «Россия для русских!» они повалили Керимова на землю и стали избивать его ногами.

От неминуемой смерти спас его друг, Сулейман Рамазанов. Он своим телом закрыл лежащего без сознания Керимова и стал кричать, что тот уже не дышит. Только после этого напавшие убежали. С тяжелейшими травмами головы юношу доставили в ... больницу. ... Несколько месяцев Керимов был в коме, но врачи смогли его спасти.

---

¹ См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. С. 24.

Спустя сутки после нападения на школьников по подозрению в этом преступлении были арестованы пять человек: Панин, Коробчук, а также братья Александр и Андрей Андрияновы. Некоторые из них несовершеннолетние»¹.

Анализ данной ситуации, на наш взгляд, очевидно и однозначно указывает на то, что виновные проявили в своих насильственных действиях мотив вражды с учетом национального признака потерпевших, то есть побуждение, свойственное преступлениям экстремистской направленности. Единственное, что здесь должно было быть разъяснено для объективного разрешения дела – смысловое содержание слова «хач», к сожалению, для подавляющего большинства членов нашего общества и без того знакомое и абсолютно ясное. Для такого разъяснения вполне достаточно показаний специалиста². Вместе с тем ход дальнейшего расследования данного уголовного дела может вызвать, по меньшей мере, недоумение.

Указанное преступление первоначально было квалифицировано как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное из хулиганских побуждений. Затем юридическая оценка содеянного трансформировалась в покушение на убийство, совершенное по мотиву национальной ненависти, и дело было передано по подследственности в Управление Следственного комитета при Прокуратуре России.

По данному делу была назначена психолингвистическая экспертиза, порученная сотруднику Центра судебных экспертиз Елене Кирюхиной. Эксперт не усмотрел экстремистского содержания в лозунгах «Россия для русских!», «Бей хача!» и «Крысам – крысячья смерть». В своем 10-страничном заключении Е. Кирюхина, в частности, отметила, что эти лозунги могут как иметь, так и не иметь ксенофобской направленности, что зависит от контекста.

С учетом отмеченного заключения эксперта чуть не было принято решение о возвращении уголовного дела в ОВД, но положения данного документа вызвали возмущение адвоката потерпевшего, а также критические высказывания других экспертов и интерес средств массовой информации, что привлекло к расследованию внимание общественности и «особый контроль» руководства След-

---

¹ См.: Богданов В. Убийственный призыв // Российская газета. 2009. 1 сентября.

² См.: Часть 1 ст. 58 и ч. 4 ст. 80 УПК РФ.

ственного комитета при Прокуратуре России. Кроме того, сама Е. Кирюхина «поспешила заявить, что более четкого заключения она составить попросту не имела возможности из-за неоднозначности»¹.

Полагаем, что указанная ошибка в первоначальной квалификации деяния, а также неоднозначный подход к доказыванию мотива последнего во многом обусловлены отсутствием официального разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, основанного на изучении и обобщении судебной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности.

На основе анализа уголовных дел и отмеченной выше ситуации считаем, что на сегодняшний день одной из наиболее сложных проблем квалификации преступлений экстремистской направленности является вопрос о возможности сочетания в таких деяниях так называемых «экстремистских» побуждений с другими мотивами. Для правильного ответа на данный вопрос остановимся на анализе мотива (мотивов) хулиганства.

В настоящее время диспозиция ч. 1 ст. 213 УК РФ изложена в следующей редакции:

«1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

- а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;
- б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы...»².

Нетрудно заметить, что указание на внешнюю форму проявления хулиганского мотива (выражение явного неуважения к обществу) рассматриваемого преступления дано в первом абзаце его законодательного определения, являющемся общим для приводимых далее видов хулиганства. Следовательно, данное преступление, в какой бы внешней форме оно ни выражалось, должно быть совершено из хулиганских побуждений, что порождает вопрос о соотношении

---

¹ См.: *Богданов В.* Указ. соч.

² См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.

последних с мотивами иного характера, правильный ответ на который имеет большое значение для квалификации содеянного.

Считаем, что деяние следует квалифицировать именно с учетом основного, главного мотива, выступившего внутренней движущей силой, сформировавшей стремление виновного совершить преступление. Соответственно, все иные побуждения виновного лишь сопутствуют такому ведущему мотиву, пусть укрепляя и подпитывая решимость на осуществление преступного умысла, но не исполняют главную роль, и не должны влиять на юридическую оценку содеянного. Если же не выделять основной мотив деяния, а разложить преступную мотивацию на отдельные побуждения и осуществить квалификацию с равноценным учетом каждого из них, это может привести к необоснованному осуждению человека за два и более преступления вместо одного, фактически совершенного. Соблазн именно такой юридической оценки деяния на практике может обуславливаться желанием искусственно повысить раскрываемость преступлений либо (и) упростить процесс доказывания по уголовному делу.

Еще раз подчеркнем, что деяние следует квалифицировать по его основному мотиву, а для хулиганства таковым является «вызванное очевидно незначительным внешним поводом или вовсе при отсутствии такового стремление виновного продемонстрировать свое пренебрежение к общепринятым нормам поведения, к правам и интересам других лиц»¹.

Соответственно, недопустимо при юридической оценке деяния учитывать одновременно хулиганские и какие-либо иные побуждения, так как содеянное подлежит квалификации по статье УК РФ, предусматривающей мотив, «в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения»². Если в качестве определяющего поведение виновного мотива выступали хулиганские побуждения, то было бы неправильным относить такое деяние к преступлениям экстремистской направленности в случаях, когда идеологическая, религиозная ненависть либо вражда, а равно ненависть

---

¹ См.: *Борисов С.В.* Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. ... к. ю. н. – М., 2005. С. 133.

² См.: *Волков Б.С.* Мотив и квалификация преступления. – Казань, 1968. С. 29; Также см.: *Бородин С.В.* Вопросы квалификации убийства из хулиганских побуждений // Советская юстиция. 1971. № 23. С. 18–19.

или вражда в отношении какой-либо социальной группы, пусть даже и сопутствовали указанным побуждениям, но тем не менее не явились непосредственной причиной совершения уголовно наказуемого деяния. Обратная же ситуация, а именно избрание виновным за основу своего деяния экстремистских мотивов исключает квалификацию содеянного как хулиганства. Следовательно, имеющееся в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ указание на мотив, присущий преступлениям экстремистской направленности, является, на наш взгляд, необоснованным и подлежащим исключению.

Для более детального сопоставления экстремистских и хулиганских побуждений изложим объективные факторы (факты), указывающие на проявление последних в совершенном деянии:

- а) совершение действий в общественном месте;
- б) совершение деяния хотя и не в общественном месте в его привычном понимании, но в условиях очевидности для других людей (например, в туристическом лагере в лесу);
- в) осуществление посягательства в безлюдном месте, но в отношении постороннего гражданина, являющегося для виновного лица лишь одним из представителей общества, то есть не персонифицировано;
- г) отсутствие спровоцированности деяния виновного поведением потерпевшего, осуществление преступления при отсутствии внешнего повода либо при его очевидной незначительности.

Сопоставление данных обстоятельств с ранее изложенными факторами, указывающими на экстремистские побуждения, позволяет сделать вывод, что наиболее существенным отличием хулиганских проявлений является отсутствие избирательности действий, так как личность потерпевшего и его принадлежность к определенной социальной группе не имеют для виновного никакого значения. Через свои хулиганские действия виновный желает грубо нарушить общественный порядок, продемонстрировать свое неуважение к обществу в целом, а не к его отдельным составляющим.

Предупреждая возможные доводы ученых о том, что ненависть либо вражда, указанные в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, представляют собой частный (специальный) случай проявления хулиганских побуждений, приведем следующие контраргументы.

Во-первых, в основе определения хулиганских побуждений сам Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает на отсутствие либо незначительность повода, используемого винов-

ным для совершения преступления¹. Совершение же противоправных действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы предполагает избирательность поведения виновного и использование им конкретного повода, который вряд ли можно признать незначительным.

Во-вторых, во всех статьях Особенной части УК РФ, одновременно предусматривающих указание на хулиганские и экстремистские мотивы деяния, данные побуждения используются в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков соответствующего состава преступления. Кроме того, указанные виды мотивов расцениваются законодателем в качестве равнозначных по их уголовно-правовому значению, однако не находящихся в отношении соподчинения или взаимопоглощения.

Отметим, что в самом законодательном определении преступлений экстремистской направленности предусмотрено сочетание двух сходных, но различающихся между собой побуждений: ненависти и вражды. В диспозиции же ч. 1 ст. 213 УК РФ данное сочетание дополнено еще одним мотивом, имеющим сложный характер и заключающимся в хулиганских побуждениях. При этом если в любом другом преступлении экстремистской направленности обязательным является мотив ненависти либо мотив вражды, а равно их сочетание, то в хулиганстве, предусмотренном п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, неотъемлемым мотивом, в первую очередь, выступает хулиганский мотив, который по мысли законодателя неизменно должен быть связан хотя бы с одним «экстремистским» побуждением. Следовательно, в таком хулиганстве виновный должен стремиться грубо нарушить общественный порядок, выразить явное неуважение к обществу, не имея для этого существенного повода, и одновременно испытывать ненависть либо вражду к какой-либо социальной группе и (или) ее представителям в связи с их национальной или расовой принадлежностью, идеологией, отношением к религии, а равно иным отличительным признаком.

---

¹ См.: Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.

Считаем, что приведенное сочетание мотивов невозможно, так как они взаимно исключают друг друга. Преступлениям экстремистской направленности свойственны избирательность действий, наличие хотя бы маломальской идеологической платформы, от которой отталкиваются виновные, проявляя свои побуждения, а также стремление продемонстрировать свое резко негативное отношение не к обществу в целом, а применительно к отдельной его ч. (социальной группе). Виновные при этом могут полагать, что действуют на благо всего общества, относя себя к его основной и (либо) «лучшей» части, причем потерпевшим может стать не любой человек, а только обладатель тех или иных ненавистных признаков, отличающих его от других и относящих к какой-либо социальной группе.

В связи с приведенными аргументами против включения в ст. 213 УК РФ указания на, условно говоря, экстремистские мотивы, можно также сделать вывод о том, что применение оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, *de facto* продолжает оставаться обязательным признаком объективной стороны состава преступления хулиганства.

Последние замечания приводят к выводу о том, что квалификация хулиганства должна и в дальнейшем осуществляться в основном с учетом рекомендаций, разработанных в теории уголовного права относительно ст. 213 УК РФ в ее редакции до изменений и дополнений, внесенных в нее упомянутым ранее Федеральным законом от 27 июля 2007 г. Отмеченные же ранее противоречивые разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не должны учитываться при юридической оценке содеянного как не соответствующие букве и духу уголовного закона.

При установлении и доказывании признаков субъективной стороны преступлений экстремистской направленности необходимо выявить именно побудительные, а не смыслообразующие мотивы¹, исключить главенствующую роль мотивов иного характера, например конфликтных межличностных отношений, не допуская при этом возможности использования версий о побуждениях содеянного для разжигания национальной либо иной ненависти или

---

¹ См.: Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера. – СПб, 2006. С. 171.

вражды в отношении какой-либо социальной группы и (или) ее представителей¹.

Согласно критериям (признакам), приведенным А.И. Рарогом, мотивы преступлений экстремистской направленности следует относить к категории низменных побуждений. Данный автор отмечает, что «побуждения, которыми лицо руководствовалось при совершении преступления, можно считать низменными при условии, что законодатель рассматривает их как повышающие общественную опасность деяния»². Им также приводятся три случая, свидетельствующих о приобретении мотивами низменного характера: во-первых, когда с помощью мотива «конструируется *специальный состав* преступления, рассматриваемый по закону как более опасный, чем обладающий теми же объективными свойствами, но лишенный данного мотива»; во-вторых, если такому мотиву «придается значение *квалифицирующего признака конкретного преступления*»; в-третьих, «мотив следует признать низменным, если он включен в число обстоятельств, отягчающих наказание»³.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности присущие им мотивы относятся к числу низменных, так как они в большинстве случаев имеют квалифицирующее значение и, кроме того, предусмотрены в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Остановимся на значении для квалификации преступлений экстремистской направленности такого факультативного признака субъективной стороны, как цель деяния.

В теории уголовного права применительно к хулиганству отмечалось, что цель данного преступления следует определять только в уголовно-правовом смысле, то есть как желание лица проявить явное неуважение к обществу⁴. Данную позицию нельзя признать

---

¹ См.: Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: Методическое пособие / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 38.

² См.: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во «Прспект», 2006. С. 113.

³ Там же.

⁴ См.: Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юридическая литература, 1964. С. 81.

правильной, так как «необходимо отличать цель в качестве составной ч. «желания» как волевого момента прямого умысла от цели как самостоятельного признака субъективной стороны преступления. В первом случае цель является отражением объективной стороны, имеет материальное объективное воплощение в признаках последней, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК. Цель же как самостоятельный признак субъективной стороны преступления не имеет такого воплощения. Она характеризует психическое отношение виновного к последствиям, выходящим за пределы состава преступления, то есть к тем, которые не служат признаками данного конкретного состава, предусмотренными статьи Особенной части УК РФ»¹.

Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «если бы цель и последствие были бы одним и тем же, то не было бы никакой необходимости вводить специальную цель деяния в число признаков состава преступления. Цель *никогда* не совпадает с последствием и отделена от него во времени. Квалификация преступления определяется *постановкой* цели, а вовсе не ее реализацией. Именно *наличием* цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния»².

Соответственно, цель как самостоятельный признак субъективной стороны преступления всегда коррелирует с последствиями, лежащими вне рамок конкретного состава, но не с действиями, а выражение явного неуважения к обществу и грубое нарушение общественного порядка при хулиганстве являются социальными характеристиками именно деяния, причем предусмотренного в диспозиции ч. 1 либо 2 ст. 213 УК РФ. Желание выразить явное неуважение к обществу, а также грубо нарушить общественный порядок является составной частью волевого момента умысла при совершении хулиганства, но никоим образом не образует цель как самостоятельный признак субъективной стороны последнего. То же самое можно сказать, например, об убийстве, причинении того или иного вреда здоровью, где волевым моментом умысла может

---

¹ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 166.

² См.: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : Практическое пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. С. 115.

охватываться желание причинить другому человеку смерть либо соответствующий вред здоровью.

Относительно же преступлений экстремистской направленности в целом следует различать побуждения (мотивы) и возможные цели соответствующих деяний. Как уже отмечалось, мотив представляет собой осознанное побуждение, на основе которого формируется вина, а также могут возникать определенные цели как желаемые результаты совершаемых действий (бездействия). Мотивами преступлений экстремистской направленности выступают ненависть либо вражда, имеющие различные основания их возникновения, однако данные побуждения вовсе не означают, что в психике виновного одновременно наличествует цель возбуждения такой ненависти либо вражды в других людях. Совершая преступление экстремистской направленности, виновный желает проявить свое резко негативное отношение к представителям каких-либо социальных групп, и это желание входит в содержание волевого момента умысла, но не образует цель как самостоятельный признак субъективной стороны преступления.

Таким образом, субъект преступлений экстремистской направленности, как правило, является общим. Субъективная же сторона характеризуется только умышленной формой вины. Сущность же таких преступлений определяет их мотив, имеющий сложный характер и состоящий в двух альтернативных, взаимно дополняющих друг друга побуждениях – ненависти либо вражде по отношению к определенным социальным группам и (либо) их представителям в связи с такими отличительными признаками последних, как, например, национальность, раса, отношение к религии, приверженность определенной идеологии, направлению в политике.

Глава III.

Совершенствование законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности и практики его применения

§ 1. Разграничение преступлений экстремистской направленности

При юридической оценке преступлений экстремистской направленности большое значение имеет правильное разрешение вопросов разграничения данных уголовно наказуемых деяний между собой. Такое разграничение следует, в первую очередь, производить по объективным признакам соответствующих составов преступлений, так как субъект и субъективная сторона каждого из них, как правило, полностью идентичны, за исключением лишь отдельных нюансов, которые также будут рассмотрены в данном параграфе.

Последовательно остановимся на нескольких группах преступлений экстремистской направленности, выделяемых из общей системы таких деяний на основе общности их основного (первого обязательного) непосредственного объекта посягательства.

Во-первых, следует различать между собой преступления экстремистской направленности, посягающие на здоровье человека. К таким деяниям относятся: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ); побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Разграничение указанных преступлений в основном производится за счет сопоставления признаков их объективной стороны, в первую очередь – последствий соответствующих деяний, отличающихся между собой по степени тяжести причиняемого вреда здоровью человека. При этом учитываются фактические признаки совершенных деяний, уголовно-правовые определения соответствующих преступлений и результаты судебно-медицинских экспер-

тиз, опирающихся на медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека¹.

Необходимо учитывать, что в отличие от указанных преступлений, побои не причиняют вред здоровью человека, а вызывают физическую боль, определяемую не только и не столько за счет показаний потерпевшего, сколько на основе объективных изменений, фиксируемых на его теле.

Общественная опасность побоев определяется нарушением права человека на физическую (телесную) неприкосновенность – необходимое условие функционирования личности как биосоциального существа и реализации ее законных интересов. В качестве отличительной черты побоев от смежных составов преступлений, связанных с причинением вреда здоровью определенной тяжести, уголовный закон называет отсутствие последствий, предусмотренных в ст. 115 УК РФ. Это следует понимать в том смысле, что последствия насильственных действий виновного при побоях, а иногда и при истязании не должны вызвать кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Особенностью побоев является причинение физической боли, иногда без видимого (очевидного) причинения вреда здоровью человека, то есть без видимых повреждений.

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, истязание предполагает неоднократное совершение виновным акта побоев, причиняющих в совокупности особые мучения и страдания потерпевшему².

При разграничении же причинения легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью учитываются рассмотренные ранее признаки последствий, описанные в соответствующих уголовно-правовых нормах и Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека³.

---

¹ См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. *Н.Г. Кадникова*. – М., 2004. С. 275.

³ См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев

Отграничение убийства, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, от преступлений против здоровья не представляет каких-либо трудностей, так как умышленное причинение смерти выходит за рамки возможных последствий таких деяний. Если же сравнивать убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), то следует обратить внимание на различное отношение виновного к более тяжкому последствию: умысел по отношению к лишению жизни другого человека присущ именно убийству.

С точки зрения квалификации содеянного, немаловажным представляется правильное разрешение вопроса о соотношении побоев, совершенных на основе «экстремистских» побуждений, и самостоятельного преступления против основ конституционного строя – возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, совершенных с применением насилия (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ).

Применение насилия по смыслу п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ охватывает ограничение личной свободы, нанесение побоев, иное причинение физической боли, причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Причинение тяжкого вреда его здоровью либо смерти требует дополнительной квалификации по ст. 111 либо ст. 118, 105 либо 109 УК РФ. Совершение истязания с целью возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, также следует квалифицировать с учетом совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 282 и соответствующей частью ст. 117 УК РФ. При этом в данном случае п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ применяется только тогда, когда истязание не только было направлено на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, но и совершалось на основе уже имеющихся в психике виновного мотивов, характеризующих экстремистскую направленность деяния.

Последнее замечание следует учитывать и при квалификации побоев, умышленного причинения легкого либо средней тяжести вреда здоровью. Так, если виновный причиняет вред здоровью средней тяжести на основе, например, религиозной ненависти, но без цели возбуждения соответствующей ненависти у других людей,

---

определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. 5 сентября.

то содеянное квалифицируется по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ без учета ст. 282 этого УК. Обратная ситуация наблюдается, когда потерпевшему данный вред здоровью причиняется с целью возбуждения той же ненависти, однако виновный при этом руководствуется, скажем, корыстными побуждениями, что полностью охватывается п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Квалификация с учетом совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 112 и п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ, требуется, когда соответствующие побуждения и цель во многом совпадают, то есть вред здоровью причиняется лицом, испытывающим ненависть либо вражду к какой-либо социальной группе и одновременно желающим возбудить такое же чувство (эмоциональное отношение) в других людях. Применительно же к побоям и умышленному причинению легкого вреда здоровью отметим, что преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, не требует дополнительной квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 115 либо п. «б» ч. 2 ст. 116 этого УК даже при указанном ранее совпадении мотивов и цели соответствующих деяний.

Угроза может выражаться в устрашении потерпевшего применением любого по характеру и тяжести насилия вплоть до угрозы убийством, что полностью охватывается п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, за исключением случаев, когда такая угроза осуществляется по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Насилие либо угроза его применения могут осуществляться и с целью унижения человеческого достоинства человека либо группы людей и выражаться, например, в виде оскорбительных пощечин, глумления над потерпевшим. При этом нарушается еще один непосредственный объект преступления – честь и достоинство личности, что вызывает необходимость отграничения данного деяния от оскорбления (ст. 130 УК РФ), что будет рассмотрено в следующем параграфе работы.

Хотя нами и не поддерживается позиция законодателя, относящего хулиганство к преступлениям экстремисткой направленности, тем не менее в контексте рассматриваемой темы нельзя не остановиться на его отграничении от некоторых смежных с ним составов уголовно наказуемых деяний. В настоящем параграфе приведем особенности отграничения хулиганства, предусмотренного

п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, от умышленного причинения легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ), побоев (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ), истязания (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ) и вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ).

На наш взгляд, хулиганство, сопряженное с нанесением побоев либо причинением легкого вреда здоровью полностью охватывается ст. 213 УК РФ, так как норма об ответственности за хулиганство, являясь более полной по сравнению с нормами, содержащимися в ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 115 УК РФ, предусматривает еще и более строгое наказание, при этом не упрощается процессуальный порядок расследования уголовного дела. Данное положение основано на частных правилах квалификации, выработанных в теории уголовного права¹.

Если же при хулиганстве потерпевшему причиняется вред здоровью средней тяжести, то действия виновного подлежат квалификации с учетом совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 и п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Представляется, что равенство в верхнем пределе наиболее строгого наказания (в ч. 1 ст. 213 и ч. 2 ст. 112 УК РФ предусмотрено лишение свободы до 5 лет) не может быть основанием для утверждения, что одно из данных преступлений содержит в себе все признаки другого. Кроме того, квалификация деяний как совокупности преступлений с указанием данных статей позволяет учитывать такие особенности этих посягательств, как социальные свойства хулиганских действий (грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу), способ совершения деяния (применение оружия или соответствующих предметов – п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ) и степень общественной опасности последствий (причинение вреда здоровью средней тяжести – ст. 112 УК РФ). В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления с применением оружия и других предметов отнесено к обстоятельствам,отягчающим наказание, поэтому соответствующий способ совершения деяния «не может смягчать участь виновного»².

---

¹ См.: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С. 301–304.

² См.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации по уголовным делам с

Полагаем, что систематическое нанесение побоев либо совершение иных насильственных действий, объединенное единым умыслом, при продолжаемом хулиганстве не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 117 УК РФ («Истязание»). Однако если данное деяние содержит еще и дополнительные признаки, указанные в ч. 2 ст. 117 УК РФ (совершение деяния в отношении двух или более лиц, с применением пытки и т.д.), то юридическая оценка деяния исключительно по ст. 213 УК РФ или ч. 2 ст. 117 этого УК не отразит не только все юридически значимые обстоятельства деяния, но и его общественную опасность. В последнем случае квалификация должна осуществляться по совокупности соответствующей части ст. 213 УК РФ и пункту (пунктам) ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Как уже отмечалось ранее, деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, по мысли законодателя может совершаться и без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, что, по нашему мнению, делает практически невозможным провести его четкое отграничение от преступлений, предусмотренных в ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116 УК РФ, так как применение указанных предметов, по сути, ранее являлось единственным признаком, позволяющим провести такое отграничение.

Своеобразный выход из сложившейся ситуации попытался найти Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 11 Постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», указал следующее: «Имея в виду, что состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими

шей частью ст. 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления против личности»¹.

По нашему мнению, данное разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, несмотря на его «привлекательность» для стороны обвинения, прямо противоречит уголовному закону, а именно п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, где говорится о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия, под которым (применением) сам же Пленум понимает «умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия»². А применение таких предметов является не чем иным, как способом совершения хулиганства, выступающим признаком объективной стороны состава последнего, что диктует необходимость его установления при квалификации соответствующего деяния. Физическое же воздействие на потерпевшего и есть действия, направленные на причинение ему боли либо вреда здоровью.

В связи с тем, что законодатель допускает возможность совершения хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, гипотетически можно допустить и сочетание в деянии признаков такого хулиганства и истязания, осуществленного по тем же мотивам, что также потребует квалификации содеянного с учетом совокупности преступлений, предусмотренных ст. 213 и 117 УК РФ. Однако, как нами уже не раз указывалось ранее, деяние следует квалифицировать по его основному мотиву, а для хулиганства таковой характеризуется отсутствием какого-либо повода или использованием виновным незначительного повода для грубого на-

---

¹ См.: Российская газета. 2007. 21 ноября.

² Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.

рушения общественного порядка и выражения явного неуважения к обществу. Мотивы же преступлений экстремистской направленности возникают в связи с конкретными обстоятельствами, вызывающими ненависть либо вражду по отношению к какой-либо социальной группе и (или) ее представителям. Поэтому считаем, что изязание как преступление экстремистской направленности не может быть дополнительно квалифицировано по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, так как данное деяние полностью охватывается п. «з» ч. 2 ст. 117 этого УК.

Основываясь на изложенных особенностях квалификации хулиганства, отметим, что если данное преступление сопряжено с угрозой убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, то содеянное полностью охватывается ст. 213 УК РФ, за исключением случаев совершения такой угрозы по мотивам, предусмотренным в ч. 2 ст. 119 УК РФ. Учитывая то, что санкция ч. 2 ст. 119 УК РФ является более строгой по сравнению с санкциями ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ, юридическая оценка содеянного должна учитывать совокупность отмеченных преступлений.

Вандализм определяется в ст. 214 УК РФ как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Анализ данного определения позволяет выделить разновидность вандализма, сходного по внешней стороне деяния с хулиганством, – порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

По нашему мнению, хулиганство следует отграничивать от вандализма по следующим признакам сопоставляемых составов преступлений: 1) применение оружия или соответствующих предметов с учетом изложенных ранее аргументов является обязательным признаком для объективной стороны хулиганства и факультативным – для вандализма; 2) место совершения деяния (общественные места), в отличие от вандализма, не является обязательным признаком хулиганства; 3) хулиганские побуждения выступают в качестве факультативного признака вандализма, но являются неотъемлемой частью субъективной стороны хулиганства; 4) обстановка совершения уничтожения либо повреждения имущества при хулиганстве, в противовес вандализму, предполагает публичность таких действий, обуславливающую в большинстве случаев их опасность для здоровья граждан (при вандализме граждане, как правило, замечают результаты действий виновных, а не процесс их совершения).

Вандализм, совершенный по «экстремистским» мотивам (ч. 2 ст. 214 УК РФ), следует отличать от уничтожения, повреждения и осквернения мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, скульптурного или архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом либо жертвам фашизма, осуществленным из тех же побуждений (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ). В данном случае разграничение производится на основе выявленных различий в объекте и предмете соответствующих посягательств. Если вандализм в первую очередь посягает на общественный порядок, то преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, – на общественную нравственность. Кроме того, из перечня предметов, подвергаемых воздействию виновных в вандализме, следует исключать те, что относятся к признакам надругательства, указанного в ст. 244 УК РФ. Однако, так как возраст уголовной ответственности за вандализм установлен с 14 лет, в случаях совершения указанного надругательства до достижения виновным шестнадцати лет, содеянное может охватываться ст. 214 УК РФ при условии, что установлены все признаки состава данного преступления.

Организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) имеет ряд сходных признаков с организацией деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ). Однако, в отличие от экстремистской организации, рассматриваемое сообщество изначально создается и действует для совершения преступлений экстремистской направленности, тогда как экстремистская организация – для осуществления иных противоправных действий, относящихся к экстремизму. Кроме того, для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации такого объединения, для этого достаточно установить и доказать все признаки состава преступления, указанного в ст. 282¹ УК РФ.

В связи с последним утверждением отметим, что некоторые ученые придерживаются иной точки зрения, по сути, уравнивая понятия экстремистского сообщества и экстремистской организации, считая, что для констатации таковых всегда необходимо предварительное судебное решение¹. Полагаем, что данная позиция не соответствует уголовному закону, так как в УК РФ на предварительное судебное решение указано применительно к организации

---

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 323–324.

деятельности экстремистской организации, но не относительно организации экстремистского сообщества.

На практике может возникнуть ситуация, при которой организация, признанная судом экстремистской и подлежащей ликвидации, продолжает свою экстремистскую деятельность, но уже не ограничивается соответствующими административными правонарушениями, а переходит к планированию и совершению преступлений экстремистской направленности, что обуславливает необходимость выбора при квалификации между ст. 282¹ и 282² УК РФ. По нашему мнению, при этом необходимо исходить из следующих моментов.

Во-первых, как экстремистская организация, так и экстремистское сообщество создаются для осуществления экстремистской деятельности, причем второе из указанных объединений – для совершения наиболее опасных экстремистских действий – преступлений.

Во-вторых, если экстремистская организация характеризуется признаками, присущими организованной группе, планирует и совершает преступления экстремистской направленности, то имеет место трансформация данной организации в более опасное преступное объединение – экстремистское сообщество.

В-третьих, если такое экстремистское сообщество помимо преступлений соответствующей направленности совершает еще и административные правонарушения, относящиеся к экстремистской деятельности, это полностью охватывается ст. 282¹ УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 282² этого УК.

Наконец, в-четвертых, в рассматриваемом примере налицо совершение самостоятельного преступления – организации экстремистского сообщества, пусть и на основе организации, признанной судом экстремистской, то есть квалификация должна осуществляться по ст. 282¹ УК РФ.

По нашему мнению, ст. 282¹ УК РФ не охватывает случаи приготовления к другим конкретным преступлениям, а также совершение таковых, что обуславливает необходимость дополнительной квалификации по соответствующим статьям этого УК. Полагаем, что законодатель, установив ответственность за создание указанного преступного объединения в самостоятельной статье Особенной части УК РФ, подчеркнул недопустимость таких действий вне зависимости от наличия или отсутствия умысла на совершение инди-

видуально определенных преступлений. Иначе говоря, ст. 282¹ УК РФ направлена на пресечение организованной преступной деятельности до совершения других преступлений и, по возможности, до начала реализации умысла на таковые. Если же экстремистское сообщество создается и функционирует не для совершения преступлений экстремистской направленности вообще (например, для применения насилия в отношении лиц какой-либо национальности), а уже для совершения конкретных тяжких или особо тяжких уголовно наказуемых деяний, обладающих индивидуальными признаками (например, нападение на конкретного потерпевшего), то юридическая оценка содеянного должна учитывать приготовление к последним, то есть совокупность преступлений.

Приготовление же к совершению квалифицированного хулиганства, а равно совершение последнего, осуществленное устойчивой группой лиц, может дополнительно квалифицироваться по ст. 282¹ УК РФ только, если данное преступное объединение совершило еще какие-либо преступления экстремистской направленности, либо было создано в соответствующих целях. Как было отмечено ранее, отнесение законодателем хулиганства к преступлениям экстремистской направленности является необоснованным.

Таким образом, преступления экстремистской направленности следует разграничивать посредством последовательного сопоставления объективных и субъективных признаков их составов, тщательно анализируя не только различающие их, но и сходные черты. При этом особое внимание следует обращать на признаки объективной стороны каждого из сопоставляемых уголовно наказуемых деяний.

§ 2. *Отграничение преступлений экстремистской направленности от смежных составов преступлений*

Помимо разграничения между собой, преступления экстремистской направленности необходимо отличать и от иных, смежных с ними составов уголовно наказуемых деяний. При этом наибольшее число точек соприкосновения с иными составами преступлений имеют такие посягательства экстремистской направленности, как хулиганство (п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 213 УК РФ); публичные призывы к

осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и организация экстремистского сообщества (ст. 280¹ УК РФ).

Хулиганство необходимо отличать от ряда смежных с ним составов преступлений, в том числе посягающих на отношения собственности. Учитывая законодательное определение оружия, а именно его предназначенность для поражения как живой, так и иной цели¹, можно сделать вывод о том, что применение оружия при хулиганстве следует понимать в широком смысле, относя к нему и действия, направленные на уничтожение или повреждение имущества, нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. В связи с этим представляется необоснованным следующее разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений и повлекшее причинение значительного ущерба, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ»².

Если в ходе осуществления деяния, совершенного с применением оружия или соответствующих предметов, производится взрыв, поджог или иные действия, направленные на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, то юридическая оценка содеянного должна учитывать конкуренцию таких уголовно-правовых норм, как ч. 2 ст. 167, 205, 213 и 281 УК РФ.

По нашему мнению, квалификация в данном случае будет определяться на основе анализа способа, целей и мотивов деяния. Так, если ч. 2 ст. 167 УК РФ не предусматривает в качестве способа уничтожения или повреждения чужого имущества применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то ст. 213 УК РФ, в отличие от ст. 205 и 281 УК РФ, не предполагает специальной цели совершения деяния. Соответственно, если в рассматриваемом деянии не будет установлено целей оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными орга-

---

¹ См.: Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Российская газета. 1996. 18 декабря.

² Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.

низациями (ст. 205 УК РФ) либо подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации (ст. 281 УК РФ), то содеянное при наличии хулиганских побуждений его совершения квалифицируется по соответствующей части ст. 213 УК РФ, и в случае причинения деянием значительного ущерба – дополнительно по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Если же в деянии не нашли своего выражения ни указанные выше цели, ни хулиганские побуждения, то содеянное подлежит квалификации по ч. 2 ст. 167 УК РФ без учета указанных выше статей. Такая же юридическая оценка рассматриваемого деяния необходима и в случае его совершения из хулиганских побуждений, но без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Сравнение ч. 1 ст. 205 УК РФ с ч. 1 ст. 213 УК РФ позволяет утверждать, что террористический акт отличается от хулиганства, во-первых, основным непосредственным объектом посягательства (общественная безопасность); во-вторых, обязательной сопряженностью террористического акта со взрывом, поджогом или иными подобными действиями, а равно угрозой совершения таких действий; в-третьих, тем, что данные действия должны устрашать население, создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; в-четвертых, обязательной целью деяния – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями; в-пятых, возрастом уголовной ответственности – в отличие от хулиганства, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ, уголовной ответственности по ст. 205 этого УК РФ подлежат лица, достигшие к моменту совершения преступления не 16-ти, а 14-ти лет.

Хулиганство же, прежде всего, посягает на общественный порядок, лишь в отдельных случаях сопряжено с совершением взрыва, поджога или иных подобных действий, которые, к тому же, не обязательно должны обладать свойствами устрашения населения, создания опасности для жизни человека или наступления значительного имущественного ущерба; не имеет каких-либо специальных целей совершения деяния, а осуществляется из хулиганских побуждений. Кроме того, хулиганство не предполагает наличия в деянии большинства квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ (причинение по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий, сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с ис-

пользованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, умышленное причинение смерти человеку), а также специальных оснований освобождения от уголовной ответственности (примечание к ст. 205 УК РФ).

При совершении хулиганства устойчивой группой лиц, в том числе приготовления или покушения на данное преступление, необходимо учитывать возможность отнесения такой группы к банде или экстремистскому сообществу, конечно же, при наличии в деянии признаков, указанных в ст. 209 или ст. 282¹ УК РФ.

По нашему мнению, ст. 209, 282¹ УК РФ не охватывают случаи приготовления к другим конкретным преступлениям, а также совершение таковых, то есть необходима дополнительная квалификация по соответствующим статьям этого УК. Полагаем, что законодатель, установив ответственность за создание указанных преступных объединений в самостоятельных статьях УК РФ, подчеркнул недопустимость таких действий вне зависимости от наличия или отсутствия умысла на совершение индивидуально определенных преступлений. Иначе говоря, обозначенные нормы (ст. 209, 282¹ УК РФ) направлены на пресечение организованной преступной деятельности до совершения других уголовно наказуемых деяний и, по возможности, до начала реализации умысла на таковые. Если же банда или экстремистское сообщество создаются и функционируют не для совершения обозначенных в соответствующих статьях УК РФ преступлений вообще (например, для нападений на какие-либо магазины), а уже для совершения конкретных уголовно наказуемых деяний, обладающих индивидуальными признаками (например, нападение на конкретный магазин), то юридическая оценка содеянного должна учитывать приготовление к последним, то есть совокупность преступлений.

Например, создание банды для совершения конкретного квалифицированного хулиганства, а равно последующее совершение такового данным преступным объединением требует квалификации не только по ст. 209 УК РФ, но и по ч. 2 ст. 213 этого УК (приготовление к хулиганству квалифицируется со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ). Данное положение также следует относить и к приготовлению к совершению убийства либо умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Хулиганство имеет ряд сходных признаков и с массовыми беспорядками. Полагаем, что массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ)

отличаются от хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, прежде всего, основным объектом посягательства (общественная безопасность), сложностью объективной стороны¹, а также обязательным наличием большого количества соучастников, как правило, соисполнителей – толпы.

Массовые беспорядки «представляют собой нарушения основ общественной безопасности, совершаемые большой группой людей (толпой), во время которых может быть парализована нормальная деятельность органов власти и управления, транспорта, связи, уничтожено или повреждено имущество, причинен серьезный вред правам и интересам граждан»².

Сложность объективной стороны массовых беспорядков заключается в том, что в одном преступлении могут одновременно сочетаться такие действия, как насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти.

Объективную сторону данного преступления составляют не только указанные выше действия, но и их организация либо призывы к совершению таковых.

По нашему мнению, в процессе совершения массовых беспорядков может осуществляться большинство действий, составляющих объективную сторону хулиганства. Такие действия в рассматриваемом случае выступают органической частью массовых беспорядков и не требуют дополнительной квалификации по ст. 213 УК РФ. Однако, исходя из сравнительного анализа ст. 212 и 213 УК РФ, можно определить исключение из данного вывода.

Так, совершение толпой из хулиганских побуждений и с применением холодного и иного оружия, не относящегося к огнестрельному, либо соответствующих предметов только повреждения имущества, а равно угрозы применения насилия, либо применения указанных предметов в общественных местах, не сопровождавшегося причинением имущественного или физического вреда потер-

---

¹ См.: *Абдульманов А.* Ответственность за массовые беспорядки // *Российская юстиция.* 1996. № 1. С. 43–44.

² См.: *Уголовное право России. Части Общая и Особенная : Учебник / Под ред. А. И. Рапога.* 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004. С. 487.

певшим, не предусмотрено ст. 212 УК РФ в качестве составляющих массовых беспорядков, что вызывает необходимость либо дополнительной квалификации по ст. 213 УК РФ (при совокупности с иными действиями, образующими объективную сторону массовых беспорядков), либо самостоятельной квалификации таких действий, как хулиганства (при отсутствии иных действий, входящих в объективную сторону массовых беспорядков).

Согласимся с В.Б. Боровиковым, который отмечает, что в отличие от хулиганства, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, «для массовых беспорядков наличие предварительного сговора всех их участников маловероятно (чаще всего участники массовых беспорядков действуют с внезапно возникшим умыслом после соответствующей психологической «обработки» со стороны организаторов, направляющих и корректирующих их общественно опасные действия)»¹.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) следует отличать от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ): если в ст. 205² УК РФ речь идет только о террористической деятельности, то в ст. 280 этого УК – о более широком понятии экстремистской деятельности.

Подчеркнем, что террористическая деятельность, равно как и терроризм, составляют часть экстремистской деятельности², что порождает вопрос о соотношении ст. 205² и 280 УК РФ. Считаем, что данные уголовно-правовые нормы соотносятся как специальная и общая. При этом конкуренция должна разрешаться в пользу ст. 205² УК РФ, так как предусмотренные в ней действия являются одной из разновидностей экстремистской деятельности, ее санкции являются не менее строгими по сравнению с санкциями ст. 280 УК РФ (в ч. 1 ст. 205² УК РФ санкция даже более строгая, чем в ч. 1 ст. 280 этого УК), при этом не упрощается порядок расследования и рассмотрения уголовного дела. Следовательно, по ст. 280 УК РФ могут быть квалифицированы только призывы к тем проявлениям экстремистской деятельности, которые одновременно не от-

---

¹ См.: Уголовный закон в практике районного суда: Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2007. С. 498.

² См.: Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (постатейный). – М., 2007. С. 11.

носятся к террористической деятельности в ее уголовно-правовом понимании.

Организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) необходимо отграничивать от организации преступного сообщества (преступной организации) – ст. 210 УК РФ, а также от бандитизма (ст. 209 УК РФ).

Как нами уже отмечалось ранее, экстремистское сообщество представляет собой разновидность организованной группы¹ и это его главное отличие от преступного сообщества (преступной организации). Из этого отличия можно вывести следующие разграничительные признаки данных преступлений: 1) экстремистское сообщество должно обладать устойчивостью, но не структурированностью, что присуще только преступному сообществу (преступной организации); 2) экстремистское сообщество создается и функционирует для совершения преступлений различной тяжести, тогда как преступное сообщество (преступная организация) – только для совершения тяжких и особо тяжких преступлений²; 3) мотив преступлений, подготавливаемых и совершаемых экстремистским сообществом, имеет для последнего определяющее значение и должен свидетельствовать об экстремистской направленности соответствующих уголовно наказуемых деяний, а для преступного сообщества (преступной организации) данный признак (мотив) имеет лишь факультативное значение, тогда как целью последнего преступного объединения выступает получение финансовой либо иной материальной выгоды.

Кроме того, создание преступного сообщества (преступной организации) само по себе является особо тяжким преступлением, а участие в данном формировании без квалифицирующего обстоятельства – тяжким преступлением. Организация же экстремистского сообщества относится к преступлениям средней тяжести, а участие в таком сообществе – вовсе преступлением небольшой тяжести.

---

¹ См. также: *Тюнин В.* Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 52–54; *Агапов П.В.* Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 14–15.

² См.: *Кашепов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 32.

Экстремистское сообщество отличается от банды тем, что не обязательно обладает признаком вооруженности и не преследует в качестве неотъемлемой цель нападения на граждан или организации. Учитывая более высокую степень общественной опасности бандитизма, что отражается в санкциях ст. 209 УК РФ, конкуренция уголовно-правовых норм о рассматриваемых преступлениях должна разрешаться в пользу нормы об ответственности за бандитизм. То есть, если банда будет подготавливать или совершит нападение, одновременно являющееся преступлением экстремистской направленности, квалификацию следует осуществлять по ст. 209 УК РФ и статье этого УК о таком подготавливаемом или совершенном деянии.

Организацию деятельности экстремистской организации также следует отличать от организации объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Последнее из указанных преступлений в первую очередь посягает на общественную нравственность, а дополнительно – на здоровье граждан и (или) порядок управления. Кроме того, уголовная ответственность за организацию религиозного или общественного объединения, предусмотренного ст. 239 УК РФ, в отличие от экстремистской организации не обязательно связана с предварительным судебным решением о ликвидации такого объединения либо запрете его деятельности, причем последняя не должна относиться к экстремизму. Также следует учитывать, что в число объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 282² УК РФ, не входит пропаганда деяний, относящихся к преступной деятельности религиозного либо общественного объединения (ч. 2 ст. 239 УК РФ).

Убийство, предусмотренное п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует отличать от геноцида (ст. 357 УК РФ), предполагающего совершение деяний, направленных «на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передаче детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы». Сопоставление данных преступлений приводит к выводу, что геноцид не характеризуется каким-либо специальным мотивом, обладая лишь избирательностью в отношении потенциальных потерпевших, тогда как

рассматриваемый вид убийства совершается из ненависти либо вражды и не направлен на полное уничтожение какой-либо социальной группы. При этом для убийства обязательным (основным) непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека, а для геноцида – мир и безопасность человечества.

Ранее отмечалось, что нами не поддерживается позиция некоторых ученых, чрезмерно широко трактующих содержание и объем понятия экстремизма, особенно если к последнему начинают относить еще и геноцид, не прибегая к какому-либо обоснованию такого понимания структуры экстремистской деятельности¹. Как уже обосновывалось в предыдущем изложении, перечень преступлений экстремистского характера (преступлений, относящихся к экстремизму) следует определять путем сопоставления ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статей Особенной части УК РФ, что не приводит к включению в данный перечень ни одного из уголовно наказуемых деяний против мира и безопасности человечества, за исключением нападения на лиц либо учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Возможность отнесения геноцида к уголовно наказуемым проявлениям экстремизма может вытекать из указания в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» на то, что такая деятельность включает в себя и преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы. То есть, если деяния, направленные на уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы, будут совершены по указанным мотивам ненависти либо вражды, то геноцид можно будет признать одним из преступлений экстремистского характера. Однако такое допущение касается многих уголовно наказуемых деяний, что ставит под сомнение включение именно геноцида в указанный перечень при одновременном игнорировании других преступлений, которым могут быть прису-

---

¹ См.: Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : Методическое пособие / Под ред. *А.И. Долговой*. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 34.

щи ненависть либо вражда в отношении каких-либо социальных групп и (или) их представителей.

Надругательство над телами умерших (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ) следует отличать от убийства, совершенного по «экстремистским» мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) либо (и) с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Ключевым отличием является то, что такое надругательство совершается в отношении тела уже умершего человека, то есть после лишения его жизни, что осознается виновными. Какие бы посмертные повреждения ни наносились телу умершего (расчленение, сожжение и т.д.), они не включаются в содержание объективной стороны убийства, так как совершены за рамками оконченного умышленного причинения смерти человеку.

Как отмечается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, «глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающим ответственность за надругательство над телами умерших.

Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью»¹.

Уничтожение, повреждение и осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, скульптурного или архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом либо жертвам фашизма (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ), следует отличать от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ). Основным отграничительным признаком в данном случае является предмет преступления. Кроме того, для уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) основным непосредственным объектом выступают отношения собственности, тогда как для преступлений,

---

¹ Абзацы 3 и 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.

предусмотренных ст. 243 и 244 УК РФ, таким объектом является общественная нравственность.

Вместе с тем если деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, связано с нарушением отношений собственности за счет уничтожения либо повреждения указанных в данной уголовно-правовой норме предметов, и при этом совершено лицом в возрасте от 14 до 16 лет (не включительно), то рассматриваемый состав преступления в его действиях отсутствует. Представляется, что при наличии к тому оснований содеянное может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 167 либо ч. 2 ст. 214 УК РФ, предусматривающим четырнадцатилетний возраст уголовной ответственности за соответствующие преступления.

Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства имеет некоторые сходные черты с оскорблением (ст. 130 УК РФ) и нарушением равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ).

В отличие от возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, преступления, предусмотренные ст. 130 и 136 УК РФ, главным образом посягают на интересы личности, а не на основы конституционного строя и безопасность России. Кроме того, оскорбление должно выражаться в неприличной форме, что не является конститутивным признаком унижения человеческого достоинства в ст. 282 УК РФ. Дискриминация же, предусмотренная ст. 136 УК РФ, не направлена на возбуждение ненависти либо вражды, как и на унижение достоинства человека или группы лиц, а связана с нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы и других отличительных признаков.

Полагаем, что оскорбление и дискриминация могут быть способами совершения преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, полностью охватываясь данной нормой, но не наоборот. Данный вывод основан на сопоставлении объективных и субъективных признаков, а также характера и степени общественной опасности рассматриваемых преступлений. Исходя из такого сопоставления, можно утверждать, что норма, предусмотренная ст. 282 УК РФ, является более полной, а по строгости санкций не уступает ни ст. 130, ни ст. 136 УК РФ.

Итак, юридическая оценка преступлений экстремистской направленности предполагает не только их разграничение между со-

бой, но и проведение отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений. При этом необходимо сопоставлять объективные признаки сравниваемых составов преступлений, а затем искать отличительные черты в признаках их субъективной стороны и субъектов.

§ 3. Направления совершенствования законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности

Исходя из рассмотренных в предыдущем изложении вопросов уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, нами предлагается внести определенные изменения и дополнения в уголовное законодательство.

Во-первых, автором предлагается следующая редакция законодательного определения рассматриваемых уголовно наказуемых деяний: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и (или) ее представителей по признакам принадлежности к определенной расе либо национальности (этносу), отношения к религии, обладания отличающимся цветом кожи, а равно преступления, направленные на возбуждение такой ненависти либо вражды, предусмотренные соответствующими статьи Особенной части настоящего Кодекса».

Во-вторых, предлагаемое определение преступлений экстремистской направленности с неизбежностью ставит вопрос об обоснованности существования в Особенной части УК РФ самостоятельной статьи об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Представляется, что более прогрессивным и целесообразным в настоящее время является рассредоточение уголовной ответственности за возбуждение указанной ненависти либо вражды по различным статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за конкретные общественно опасные действия, способные вызвать в других людях резко негативное отношение к каким-либо социальным группам. Следовательно, по мнению автора, ст. 282 УК РФ должна быть исключена.

В-третьих, для систематизации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности предлагаем изложить признаки составов последних, указывающих на мотивы ненависти либо вражды, в контексте общего определения таких уголовно наказуемых деяний, приведенного ранее. Полагаем, что данное редакционное изменение не должно обойти стороной и п. «е» ч. 2 ст. 63 УК РФ, подлежащий исключению.

В-четвертых, применительно к унижению достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, отметим, что ответственность за данное деяние, по нашему мнению, следует предусмотреть в ст. 130 УК РФ об оскорблении в качестве одного из квалифицирующих признаков состава последнего.

В-пятых, считаем, что из УК РФ необходимо исключить самостоятельные статьи об ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹) и экстремистской организации (ст. 282²). Для реализации данного предложения следует, в первую очередь, дополнить ст. 239 УК РФ об ответственности за организацию объединения, посягающего на личность и права граждан, частями третьей и четвертой, а также примечанием в следующей редакции:

«3. Организация деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

4. Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, –

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за пе-

риод до восемнадцати месяцев, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности объединения, посягающего на личность и права граждан, а равно общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Применительно же к организации экстремистского сообщества, признаваемого нами особым видом организованной группы, необходимо отнести создание данной группы, а равно участие в ней к числу условий для совершения преступлений экстремистской направленности, что нашло свое отражение в следующем предложении по совершенствованию уголовного законодательства.

В-шестых, нами предлагается следующая редакция ст. 280 УК РФ:

«Статья 280. Создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности

1. Создание организованной группы для совершения одного либо нескольких преступлений экстремистской направленности, – наказывается...

2. Участие в организованной группе, созданной для совершения одного либо нескольких преступлений экстремистской направленности, – наказывается...

3. Призывы к совершению преступлений экстремистской направленности, совершенные публично или с использованием средства массовой информации, – наказываются...

4. Действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются...

Примечания. 1. Лицо, добровольно прекратившее участие в организованной группе, созданной для совершения одного либо нескольких преступлений экстремистской направленности, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности данной группы, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2. Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мо-

тивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и (или) ее представителей по признакам принадлежности к определенной расе либо национальности (этносу), отношения к религии, обладания отличающимся цветом кожи, а равно преступления, направленные на возбуждение такой ненависти либо вражды, предусмотренные соответствующими статьи Особенной части настоящего Кодекса».

Полагаем, что предложения по совершенствованию законодательства, изложенные в данном параграфе монографии, способны повысить эффективность защиты общественных отношений от противоправных деяний экстремистской направленности, в том числе упорядочить правоприменительную практику.

Заключение

На основе проведенного нами исследования общих вопросов и проблем уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности можно сформулировать следующие наиболее важные выводы.

Понятие экстремизма (экстремистской деятельности), по нашему мнению, призвано обозначать совокупность противоправных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие государственность, безопасность, а также толерантность между различными элементами социума. В структуру экстремизма включены уголовно и административно наказуемые деяния. Полагаем, что первые из них целесообразно именовать преступлениями экстремистского характера, перечень которых устанавливается путем сравнительного анализа ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности и статей Особенной части УК РФ. По нашему мнению, именно преступления экстремистского характера составляют объем уголовно-правового понятия экстремистской деятельности. При этом понятия экстремистской деятельности (экстремизма), преступлений экстремистского характера и преступлений экстремистской направленности целесообразно рассматривать через призму соотношения общего, частного и единичного.

Неуклонный рост числа межнациональных и межрасовых конфликтов, подпитываемых проявлениями ненависти и вражды между различными социальными группами, общественная опасность таких проявлений, состоящая в существенном нарушении основ толерантности в обществе, необходимой для безопасности, стабильности и развития последнего – основные обстоятельства, свидетельствующие о социальной обусловленности установления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Несмотря на то, что преступления экстремистской направленности, как правило, непосредственно затрагивают интересы личности (жизнь, здоровье, достоинство и т.д.), считаем, что характер их общественной опасности предопределяется, в первую очередь, нарушением социальных отношений «надличностного» уровня, обеспечивающих межгрупповую терпимость и взаимодействие в социуме.

Понятие преступлений экстремистской направленности является, во-первых, относительно новым; во-вторых, содержащимся непосредственно в уголовном законе; в-третьих, основанным, прежде всего, на специфических побуждениях (мотивах) соответствующих преступлений; в-четвертых, собирательным и, наконец, в-пятых, недостаточно исследованным и, как следствие, еще однозначно не определенным в науке российского уголовного права и нуждающимся в совершенствовании на законодательном уровне.

Буквальное толкование примечания 2 к ст. 282¹ УК РФ позволило нам прийти к выводу, что перечень преступлений экстремистской направленности очерчен лишь теми статьи Особенной части УК РФ, которые непосредственно содержат указание на соответствующие побуждения деяния, так как в п. «е» ч. 1 ст. 63 данного нормативного правового акта не предусмотрено ни одного преступления, а лишь содержится указание на мотивы деяния, выступающие в роли обстоятельства, отягчающего наказание. Полагаем, что об экстремистской направленности преступления можно говорить как при прямом, так и при опосредованном указании на соответствующие мотивы в статье Особенной части УК РФ об ответственности за то или иное общественно опасное деяние.

Преступления экстремистской направленности, а также присущие им мотивы, по нашему мнению, нельзя именовать обобщающими их терминами «расизм» либо «ксенофобия». Рассматриваемые преступления представляют собой определенную совокупность (систему) уголовно наказуемых деяний, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды к каким-либо социальным группам не только в связи с расовой принадлежностью представителей последних, но и их национальностью, идеологией, отношением к религии и т.д. Расизм же касается только одной разновидности негативного отношения к каким-либо социальным группам – утверждения о превосходстве одной расы над другой, причем не обязательно связанного с ненавистью либо враждой по отношению к «низшей» расе, а также с совершением преступлений против представителей последних.

Ксенофобия может характеризоваться ненавистью как отношением (чувством) к чему-либо или кому-либо, но не сочетанием ненависти и вражды, свойственным преступлениям экстремистской направленности. Кроме того, ненависть при ксенофобии основана на боязни, страхе перед чем-то или кем-то чужим, тогда как мотивы

вы рассматриваемых преступлений побуждают к активным деструктивным действиям в отношении ненавистных и не обязательно «чужих, незнакомых либо иностранных» социальных групп и (или) их представителей. Причем, как показывает проведенное изучение уголовных дел, виновным в данных деяниях, как правило, не свойственны боязнь либо страх перед теми, на кого они нападают либо (и) в отношении кого ими возбуждается ненависть или вражда в других людях. Вместе с тем виновные в возбуждении ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) нередко распространяют, поддерживают и используют идеи расизма и ксенофобские настроения для достижения своей преступной цели.

Следовательно, можно утверждать, что ксенофобия, как, впрочем, и расизм, могут предшествовать и способствовать возникновению и укреплению мотивов преступлений экстремистской направленности, но не подменять данные побуждения.

Неотъемлемым элементом непосредственного объекта каждого преступления экстремистской направленности выступают общественные отношения, обеспечивающие толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями, независимо от социальной, расовой или национальной принадлежности, отношения к религии, приверженности определенной идеологии либо направлению в политике, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

При направленности таких преступлений на возбуждение указанных ненависти либо вражды нарушаются общественные отношения, обеспечивающие одну из основ конституционного строя государства в виде запрета на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни как крайней формы интолерантности по отношению к тем или иным социальным группам и (или) их представителям.

Объективная сторона преступлений экстремистской направленности, как правило, выражается в форме действий, в которых находят свое проявление имеющаяся в психике виновного ненависть либо вражда в отношении определенных социальных групп и (или) их представителей. Это проявляется в выборе способов, места и обстановки совершения деяния, нередко ориентированных на публичное проявление и (или) разжигание ненависти либо вражды.

Субъект преступлений экстремистской направленности, как правило, общий, за исключением уголовно наказуемых деяний,

предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282¹ УК РФ, совершаемых лицом с использованием своего служебного положения. Кроме того, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности (ч. 4 ст. 150 УК РФ) предполагает повышенный возраст виновного лица – 18 лет и старше.

С субъективной стороны преступления экстремистской направленности характеризуются умышленной формой вины с обязательным мотивом, имеющим альтернативный характер – политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть либо вражда, а равно ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

Юридическая оценка преступлений экстремистской направленности предполагает не только их разграничение между собой, но и проведение отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений. При этом в первую очередь необходимо сопоставлять объективные признаки сравниваемых составов преступлений, а затем искать отличительные черты в признаках их субъективной стороны и субъектов.

В монографии сформулированы определенные предложения по совершенствованию законодательства, способные, по мнению автора, повысить эффективность защиты личности, общества и государства от проявлений ненависти либо вражды между различными социальными группами, в том числе упорядочить правоприменительную практику и превентивную деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Список использованной литературы

Нормативные акты и иные официальные документы

- Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. XXXII. – М., 1978.
- Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.
- Конституция Российской Федерации. – М., 2009.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: ООО «Издательство Элит», 2009.
- Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2009;
- Уголовный кодекс Республики Армения. – Ереван, 2008.
- Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск, 2009.
- Уголовный кодекс Молдовы. – М., 2007.
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: ТК Велби, 2009.
- Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (Часть I). Ст. 14.
- Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.
- Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст. 62.
- Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Российская газета. 1993. 17 февраля.
- Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930.

- Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.
- Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Российская газета. 1996. 20 января.
- Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Российская газета. 1996. 18 декабря.
- Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
- Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.
- Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.
- Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.
- Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
- Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 16 декабря.
- Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
- Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 50. Ст. 5245.

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3452.
- Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. 1 августа.
- Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 45. Ст. 5263.
- Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2000 г. № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета. 2000. 31 октября.
- Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // Российская газета. 2007. 24 августа.
- Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н // Российская газета. 2008. 5 сентября.

- Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве» в редакции Постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11; с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума от 25 октября 1996 г. // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. – М.: БЕК, 1999. С. 388.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февраля.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. 2000. 14 марта.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. 19 марта.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 января.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения

- уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» // Российская газета. 2008. 18 июня.
- Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 г. // Российская газета. 2003. 15–18, 23–25, 30 июля, 5, 7 августа.
- Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 9 июля 2007 г. // Российская газета. 2007. 14 июля.
- Федеральный список экстремистских материалов по состоянию на 6 августа 2008 г. // Российская газета. 2008. 15 августа.
- Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.1998 г. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Спарк, 2001. С. 861.
- Состояние преступности за 2008 год. М.: ГИАЦ МВД России, 2009.
- Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 7. 2006. С. 31.

Комментарии, монографии, пособия и учебники

- Большая медицинская энциклопедия. – М., 1958. Т. 4.
- Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. – М., 1976. Т. 3.
- Бородин С.В.* Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 2000.
- Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М., 2005.
- Векленко С.В.* Уголовно-правовые меры борьбы с хулиганством : Лекция. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 1999.
- Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коришунова О.Н., Леухин А.В., Серова Е.Б.* Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / Под общ. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2002.
- Волженкин Б.В., Питерцев С.К.* Расследование дел о хулиганстве: квалификация, процессуальные особенности и методика расследования : Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. – Л., 1979.
- Волков Б.С.* Мотив и квалификация преступления. – Казань, 1968.
- Галакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. – М.: Юридическая литература, 1980.
- Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969.

- Гаухман Л.Д.* Расследование по делам о телесных повреждениях и хулиганстве. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1975.
- Гаухман Л.Д.* Объект преступления. Лекция. – М.: Академия МВД России, 1992.
- Гаухман Л.Д.* Субъективная сторона преступления (сравнительно-правовой аспект). Лекция. – М.: Академия МВД РФ, 1992.
- Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005.
- Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Ответственность за преступления против собственности. – М.: Учебно-консультационный центр «Центр ЮрИнфоР», 1997.
- Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997.
- Гледов Л.Д., Устинов В.С.* Ответственность за хулиганство. – М.: Знание, 1973.
- Дагель П.* Субъективная сторона хулиганства // Советская юстиция. 1968. № 5. С. 19.
- Даньшин И.Н.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. – Харьков, 1971.
- Даньшин И.Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1971.
- Жогин В.Н.* Борьба с хулиганством – дело всех и каждого. – М.: Юридическая литература, 1967.
- Загородников Н.И.* Преступления против здоровья. – М., 1969.
- Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А., Рарог А.И.* Уголовное право. – М., 1992.
- Иванов В.Д., Мазуков С.Х.* Субъективная сторона преступления. – Ростов-на-Дону: Булат, 1999.
- Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 2002.
- Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.* Практический курс уголовного права России. – Ставрополь, 2001.
- Кириченко В.Ф.* Об усилении борьбы с хулиганством. – М.: Знание, 1967.
- Ковалев М.И.* Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991.

- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.И. Никулина. – М., 2000.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 2005.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2008.
- Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму» (постатейный). – М., 2007.
- Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно правовой охраны. – М.: Академия МВД СССР, 1980.
- Коришунова О.Н.* Преступления экстремистского характера. – СПб., 2006.
- Кочои С.М.* Расизм: уголовно-правовое противодействие : Монография. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007.
- Кравченко А.И.* Социология: Словарь : Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 1997.
- Красиков Ю.А., Труфанов В.В.* Борьба с хулиганством. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1966.
- Кузнецов А.В.* Хулиганство и борьба с ним. – М.: Госюриздат, 1962.
- Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1985.
- Криминология : Учебник для студентов вузов / Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
- Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007.
- Курс советского уголовного права в шести томах. Часть особенная. Т. VI. – М.: Наука, 1971.
- Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. – Л., 1978.
- Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева. – Л., 1981.
- Лазарев А.М. Субъект преступления : Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. – М.: ВЮЗИ, 1981.
- Лазарев А.М. Субъект преступления : Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. – М.: ВЮЗИ, 1981.

- Лозовицкая Г.П.* Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы уголовных кодексов государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ): В 2 ч. / Под ред. П.Г. Пономарева. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2002. ч. 2.
- Ляпунов Ю.И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : Учебное пособие. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
- Матышевский П.С.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М.: Юридическая литература, 1964.
- Мыльников Б.А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты. – М., 2005.
- Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960.
- Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008.
- Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве : Учебное пособие. – М.: ВЮЗИ, 1980.
- Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001.
- Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений : Практическое пособие. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006.
- Расторопов С.В.* Преступления против здоровья человека по УК РФ 1996 г. – М.: Рязань: Русское слово, 2003.
- Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Юрлитинформ, 2005.
- Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник./ Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 1997.
- Рубан Л.С.* Как разрешать конфликты и формировать толерантность. – М.: Московское бюро по правам человека, ДАИАМП, МосУ МВД России, 2007.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999.

- Советское уголовное право: Часть Общая : Учебник / Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев и др. – М.: Юридическая литература, 1982.
- Солодухин С.А.* Логика : Методическое пособие для юридических факультетов. – М.: Экспертное бюро-М, 1998.
- Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. – М.: Госюр-издат, 1957.
- Уголовный закон в практике мирового судьи : Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005.
- Уголовный закон в практике районного суда : Научно-практическое пособие / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2007.
- Уголовное право. Особенная часть : Учебник. / Под ред. И.Я. Козаченко. и др. – М.: ИНФРА-М–НОРМА, 1997.
- Уголовное право. Общая часть : Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Институт международного права и экономики. Изд-во «Триада Лтд», 1997.
- Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная : Учебник / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В.Максимова. – М.: Юриспруденция, 1999.
- Уголовное право России. Общая и Особенная части / Под ред. В.П. Ревина. – М.: «Юридическая литература», 2000.
- Уголовное право. Практический курс : Учебное пособие / Под общ. ред. А.Г. Сапрунова / Под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.
- Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : Монография / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007.
- Шарапов Р.Д.* Квалификация преступлений, совершаемых с применением физического насилия. – Тюмень, 2001.
- Шаргородский М.Д.* Ответственность за преступления против личности. – Л., 1953.
- Шурухнов В.А.* Расследование вандализма : Учебное пособие / Под ред. Т.В. Аверьяновой. – М.: Юрлитинформ, 2005.
- Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : Методическое пособие / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009.
- Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1995.

Статьи

- Абдульманов А.* Ответственность за массовые беспорядки // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 43–44.
- Агапов П.В.* Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция. 2006. № 3. С. 14–15.
- Бабицкий С.* Люди, которые нас удивили // Комсомольская правда. 2008. 10–17 июля.
- Богданов В.* Убийственный призыв // Российская газета. 2009. 1 сентября.
- Бондаренко А.* Смерть в пробке // Российская газета. 2008. 11 января.
- Борисов С.В.* Хулиганство – одно из преступлений экстремистской направленности? // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России за 2005 г. Выпуск 9. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. С. 49–51.
- Бородин С.В.* Вопросы квалификации убийства из хулиганских побуждений // Советская юстиция. 1971. № 23. С. 18–19.
- Брайловская С.* Экстремистов доведут до суда // Российская газета. 2009. 16 июня.
- Бурковская В.* Новая редакция ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»: старые проблемы // Уголовное право. 2004. С. 12.
- Бурковская В.* Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики // Уголовное право. 2005. № 1. С. 104–106.
- Васильевский А.* Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. 2000. № 11. С. 23–25.
- Ветошкин С.* С бритой головы на здоровую // Российская газета. 2008. 6 марта.
- Волков Н.В.* Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. 2006. № 9. С. 5.
- Выжutowич В.* Понятие растяжимое // Российская газета. 2006. 24 ноября.
- Выжutowич В.* Слово и нож // Российская газета. 2008. 29 февраля.
- Гаврилов А.В., Москвитин О.А.* Пути решения проблем реализации законодательства о противодействии экстремизму //

- Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2005. № 4. С. 54.
- Гаухман Л.Д.* Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью. Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. – М.: Московский университет МВД России, 2007. С. 10.
- Графова Л.* Не сотвори себе врага // Российская газета. 2009. 4 июня.
- Грицюк М.* Профсоюзный «экстремизм» // Российская газета. 2008. 30 апреля.
- Давыденко В.* Провокатор на мобильнике // Российская газета. 2008. 25 июля.
- Дульман П.* Толкование экстремизма // Российская газета. 2006. 7 июля.
- Дурманов Н.Д.* Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 84.
- Ершов Ю.* Этнический бунт // Российская газета. 2009. 9 июля.
- Зарубин В.* Спорные вопросы субъективной стороны хулиганства // Уголовное право. 2001. № 3. С. 13.
- Иванов Н.* Хулиганство: проблемы квалификации // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 39.
- Иванов Н.Г., Косырев И.И.* Современный метаморфоз уголовно-наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 38.
- Из выступления Генсека ООН Пан Ги Муна на конференции по проблемам расизма в Женеве // Российская газета. 2009. 3 июля.
- Иногамова-Хегай Л.В.* Современные проблемы уголовного законодательства // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. С. 234.
- Кашепов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 32.
- Константинов П.* Уголовная ответственность за истязание // Законность. 2000. № 4. С. 10.
- Коряков А.* Провинциальный экстремизм // Российская газета. 2008. 24 октября.

- Курченко В.* Квалификация особо злостного хулиганства // *Законность*. 1998. № 7. С. 11.
- Мартыненко Б.К.* Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // *Северокавказский юридический вестник*. 1999. № 7. С. 66–74.
- Новикова Н., Радова А., Яковлева Е.* Топорнография. Подробности // *Российская газета*. 2007. 14 июля.
- «Орлы» целевого набора // *Комсомольская правда*. 2009. 30 июля – 6 августа.
- Павлинов А.В.* Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // *Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): Сборник научных трудов / Науч. ред. С.В. Максимов. – М.: Институт государства и права РАН, 2009. С. 214–215.*
- Педан С.А., Пиджаков А.Ю.* Политический экстремизм и терроризм в России: историографический обзор // *Россия и мир. Гуманитарные проблемы: Межвузовский сборник научных проблем. – СПб.: СПГУВК, 2005. Вып. 10. С. 208–211.*
- Позиция писателя // *Российская газета*. 2008. 11 января.
- Пономаренков В.А., Яворский М.А.* Сущностная характеристика современного экстремизма // *Юридический мир*. 2008. № 2. С. 42.
- Самолук И.* Ответственность за истязание // *Советская юстиция*. 1965. № 12. С. 21.
- Сердюк Л.* О понятии насилия в уголовном праве // *Уголовное право*. 2004. № 1. С. 51–52.
- Симонов В.И.* К вопросу о понятии истязания // *Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – Свердловск, 1983. С. 61.*
- Тамеев Р.* Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // *Законность*. 2006. № 6. С. 57.
- Тартаковский А.Д.* Некоторые вопросы характеристики истязаний по советскому уголовному праву // *Теория и практика борьбы с правонарушениями. Выпуск 1. – Душанбе, 1980. С. 36.*
- Титов В.Н.* О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // *Социологические исследования*. 2003. № 6. С. 42.
- Третьяков В.* Загадка экстремизма // *Российская газета*. 2002. 15 июня.

- Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 52–54.
- Тяжкова И. Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия? // Советская юстиция. 1967. № 18. С. 19.
- Федосенко В. Нашествие бритоголовых в суд // Российская газета. 2008. 22 июля.
- Федосенко В. Смертельная ненависть // Российская газета. 2008. 4 декабря.
- Федосенко В. Кто ответит за «свиной» // Российская газета. 2009. 30 июня.
- Феклюнин С. Нацистам указали на Тверь // Московский комсомолец. 2008. 29 апреля.
- Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 43–50.
- Чечель Г.И. Квалификация истязания по действующему законодательству. – Барнаул, 1989. С. 51
- Шестаков Е. Цепная реакция // Российская газета. 2009. 7 июля.
- Экстремистов посчитали // Российская газета. 2008. 26 августа.

Авторефераты и диссертации

- Амирокова Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России: Автореф. дисс. ... к. полит. н. – Черкесск, 2006.
- Борисов С.В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2005.
- Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Дисс. ... к. полит. н. – М., 2003.
- Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2000.
- Егоров В.С. Уголовная ответственность за хулиганство: Автореф. дисс ... к. ю. н. – М., 2000.
- Зарубин В.И. Уголовная ответственность за хулиганство: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2001.
- Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: Дисс. ... к. ю. н. – М., 2006.

- Киреев А.С.* Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в Российской Федерации: Дисс. ... к. полит. н. – М., 2003.
- Клюшниченко А.П.* Административная ответственность за хулиганство и проступки, совершенные на почве пьянства (по материалам практической деятельности органов МВД Украинской ССР): Автореф. дисс. ... д. ю. н. – М., 1969.
- Коновалов В.С.* Уголовная ответственность за причинение легкого вреда здоровью: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2002.
- Коржуев Е.К.* Ответственность за хулиганство по советскому праву: Дисс. ... к. ю. н. – М., 1955.
- Куделич А.В.* Хулиганство и убийство в уголовном праве: общее и особенное: Дисс. ... к. ю. н. – М., 1993.
- Новиков Д.В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект): Дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2002.
- Осиян А.В.* Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: Дисс. ... к. ю. н. – Ростов, 2004.
- Поминов С.Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – М., 2007.
- Скворцова Т.А.* Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: Дисс ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2004.
- Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дисс. ... к. ю. н. – Ростов-на-Дону, 2003.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Борисов Сергей Викторович
кандидат юридических наук

**Преступления экстремистской направленности:
проблемы законодательства, теории и практики**

Монография

Отв. за выпуск *В. Г. Федорченко*
Компьютерная верстка *Н. А. Кузнецова*

Издательство Международного юридического института
127427, г. Москва, Кашенкин луг, д. 4.

Подписано в печать 18.02.2010. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 300 экз. Заказ 100218к

Отпечатано в типографии МЮИ
127427, г. Москва, Кашенкин луг, д. 4.